

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА И.Г. ПЕТРОВСКОГО»
(БГУ)

На правах рукописи

ВОРОНИН ГРИГОРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

**ВОЕННО-ПОЛИЦЕЙСКИЙ НАДЗОР ЗА ВОЕННОПЛЕННЫМИ
НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(1914 – ФЕВРАЛЬ 1917 гг.)**

Специальность 5.6.1 «Отечественная история»

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор
Блохин Валерий Федорович

Брянск – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Становление государственной системы военно-полицейского надзора за военнопленными в России в 1914 г.	19
1.1. Международно-правовые нормы и национальное законодательство о статусе военнопленных	19
1.2. Организационная структура надзора за военнопленными в Российской империи и практики его реализации в начальный период войны	40
1.3. Национальный фактор в организации военно-полицейского надзора за военнопленными (1914–1917 гг.)	59
Глава II. Организация военно-полицейского надзора за военнопленными в Российской империи в годы Первой мировой войны	81
2.1. Организация охраны и внутреннего режима в условиях лагерной изоляции для военнопленных	81
2.2. Надзор за военнопленными на государственных предприятиях и на казенных общественных работах в России годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)	100
2.3. Военно-промышленный кризис и проблемы надзора при использовании военнопленных на частных промышленных предприятиях России в 1915–1916 гг.	122
2.4. Специфика надзора при использовании труда военнопленных в аграрном секторе	144
Глава III. Институт надзора за военнопленными в России через общественное восприятие и кризис управления (1915–1917 гг.)	168
3.1. Влияние общественных представлений о военнопленных в России на систему надзора	168
3.2. Система военно-полицейского надзора в условиях нарастающего кризиса (1916–1917 гг.)	192
Заключение	217
Список источников и литературы	223

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. История любой войны – это прежде всего описание сражений, маневров, анализ расстановки сил и решение экономических проблем. Однако война в человеческом измерении существенно отличается от всех этих составляющих, а Первая мировая война явилась первым в истории человечества вооруженным конфликтом глобального характера, в орбиту которого оказались вовлечены многомиллионные массы гражданского населения. Одна из неожиданностей этой масштабной войны – огромное число военнопленных и интернированных, оказавшихся на территории России и вынужденных находиться там на протяжении ряда лет.

В Российской империи к концу 1916 г., по имеющимся оценкам, пребывало от 2,2 до 2,4 миллионов военнопленных германской, австро-венгерской, турецкой, итальянской, болгарской армий. Таким образом, проблема их размещения, охраны и надзора приобрела невиданные масштабы, потребовав от власти выработки новых правовых и организационных механизмов. При размещении пленных не только военным структурам, но и губернским администрациям, было предоставлено широкое поле для деятельности.

До настоящего времени в исторической науке преобладал интерес к социально-экономическим и военно-стратегическим аспектам плена, т.е. условиям содержания, масштабам трудовой повинности, медицинскому обслуживанию и продовольственному снабжению лагерей. Однако во многих губерниях специальные места содержания пленных так и не были построены.

На заключительном этапе существования Российской империи масса военнопленных, в своем большинстве явно недружественно к ней настроенных, являлась дестабилизирующим фактором, так или иначе влиявшим на развитие социальных, экономических, а затем и политических процессов. Представляется актуальным исследовать деятельность военного командования и правительства по выстраиванию системы надзора и контроля в комплексе, чтобы определить их эффективность в контексте решения неминуемо возникавших на этой почве проблем.

Размещение военнопленных в неподготовленных для этого помещениях: от доходных домов до дровяных сараев, их рассредоточение на большой территории создавало серьезные проблемы надзора за ними. Анализ этих проблем позволяет глубже понять насколько государство эффективно справлялось с управлением многомиллионной массой «вражеских подданных» и почему к февралю 1917 г. надзор практически перестал функционировать.

Актуальность работы определяется также отсутствием комплексного анализа военно-полицейского надзора за военнопленными в работах исследователей. Помощь в решении этой проблемы может оказать введение в научный оборот новых архивных документов, в частности, из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), которые ранее не использовались для изучения этой проблематики.

Выявление причин кризиса надзорной системы в 1914–1917 гг. расширит и дополнит представление о причинах нараставших проблем, приведших к краху российской государственности в целом.

Степень научной разработанности темы. Проблемы военного плена в годы Первой мировой войны на сегодняшний день имеют обширную отечественную и зарубежную историографию, но этот интерес на разных этапах распределялся неравномерно. Современное возрождение внимания к этой теме связано со столетием Первой мировой войны.

Историографический обзор построен по хронологическому и тематическому принципам, с выделением нескольких периодов и направлений.

В дореволюционной историографии (1914–1917 гг.) еще не сложилось научного осмысления проблемы, и в тот период и чаще всего преобладали описательные публикации с ярко выраженными чертами общественных настроений, основанных на негативном отношении к представителям воевавших против России государств. Первые брошюры периода войны были посвящены главным образом вопросам плена и связанным с ним аспектам юридического и экономического характера¹, что являлось

¹ Е. Л. Военнопленный вопрос. Томск, 1914; Косвен М. Военнопленные. Очерк по международному и военному праву. Петроград, 1915; Авербах О.И. Законодательные акты чрезвычайного

свидетельством подготовки России к решению будущих проблем, вызванных войной. Военнопленные рассматривались в качестве рабочей силы, применение которой играло важную роль в военной экономике страны. Количественные данные о военнопленных и их участии в хозяйственной деятельности в России появились уже в 1918 г. в официальном органе Народного комиссариата труда РСФСР².

Советская историческая наука рассматривала Первую мировую войну в первую очередь через призму причин Октябрьской социалистической революции 1917 г., отдавая предпочтение господствовавшей концепции осмысленной деятельности партии большевиков, возглавившей движение пролетариата и беднейшего крестьянства, обеспечивших объективный характер революции.

Руководитель созданной в годы Гражданской войны военно-исторической комиссии Н.М. Жданов в 1920 г. опубликовал книгу о русских военнопленных с одной главой, посвященной фактам из жизни военнопленных в самой России. Автор рассмотрел организацию их учета, нормы международного права в области содержания и использования труда военнопленных, а также описал условия содержания пленных. На изложенном материале в полной мере отразился критический настрой советской историографии по отношению к предшествующему политическому устройству России.

Н.М. Жданов констатировал, что в отличие от Германии, где с самого начала войны учет военнопленных был поставлен образцово, в России точных данных об общем числе германских и австрийских пленных не было практически на протяжении всех лет войны³. В то же время в работе была лишь обозначена проблема надзора за пленными и не содержался анализ военного плена с этой точки зрения.

характера, вызванные войной. Т 1, 2. Пг., 1915; *Алексеев Н.* Военный плен и международное право. М., 1915; *Баталин А.М.* Труд военнопленных на постройке железных дорог. Пг., 1916. [На правах рукописи]; *Жданов Н.М.* Доклад о юридической помощи военнопленным и их семьям. М., 1916.

² *Аникст А.* Количество военнопленных на всей территории России // Статистика труда. 1918. № 2–3. С. 31–32.

³ *Жданов Н.* Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 г.г. М., 1920; *Жданов Н.М.* Военный плен в условиях мировой войны // Сборник статей по военному искусству. М., 1921. С. 80–139.

Участник Первой мировой войны, чех по происхождению, А.С. Шипек сам присутствовал при массовой сдаче в плен целых полков чехов из австро-венгерской армии. Только за 1915 г. на сторону России перешло около 600 тыс. чехов, а в конечном итоге, по его сведениям, сдалось в плен около 4 млн солдат и офицеров австрийской империи «явившихся для русского командования огромной обузой»⁴. Автор отмечал, что в лагерях военнопленных всю эту массу необходимо было кормить, перевозить, караулить и уплачивать офицерам жалованье. В богатой хлебом царской России наплыв военнопленных не так сильно чувствовался, как в Германии, но и здесь, продержав весь 1915 г. военнопленных в лагерях, встал вопрос о необходимости «разгрузки» и использования пленных в хозяйственной деятельности.

Вопросами плена в первые годы существования советской власти занимались непосредственные участники событий, а основным предметом исследования выступала проблема вовлеченности военнопленных в события, связанные с утверждением советской власти⁵. Политика Российской империи в отношении военнопленных оценивалась исключительно в негативном ключе с целью аргументации причин их участия в боевых действиях на стороне советской власти. Исследователи в первую очередь рассматривали историю военнопленных через призму интернационализма и классовой борьбы, роста классового сознания, революционизирования и солидаризации с интересами революционных российских масс.

Однако это направление в изучении многоаспектной проблемы плена в годы Первой мировой войны оказалось приостановленным событиями конца 1930-х – 1940-х гг. Начавшаяся Вторая мировая война кардинально изменили правовое регулирование вопросов плена. Изучение участия в становлении советской власти в России немцев, венгров, австрийцев, вновь оказавшихся главными врагами СССР в войне, утратило актуальность. Издававшаяся литература в нацистской Германии

⁴ Шипек А. Военнопленные и их использование в мировой и гражданской войне // Война и революция Книга вторая. М., 1928. С. 65.

⁵ Ульянов И.И. Октябрьская революция и военнопленные // Пролетарская революция. 1929. № 7. С. 95–110; Шнейдер И. Революционное движение среди военнопленных в России в 1915–1919 гг. // Борьба классов. 1935. № 3. С. 54–61.

по поводу плена во время Первой мировой войны настойчиво подводила читателя к мысли о необходимости борьбы против ужасов теперь уже советской власти.

После окончания Великой Отечественной войны вырос интерес к теме интернационалистского движения. После создания в 1955 г. Варшавского договора (военно-политического союза социалистических стран Европы во главе с СССР) и столетия Октябрьской революции (1957 г.) и до конца 1980-х гг., по оценке А.Н. Талапина, по истории интернационализма было опубликовано свыше 600 работ, среди которых были сборники документов и статей, материалы конференций⁶. В литературе этого плана вопросам плена отводилась лишь вспомогательная роль, а доминирующими являлись проблемы иностранных частей в составе русской армии, вопросы большевистского влияния на пленных, а также участие иностранцев в Октябрьской революции.

В результате изучение движения интернационалистов ограничивало возможности исследования реальных проблем, связанных с пленом, с жизнью военнопленных и тем более с вопросами надзорной практики. В названиях работ доминировали специфические понятия, отражавшие смысл заявленной тематики: «интернациональная солидарность трудящихся», «иностранцы пролетарии», «деятельность партии большевиков среди иностранных военнопленных», «сотрудничество военнопленных интернационалистов с сибирскими рабочими», «вклад интернационалистов в революционное рабочее движение» и др.

С 1960-х гг. в отечественной историографии начал нарастать интерес к изучению внутривойсковых процессов, происходивших в России накануне падения самодержавия. Однако вплоть до 1980-х гг. военный плен рассматривался главным образом в устоявшихся традициях истории классовой борьбы⁷. Новые наблюдения были связаны с использованием труда военнопленных в экономике страны.

⁶ Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири (июль 1914 – май 1918 гг.): автореф. ... канд. ист. наук. Омск, 2005. С. 6.

⁷ Интернационалисты в боях за власть Советов / под ред. М. А. Бирмана [идр.]. М.: Мысль, 1965. 398 с.; Интернационалисты: трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов / редкол.: А. Я. Манусевич (отв. ред.) [и др.]. М., 1967.

До 1990-х гг. историография военного плена оставалась крайне фрагментированной, хотя во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. в советской исторической науке на волне утверждения процесса гласности начинает проявляться стремление к пересмотру господствовавших представлений, основанных на узкоклассовых оценках. Стали игнорироваться идеологические шаблоны, начался процесс полноценного исследования военного плена Первой мировой войны.

Постсоветская российская историография, начало которой было положено в 1990-е гг., знаменовалась отходом от узкоклассовых стереотипов, окончательным отказом от предшествующей «интернационалистской» тематики, исчерпавшей себя уже в 1970-е гг. В 1997 г. появилась первая диссертация по теме «Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны». Автор диссертации С.Н. Васильева осветила понятие «военного плена» в международном праве, проанализировала правовые и гуманитарные аспекты положения военнопленных Германии, Австро-Венгрии и России, отношение к ним официальных властей. В работе был использован значительный фактический материал, раскрывающий особенности использования труда военнопленных на хозяйственных и военных объектах⁸.

Для исследователей в этот период открылась возможность выявления многочисленных новых проблем, сознательно скрытых в предшествующий период развития отечественной исторической науки. Главной особенностью этого периода явилось региональное изучение особенностей плена, продемонстрировавшее широкий его размах. С конца 1990-х гг. на основании новых архивных материалов была осуществлена защита значительного количества диссертаций⁹. Определенным итогом этого периода в изучении проблем плена стала докторская диссертация

⁸ *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997.

⁹ *Щеров И.П.* Организация и деятельность коллегии по делам пленных и беженцев в Смоленском крае (1914–1921 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. М., 1998; *Безруков Д.А.* Система управления военнопленными и использование их труда в Новгородской губернии 1914–1918 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2001; *Талапин А.Н.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири: Июль 1914 – май 1918 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2005; *Еремин И.А.* Западносибирский тыл России в годы Первой мировой войны: июль 1914 – март 1918 гг.: дисс. ... докт. ист. наук. Барнаул, 2006; *Гергилева А.И.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2006; *Идрисова Э.С.* Иностранные

Н.В. Суржиковой¹⁰. В своей работе автор проследила динамику перемещения и численность военнопленных, определила социально-демографические статусы пленных, рассмотрела проблемы распределения потребительских ресурсов и их включение в систему производственных практик.

В целом для литературы современного периода характерен отход от однозначных оценок, исследователи затрагивают вопросы, связанные с правовыми и нравственными проблемами плена¹¹. На основе широкого круга архивных источников появились и обобщающие работы, связанные с этой темой. Так, И.Б. Белова комплексно рассмотрела военнопленных как часть массовых перемещений населения¹².

Диссертация Георга Вурцера (Georg Wurzer), защищенная в 2000 г., посвящена военнопленным Центральных держав в России в годы Первой мировой

военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1922 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008; *Ниманов Б.И.* Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 годах в Поволжье: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009; *Остроухов А.И.* Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011.

¹⁰ *Суржикова Н.В.* Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.): дисс. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2015.

¹¹ *Ивашиов, Л.Г., Емелин А.С.* Нравственные и правовые проблемы плена в отечественной истории // Военно-исторический журнал. 1992. № 1; *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: Уч. пособие к спецкурсу. М., 1999; *Гордеев О.Ф.* Военнопленные Первой мировой войны в Сибири (август 1914 – февраль 1917 гг.). Историко-правовые аспекты проблемы // Актуальные проблемы теории и истории государства и права. Сб. науч. ст. Красноярск, 2002. С. 30–37; *Бондаренко Е.Ю.* Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956 гг.). Владивосток, 2002; *Солнцева С.А.* Военнопленные в России в 1917 г. (март – октябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1; *Иконникова Т.Я.* Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск, 2004; *Крючков И.В.* Военнопленные Австро-Венгрии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны. Ставрополь, 2006; *Зубов Д.Ю., Красин В.М., Курков В.В., Тихонов А.В.* Народы Востока и Калужский край: ссыльные и военнопленные мусульмане в Калужской губернии во второй половине XIX – начале XX веков. Калуга, 2009; *Нагорная О.С.* Военный плен Первой мировой на Восточном фронте: традиции «прекрасной эпохи» и тенденции «тотальной войны» // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. «История России». 2011. № 1. С. 122–134; *Калякина А.В.* Под охраной русского великодушия. Военнопленные Первой мировой войны в Саратовском Поволжье (1914–1922). М., 2014; *Познахирев В.В.* Турецкие военнопленные и гражданские пленные в России в 1914–1924 гг. СПб., 2014. С. 144.

¹² *Белова И.Б.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М., 2014.

войны. В 2005 г. была издана монография, в основе которой лежит диссертационное исследование¹³. Г. Вутцер в своей работе рассмотрел условия размещения военнопленных в лазаретах во внутренних районах России, расположение мест размещения, положение пленных в лагерях, санитарно-гигиенические условия. Затронул вопросы, связанные с российской караульной службой, характер запретов и особенности личной свободы военнопленных. Ценность исследования заключается в широком использовании воспоминаний участников этих событий, рассмотренных вплоть до ноября 1918 г.

Темой военнопленных на территории России занимались немецкие исследователи. В работе использованы труды известного немецкого историка, профессор Фрайбургского университета Райнхарда Нахтигала (Reinhard Nachtigal). Автор провел масштабные исследования, отразившие особенности использования труда австро-венгерских и немецких военнопленных в Российской империи, осветил инспекторские поездки в российские лагеря для военнопленных сестер милосердия, осуществленные при посредничестве Датского Красного Креста¹⁴.

Статья Адама Миодовского (Adam Miodowski) «Побеги из российского плена военнопленных, захваченных на Восточном фронте (август 1914 – февраль 1917)»¹⁵, представляет собой исследование, посвященное одному из ключевых, но ранее недостаточно изученных вопросов истории Первой мировой войны – проблеме побегов военнопленных Центральных держав из российского плена. Работа А. Миодовского демонстрирует, как административные и ресурсные ограничения Российской империи влияли на условия содержания и контроль над пленными.

Однако, несмотря на несомненные достоинства ряда перечисленных работ, в них лишь фрагментарно затрагивается военно-полицейский надзор. Исследователи

¹³ *Wurzer Georg*. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Rußland im Ersten Weltkrieg, Göttingen: V&R unipress, 2005. 626 s.

¹⁴ *Нахтигаль Р.* Осмотр лагерей военнопленных в России сестрами милосердия Центральных держав в 1915–1917 гг. // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007. С. 84.

¹⁵ *Miodowski A.* Escapes from Russian Captivity by Prisoners of War Taken on the Eastern Front (August 1914 – February 1917) // The Journal of Slavic Military Studies. 2021. Volume 34. Issue 2. Pages 303–321.

в основном сосредотачивались на социально-гуманитарной проблематике – условиях содержания военнопленных, продовольственном и медицинском обеспечении, трудовом использовании. Вопросы же организации и функционирования военно-полицейского надзора с точки зрения его структуры, компетентности военных, жандармских и полицейских органов, взаимодействие с губернской администрацией и лагерным начальством, а также конкретные практики учета, контроля за перемещением, перепиской, предотвращения побегов и антиправительственной агитации – остаются на периферии или рассматриваются лишь в виде отдельных сюжетов. Между тем без их системного анализа невозможно восстановить целостную картину режима военного плена и понять, как на практике сочетались карательные и гуманитарные начала.

Изучение ранее не использованных документов позволит расширить за счет новых сведений из архивных материалов. Плен периода Первой мировой войны отличался масштабностью как по числу людей, так и по местам их размещения. При этом проблемы надзора – при обязательном учете его роли в освещении различных аспектов реализации на разных этапах войны – до сих пор не рассматривается как исследовательская тема. Комплекс аспектов этой темы включает правовую базу, межведомственное участие, методы работы и оценку эффективности в масштабе всей страны.

Объект и предмет исследования:

Объектом исследования являются военнослужащие, оказавшиеся в плену на территории Российской империи в период 1914–1917 гг.

Предметом исследования является комплекс правовых норм, методов и практик военно-полицейского надзора за военнопленными армий противников России в войне.

Хронологические рамки охватывают период с начала Первой мировой войны до учреждения Временным правительством 30 марта 1917 г. Центрального Комитета по делам о военнопленных при Главном управлении Российского общества Красного Креста. Эта организация пришла на смену системе надзора, действовавшей при прежней власти и определяла характер надзора за военнопленными в

условиях войны. В первой главе исследования использованы более ранние международные и российские документы. В диссертационном исследовании все даты даны по «старому стилю».

Территориальные рамки включают всю территорию Российской империи в ее административных границах указанного периода, с особым вниманием к тыловым губерниям, где размещались основные лагеря и использовался труд военнопленных: Сибирь (Томская, Тобольская, Иркутская Енисейская губернии), Поволжье (Саратовская, Самарская, Казанская, Астраханская губернии), Центральная Россия (Смоленская, Тульская, Костромская, Ярославская губернии), Урал (Пермская, Оренбургская и Вятская губернии).

Цель и задачи исследования заключается в комплексном анализе эволюции официально установленных норм, правил и методов, результатов военно-полицейского надзора за военнопленными в Российской империи в 1914–1917 гг., а также воздействовавших на этот надзор факторов.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- Проанализировать правовую базу надзора и выявить ее внутренние противоречия и пробелы.
- Определить структуру надзора, функции каждого ведомства (Военное министерство, штаб Верховного главнокомандующего, Главное управление Генерального штаба, штабы военных округов, Министерство внутренних дел, Департамент полиции, Отдельный корпус жандармов) и характер межведомственного взаимодействия.
- Систематизировать категории военнопленных, подлежавших надзору, по национальному, социальному и «трудовому» критериям, показав, как эта категоризация влияла на режим контроля.
- Реконструировать основные методы надзора: лагерную изоляцию, полицейский контроль вне лагерей в процессе работы в промышленности и в сельском хозяйстве.
- Определить степень влияния общественных представлений о военнопленных в России на систему надзора.

- Оценить эффективность системы, выявить факторы ее ослабления и причины кризиса к февралю 1917 года.

Методологическая основа исследования опирается на принципы *историзма* (рассмотрение явлений в их развитии и взаимосвязи), *объективности* (учет всех доступных источников, включая противоречивые), а также *системного подхода* (анализ надзора как целостного комплекса, а не суммы изолированных мероприятий).

В работе применялись как *общенаучные методы* (анализ, синтез, дедукция, индукция, классификация), так и *специально-исторические*:

- *историко-генетический* – для прослеживания эволюции надзорной системы от импровизации к упорядоченным действиям и к последующему кризису;
- *сравнительно-исторический* – для сравнения режимов надзора за разными категориями военнопленных (немцы, австрийцы, венгры – славяне, офицеры – рядовые);
- *проблемно-хронологический* – для анализа ключевых проблем (правовой статус, межведомственные конфликты, побегі) в их временной последовательности;
- *историко-правовой* – для анализа законодательных актов и нормативных документов.

Помимо подхода, сосредоточенного на анализе законодательства и деятельности центральных ведомств, в работе применен микроисторический и региональный подход. В исследовании рассматриваются Коломенский и Гусь-Хрустальный заводы, другие объекты, на которых использовался труд военнопленных, отдельные сельскохозяйственные имения, что позволяет увидеть преломление указаний, исходящих из центра, в разных локальных ситуациях. Реальные практики показывают не только проблему как таковую, но и шаги по ее решению, демонстрируют конкретный результат, зачастую разительно отличающийся от официальных предписаний.

Источниковая база исследования включает:

1. Законодательные акты, выражавшие и закреплявшие международные и российские правовые нормы в отношении военнопленных.

В начале XX в. обозначилась тенденция к расширению масштабов войн, что поставило международную общественность перед необходимостью их ограничения и обеспечения максимально возможного сохранения гуманитарных начал в военных действиях. Конвенция для улучшения участи раненых и больных в действующих армиях, заключенная в Женеве 6 июля 1906 г., подписание в 1907 г. второй Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны явились результатом такой деятельности, а особая глава «О военнопленных» зафиксировала необходимость гуманного обращения с безоружными солдатами и офицерами противника¹⁶.

С началом мировой войны «Положение о военнопленных», высочайше утвержденное 7 октября 1914 г., постановления Совета министров Российской империи и ряд других документальных решений предоставили возможность реализации на практике международных норм в сфере надзора за военнопленными¹⁷.

2. В работе широко использовалась **делопроизводственная документация**, хранящаяся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА); в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ); в Российском

¹⁶ The hague conventions of 1899 (II) and 1907 (IV) respecting the laws and customs of war on land. Published by the endowment Washington, d. c. 1915; Конвенция для улучшения участи раненых и больных в действующих армиях, заключенная в Женеве 6 июля 1906 г. // URL: <https://www.newspapers.historyrussia.org/ru/nodes/399123-konventsia-dlya-uluchsheniya-uchasti-ranenyh-i-bolnyh-v-deystvuyushih-armiyah-zaklyuchennaya-v-zheneve-6-iyulya-1906-g#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 28.07.2026); Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (Гаага, 18 октября 1907 г.): Приложение: Положение о законах и обычаях сухопутной войны // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/2540206/> (дата обращения: 28.07.2026); Воззвание Верховного главнокомандующего Российской императорской армией великого князя Николая Николаевича (младшего) Романова к народам Австро-Венгрии // Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917 гг. Документы и материалы. М., 2013. Том 1. 1016 с.

¹⁷ Положение о военнопленных русско-японской войны от 13 мая 1904 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1904. Отд. I. Ст. 1268; Положение о военнопленных // Россия. Военные уставы и наставления. Положение о военнопленных. СПб., 1914; Решение Совета министров от 25 августа 1914 г. о внесении изменений в Положение о военнопленных. Особый журнал совета министров 23 Августа 1914 года. О работах, подлежащих выполнению трудом военнопленных // РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 73. Л. 191–193 об.; Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ от 16 сентября 1914 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 10, ч. 60. Л. 12–15; Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях // ГАРФ. Ф. 102. 1915 г. Оп. 73. Д. 10, ч. 10 (2). Л. 8; Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы: Высочайше утверждены 28 февраля 1915 г. // Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по 1 января 1916 г. Петроград, 1916. С. 341–342; *Авербах О.И.* Законодательные акты чрезвычайного характера, вызванные войной. Т. I, II. Пг., 1915.

государственном историческом архиве (РГИА); опубликованные в сети Интернет материалы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российского Государственного архива Военно-морского флота (РГАВМФ). В число документального материала, хранящегося там, входят: циркуляры и инструкции, рапорты губернаторов и начальников жандармских управлений в Департамент полиции, переписка министров друг с другом, специальных отделов штабов фронтов, округов с Главным управлением Генерального штаба (ГУГШ) и с гражданскими властями, справки о положении военнопленных.

3. Несомненную ценность для написания работы представляли **периодические издания**. Печать представлена как ведомственными изданиями, уделявшими внимание надзорной практике: «Вестник полиции»¹⁸, «Вестник Красного Креста», «Известия главного комитета Всероссийского Земского Союза», так и публикациями в петроградских и московских газетах: «Новое время», «Вечернее время», «Биржевые Ведомости», «Речь», «Русские ведомости», «Русское слово».

В еженедельном издании «Вестник полиции» на протяжении всего военного времени особое внимание уделялось проблеме отношения населения к военнопленным, о чем более подробно рассказано в третьей главе диссертационного исследования.

Публикации периодических массовых изданий способствуют рассмотрению положения военнопленных в России, помогают оценить восприятие рассматриваемой проблемы современниками событий.

4. **Источники личного происхождения.** Бывшие военнопленные, после возвращения домой, создали большое количество наполненных эмоциями воспоминаний. Ряд мемуаров, написанных на немецком языке, легли в основу создания диссертации и монографии немецкого историка Георга Вурцера, использованной в настоящей работе. В Российском историческом архиве хранится фонд Д.Н. Вергуна, содержащий записки уполномоченного Совета попечительства о пленных славянах Ивана Федоровича Белика, а также машинописную рукопись неустановленного лица о положении военнопленных в селе Тоцком Самарской губернии¹⁹.

¹⁸ Вестник полиции. Еженедельное издание. 1914–1917 гг.

¹⁹ РГИА. Ф. 909. Оп. 1. Д. 425.

Широко известным и часто цитируемым является дневник будущего немецкого писателя Э. Двингера, находившегося четыре года в сибирских лагерях и тайно записывавшего все происходившее с ним²⁰. Несомненный интерес представляют и другие воспоминания²¹, давшие возможность оценить особенности реализации надзорной политики в разных территориях Российской империи.

5. Несомненную важность для исследования представляют **статистические материалы**: данные о численности военнопленных, сведения о лагерях, статистика побегов²².

Анализ источников и изучение научной литературы позволили создать комплексное исследование конкретной проблемы осуществления надзорной политики в отношении военнопленных в период Первой мировой войны, выявить ее основные особенности и последствия осуществления.

Научная новизна диссертации представляется не только в выявлении проблем, возникших в связи с появлением большого количества пленных и сложностей надзора за ними, но и в демонстрации серьезных противоречий российской государственной системы военного времени. Их причина заключалась в межведомственной разобщенности, в традиционном разрыве между центром и провинцией, при котором правительство путем издания циркуляров пыталось упростить процедуру надзора, а губернские власти, как это следует из представленных в работе документов, в том числе впервые вводимых в научный оборот, исходили из своих представлений о безопасности и сознательно тормозили исполнение поступавших предписаний.

В диссертационном исследовании показано, как война трансформировала не только экономику, но и социальные отношения, создавая из-за массового размещения военнопленных в регионах новые формы конфликтов. Новизна работы также

²⁰ Двингер Э. Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. / Перевод Е. Захарова. М., 2004.

²¹ Мюнних Ф. Бурный путь. Воспоминания. Авторизованный перевод с венгерского. М., 1968; Элерт К.Г. Две мировые войны в жизни нашей семьи. Пер. с нем. Т. А. Безуглой. СПб., 2015; Дыбоский Р. Семь лет в России и Сибири (1915–1921): Приключения и впечатления. М., 2020. Ванек К. Приключения храброго солдата Швейка в русском плену. СПб., 1993.

²² Аникст А. Количество военнопленных на всей территории России // Статистика труда. 1918. № 2–3. С. 31–32.

состоит в открытии новых фактов, представляющих ранее активно изучаемую проблему в разноплановом измерении, при которых военнопленные выступали активными участниками набравших силу социальных конфликтов, а государственная система демонстрировала свои системные слабости.

Положения, выносимые на защиту. На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Правовая база военно-полицейского надзора за военнопленными создавалась с опозданием, носила фрагментарный характер и не предусматривала механизмов координации между военным и гражданским ведомствами, что послужило основой для будущего системного кризиса.

2. Надзорная система представляла собой полицентричную модель с дуализмом Военное министерство – Министерство внутренних дел, Департамент полиции, Отдельный корпус жандармов, отсутствием единого координатора и нараставшими межведомственными конфликтами.

3. Ключевым элементом надзора стала политика этнической и социальной категоризации, создавшая иерархию поднадзорных групп. Привилегированные категории («трудообязанные славяне») получили фактическую свободу передвижения, что привело к массовым побегам.

4. Система надзора вне лагерей была в своем большинстве неэффективной, поскольку она лишь наблюдала за размещением пленных на работах, но не могла обеспечить активный контроль из-за кадрового дефицита на огромных территориях из-за оттока представителей жандармских и полицейских структур на фронт.

5. Массовые побеги явились показателями неэффективности надзора и симптомом системного кризиса. Борьба с побегами, возложенная на полицию, не приносила результатов из-за слабого взаимодействия ведомств и большой протяженности территории.

6. К февралю 1917 г. система военно-полицейского надзора находилась в кризисном состоянии с практикуемой подменой реального контроля различными формами приспособления к сложившейся обстановке.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты вносят вклад в изучение истории российской государственности, эволюции институтов полиции и армии, истории права, социальной истории Первой мировой войны. Полученные в работе результаты могут быть использованы для анализа других систем контроля в экстремальных условиях.

Практическая значимость заключается в возможности применения материалов диссертации при подготовке общих и специальных курсов по истории России XX века («История Первой мировой войны», «История права и правоохранительных органов»), а также при написании учебных пособий и обобщающих трудов по истории государственных институтов.

Апробация исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования в виде докладов и сообщений докладывались на межвузовских научных конференциях (с международным участием): «Трансграничье: теория и практика социокультурных контактов» (Брянск, 2024, 2025 гг.). Текст выступлений размещен в сборниках 2-х статей, вошедших в РИНЦ. По теме диссертации опубликовано 3 статьи в рецензируемых изданиях ВАК.

Структура работы. Диссертация (общим объемом 243 страниц) состоит из введения, трех глав (9 параграфов), заключения, списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА I

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ВОЕННО-ПОЛИЦЕЙСКОГО НАДЗОРА ЗА ВОЕННОПЛЕННЫМИ В РОССИИ В 1914 г.

1.1. Международно-правовые нормы и национальное законодательство о статусе военнопленных

Становление системы международно-правового регулирования обращения с военнопленными в конце XIX – начале XX века было непосредственно связано с деятельностью Гаагских мирных конференций. Однако Россия выступила еще раньше инициатором кодификации законов и обычаев войны. Еще в 1874 г. по ее инициативе была созвана конференция в Брюсселе, на которой был выработан проект международной декларации о законах и обычаях войны, включавший раздел «О военнопленных», предписывавший: «Обращаться с ними следует человеколюбиво»²³. Брюссельский проект остался, однако, нереализованным, но его положения стали важной основой для последующих международных соглашений.

Первый реальный опыт применения системных правил в отношении военнопленных в России был получен в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Эта война стала серьезным испытанием для российской армии и государственного аппарата, в том числе в части организации приема, размещения и содержания массового количества военнопленных, число которых в новейших исследованиях определяется примерно в 100 тыс. человек²⁴.

Для урегулирования вопросов, связанных с массовым поступлением пленных, было разработано и 2 июля 1877 г. введено в действие «Временное положение о военнопленных Восточной 1877 года войны». Исследователь В.В. Познахирев

²³ Проект международной декларации о законах и обычаях войны (составленный конференцией в Брюсселе, в 1874 г.) // *Мартенс Ф.* Восточная война и Брюссельская конференция 1874–1878 г. СПб., 1879. Приложение № 2.

²⁴ *Познахирев В.В.* Оттоманские военнопленные в России в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. СПб., 2017. С. 60.

утверждает, что, благодаря этому положению, «Россия приобрела не просто принципиально новый, но и, вероятно, один из наиболее прогрессивных и совершенных для своего времени базовых документов о военнопленных»²⁵. Он же отмечает, что разработка документа проходила в атмосфере противоборства двух концепций. Одна из них основывалась на принципе, что «военным (властям. – *Г.Г. Воронин*) не следует поручать то, что в состоянии делать и гражданские». Ее поддерживали представители Военного министерства, Министерства внутренних дел (МВД), Министерства финансов и Министерства путей сообщения (МПС). Вторая, которую представляло Министерство иностранных дел (МИД), основываясь на нормах Брюссельской декларации 1874 г. и опыте Франко-прусской войны 1870–1871 гг., отсылала к другому принципу: «гражданским следует поручить лишь то, что военные делать не в состоянии»²⁶. В итоге победила позиция Министерства иностранных дел, в результате чего пленные были изъяты из подчинения МВД и переданы в распоряжение Военного министерства, при этом гражданские власти должны были оказывать военному начальству «всемерное содействие (§ 30)»²⁷.

«Положение» определяло содержание военнопленных во внутренних регионах Империи «при местных войсках в виде команд» с распределением, составляемым Главным штабом, который также снабжал местных воинских начальников «подробными инструкциями для содержания пленных и формами для ведения отчетности о них» (§ 31). Пленные должны были находиться «в непосредственном ведении тех начальников воинских частей, при которых они состоят», и начальники частей должны были «строго смотреть за тем, чтобы пленным не было причиняемо обид и притеснений» (§ 33).

Положение предусматривало также разделение команд пленных на взводы, полуроты, роты и более крупные части «для наблюдения за пленными и сохранения

²⁵ Познахирев В.В. Османские военнопленные в России в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С. 29.

²⁶ Там же. С. 28–29.

²⁷ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 2-е. Т. 52. Отд. 2. № 57530.

между ними порядка». В тех местах, где надзор не представлял затруднений, допускалось назначение «благонадежных пленных офицеров» для заведывания пленными, а также разделение взводов на отделения и десятки «с назначением отделенных и десяточных начальников из числа пленных» (§ 34).

В случае, если большое количество военнопленные размещалось не в крепостях, то для надзора за ними, по указаниям Главного штаба и по распоряжениям военно-окружных начальств, командировалось соответственное число войск (§ 37). Положение предоставляло пленным офицерам проживать на частных квартирах с сообщением об этом местной полиции (§ 38).

Таким образом, «Положение» 1877 г. содержало ряд важных норм, определявших специфику надзора над военнопленными. Оно усиливало контроль за военнопленными, в то же время было направлено на предотвращение злоупотреблений по отношению к ним. Так, на начальников воинских частей, при которых содержались пленные, возлагалась обязанность «строго смотреть за тем, чтобы пленным не было причиняемо обид и притеснений» (§ 33). Они также должны были следить за тем, чтобы положенное довольствие доходило до пленных полностью и в надлежащем виде. Положение устанавливало четкие правила применения оружия против пленных: оно разрешалось «при открытом с их стороны возмущении и побеге массами». При побеге же одного человека оружие могло быть использовано только в том случае, если, несмотря на предостережение или оклик, пленный продолжал бегство (§ 60). Пленные, пойманные после побега, не подлежали взысканию по суду за сам побег (§ 61). Однако их могли подвергнуть более строгому надзору и дисциплинарным взысканиям.

В документе подчеркивалась необходимость гуманного обращения с военнопленными, что соответствовало духу международных договоренностей того времени. Этот документ стал важным этапом эволюции правового регулирования отечественной системы военного плена, заложив основы для последующих актов. Важно подчеркнуть, что именно это «Положение» впоследствии было взято за основу при разработке «Временного положения о военнопленных» 1904 г., что свидетельствует о его высокой правовой и организационной ценности. Вместе с тем,

«Положение» 1877 г. не содержало детализированных механизмов надзора и контроля, что в условиях войны приводило к определенным сложностям в организации охраны пленных.

Осознание необходимости дальнейшего совершенствования правил ведения войны привело к тому, что по инициативе России в 1899 г. была созвана Первая Гаагская конференция мира. В ее работе приняли участие представители 26 государств. Главная цель конференции, сформулированная в ноте министра иностранных дел графа М.Н. Муравьева и направленной аккредитованным послам иностранных государств – «Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений»²⁸, – не была достигнута, однако конференция заложила прочную основу для кодификации законов войны.

Конференция, начавшая работу 18 мая 1899 г., наряду с другими приняла Конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны, которая воспроизвела, с некоторыми изменениями и дополнениями, постановления Брюссельского проекта²⁹. В этом документе впервые в истории на многосторонней основе были сформулированы нормы, регулирующие режим военного плена.

Центральным принципом, закрепленным в ст. 4, приложенном к конвенции «Положение о законах и обычаях сухопутной войны» 1899 г., являлось утверждение о том, что военнопленные находятся во власти *государства*, а не *отдельных лиц или подразделений*, их захвативших, что должно было исключить произвол со стороны захвативших пленных солдат или командиров и возлагало ответственность за их судьбу на правительство³⁰.

Вопросы, относившиеся к надзору, затрагивались в ст. 5 «Положения», устанавливая следующие правила: «Военнопленные могут быть интернированы в го-

²⁸ Циркулярное сообщение министра иностранных дел пребывающим в Санкт-Петербурге представителям иностранных государств от 12-го августа 1898 г. // Правительственный вестник. 1898. № 178. 16 августа.

²⁹ The hague conventions of 1899 (II) and 1907 (IV) respecting the laws and customs of war on land. Published by the endowment Washington, d. c. 1915.

³⁰ The hague conventions of 1899 (II). P. 9.

роде, крепости, лагере или любом другом месте и обязаны не выходить за определенные установленные пределы; однако они могут быть заключены только в качестве необходимой меры безопасности и лишь до тех пор, пока продолжают существовать обстоятельства, вызывающие эту меру»³¹.

В ст. 8 предусматривались дисциплинарные меры за неповиновение и побег: «Любой акт неповиновения дает право применять к ним такие меры строгости, какие могут быть необходимы»³². Эта норма давала военным властям значительные полномочия по ужесточению надзора за пленными, не уточняя пределы таких мер. При этом Конвенция предусматривала некоторые механизмы контроля за условиями содержания пленных в виде информационных бюро (ст. 14) и благотворительных обществ (ст. 15), но их роль была скорее информационной и гуманитарной, нежели контрольной или правозащитной³³.

Русско-японская война 1904–1905 гг. стала серьезным испытанием для новых Гаагских норм. Внутренние русские и японские нормативные документы, регламентирующие обращение с военнопленными, разрабатывались на основании конвенций, принятых на конференции³⁴.

Русских военнопленных оказалось в лагерях Японии более 70 тыс. человек, японских в России – чуть более 2 тыс.³⁵ В рамках исполнения своих обязательств по Гаагской конвенции 1899 г. правительства Японии и Российской империи создали вполне удовлетворительные условия проживания для военнопленных. Не случайно историки называют Русско-японскую войну последней «джентльменской войной» XX века, имея ввиду именно отношение к военнопленным³⁶.

³¹ The Hague Conventions of 1899 (II). P. 9.

³² The Hague Conventions of 1899 (II). P. 11.

³³ The Hague Conventions of 1899 (II). Pp. 13–15.

³⁴ *Серебрякова С.Г.* Японцы в русском плену во время Русско-японской войны (1904–1905 гг.) // Петербургский исторический журнал. 2025. № 3. С. 10.

³⁵ *Стрельцов Д.В.* Японские военнопленные русско-японской войны в Аракчеевских казармах Новгородской губернии // Ежегодник Япония. 2022. Т. 51. С. 122–136.

³⁶ *Шацилло В.К.* Япония и японцы глазами русских военнопленных, 1904–1906 гг. // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. Челябинск, 2007. С. 355.

В России «Временное положение о военнопленных Русско-японской войны», утвержденное императором, было издано 13 мая (26 мая) 1904 г. (приказ по Военному ведомству 1904 г. № 276). Проект был выработан специальной комиссией, образованной при Министерстве иностранных дел, в которую вошли представители Военного, Морского, Иностранных дел, Внутренних дел, Финансов ведомств и Российского Красного Креста. При его разработке за основу было взято «Положение о военнопленных Восточной войны 1877 г.» (Русско-турецкой войны), которое, по мнению членов специальной комиссии под председательством профессора международного права, тайного советника Ф.Ф. Мартенса, было признано «совершенно отвечающим всем тем началам, кои соответствуют видам Верховной власти в указанном выше вопросе а также принятым русским правительством в конвенциях на конференции мира в Гааге 17/29 июля 1899 года»³⁷. Чуть позже, 23 июля (5 августа) 1904 г., был выпущен Циркуляр № 203, который детализировал отдельные аспекты обращения с военнопленными³⁸.

Согласно «Положению», ими были признаны «все лица, входящие в состав японских сухопутных и морских вооруженных сил»³⁹. Оговаривалось, что с ними, «как законными защитниками отечества, надлежит обращаться человеколюбиво»⁴⁰. Военнопленные подлежали действию российских военных постановлений, уставов и распоряжений и подсудны военным судам, т. е. поступали в распоряжение военных властей. Все расходы на содержание военнопленных также должны были оплачиваться из военного фонда⁴¹.

За военнопленными закреплялись право свободы совести (никто не должен был мешать отправлять религиозные обряды (ст. 4), право неприкосновенности и частной собственности (за исключением оружия, лошадей и военных бумаг – ст. 5),

³⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Канцелярия Совета министров. Оп. 10. Д. 732. Л. 32.

³⁸ Циркуляр Главного Штаба № 203 от 23 июля 1904 года [Электронный ресурс] // Царицынское генеалогическое общество. URL: <http://www.gen-volga.ru/biblio/b-1904-203.htm> (дата обращения: 26.07.2026).

³⁹ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Том 24. 1904. Отд. I. № 24523. С. 458.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

право принимать помощь от частных лиц и обществ (ст. 15), а также право составлять духовное завещание (такое ранее не предусматривалось).

В «Положении» были подробно расписаны нормы питания, вещевого довольствия и условия размещения пленных. Было определено, что офицеры содержатся отдельно от нижних чинов. Кроме этого, в положении были установлены четкие нормы денежного содержания для пленных офицеров: генералы должны были получать 1500 руб., штаб-офицеры – 900 руб., обер-офицеры – 600 руб. в год (ст. 75). Нижние чины получали довольствие наравне с нижними чинами воинских частей, в которые их дислоцировали (ст. 69).

«Положение» 1904 г., как и 1877 г. запрещало использовать военнопленных на работах, унижительных для воинского звания или имеющих прямое отношение к военным действиям против отечества (ст. 12-13). Но в отличие от предыдущего, «Положение» 1904 г. ввело обязательное согласование условий труда с военным начальством. Помимо этого, не предусматривалась обязательная выдача части заработка пленным на руки, что свидетельствует об усилении фискального контроля государства над трудом военнопленных.

«Положение» 1904 г. сохранило трехэтапную систему перемещения военнопленных во внутренние районы Империи, призванную обеспечить изоляцию, учет и надзор над ними, апробированные в 1877 г.

На первом этапе в районе действующих войск происходил сбор и первичная отправка пленных. Сразу после захвата пленных сосредотачивали в определенных местах на театре войны, где формировались первые именные списки. Оттуда, по распоряжению главнокомандующего, их отправляли в тыл армии, на специальные сборные пункты. Перемещение осуществлялось организованными партиями под началом офицеров и унтер-офицеров при достаточном конвое (ст. 24-31).

На втором этапе на сборных пунктах под управлением местных военных начальников происходила первичная регистрация, фильтрация и дальнейшее распределение военнопленных. Здесь составлялись алфавитные книги учета всех при-

бывших. На основе полученных из Главного штаба указаний пленных распределяли по конечным местам назначения внутри Империи, формировали из них новые партии и снабжали всем необходимым для дальнейшего пути (ст. 32-50).

На третьем этапе, уже в конечных пунктах дислокации, военнопленные поступали в распоряжение местных войск в виде команд. Главное заведование ими на этот момент принадлежало Военному министерству, а гражданские власти должны были оказывать ему содействие (ст. 51). Их размещали в казармах, а при их отсутствии – в частных домах, но строго казарменным порядком. Надзор осуществлялся силами местных воинских частей, а для внутреннего порядка команды делились на роты, взводы и отделения.

Главным нововведением, продиктованных статьей 14 Гаагской конвенции 1899 г., было создание Центрального справочного бюро. Бюро было учреждено при Российском обществе Красного Креста, и его работа началась 28 мая 1904 г. Возглавил его профессор Ф.Ф. Мартенс⁴². Основной задачей Бюро стал сбор и систематизация сведений о военнопленных, составление их списков для публикации в периодической печати («Вестник Маньчжурских армий», «Русский инвалид», «Сельский вестник») и для передачи через дипломатические каналы.

Система учета пленных, по мнению исследователей, оставалась не совершенной вплоть до конца войны, что было связано с децентрализацией учета, а также с незнанием японского языка сотрудниками бюро, затруднившего составление точных списков военнопленных-японцев⁴³. В то же время документ заложил основы системы учета, размещения и надзора, которые впоследствии, на основе уроков Русско-японской войны и новых реалий Первой мировой, были развиты в «Положении» 1914 г.

⁴² Бухе Е.А. Военнопленные: Обзор деятельности Центр. справ. бюро о военнопленных во время Рус.-яп. войны. Санкт-Петербург, 1907. Гл. XVI.

⁴³ Серебрякова С.Г., Османов Е.М. Вопросы размещения японских пленных в России во время Русско-японской войны (1904–1905 гг.) // Японские исследования. 2023. № 3. С. 67.

Таким образом, разработка «Положения» 1904 г. стала важным этапом эволюции российского законодательства о военнопленных. Оно сочеталось с практическим опытом Русско-турецкой войны («Положение» 1877 г.) и новыми международными обязательствами (Гаагская конвенция 1899 года).

Вскоре после окончания войны, по инициативе России, была созвана Вторая Гаагская конференция 1907 г., которая стала прямым продолжением первой и учитывала опыт недавнего конфликта. Принятая на ней Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (Гаага, 18 октября 1907 г.)⁴⁴ заменила собой для государств-участников аналогичный документ 1899 г., дополнив и разъяснив его положения. В отличие от предшествующей версии, Конвенция 1907 г. содержала существенные уточнения, касавшиеся прежде всего сферы применения, ответственности за нарушения и отдельных аспектов режима содержания военнопленных.

Конвенция 1907 г. существенно расширила круг лиц, имевших право на статус военнопленного, по сравнению с версией 1899 г. Статья 3 Конвенции определяла, что вооруженные силы воюющих сторон могут состоять из сражавшихся и не сражавшихся, причем в случае захвата неприятелем как те, так и другие могли пользоваться правами военнопленных. Статья 13 распространяла этот статус на лиц, следовавших за армией без непосредственной принадлежности к ней (военные корреспонденты, репортеры, маркитанты, подрядчики), при условии наличия удостоверения от военных властей сопровождаемой армии. Таким образом, Конвенция 1907 г. закрепила дифференцированный подход к определению круга лиц, пользовавшихся защитой в качестве военнопленных, что стало важным шагом в гуманизации международного гуманитарного права.

Конвенция подтверждала, что военнопленные находились во власти неприятельского правительства, а не отдельных лиц или отрядов, их захвативших, и с ними надлежало обращаться человеколюбиво (ст. 4). Вся личная собственность, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, оставалась их собственностью.

⁴⁴ Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (Гаага, 18 октября 1907 г.): Приложение: Положение о законах и обычаях сухопутной войны // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/2540206/> (дата обращения: 28.07.2026).

Правительство, в руки которого попадали военнопленные, обязано было содержать их, причем в отношении пищи, жилья и одежды они должны были пользоваться таким же положением, как и войска захватившего их государства (ст. 7).

Ключевой нормой, регулировавшей вопросы надзора, являлась ст. 5 Конвенции. Она устанавливала, что военнопленные могут быть подвергнуты водворению (интернированию) в городе, крепости, лагере или ином месте с обязательством не удаляться за определенные границы. Однако собственно заключение могло быть применено к ним лишь как необходимая мера безопасности и исключительно пока существовали обстоятельства, вызывавшие эту меру. Данное уточнение, отсутствовавшее в редакции 1899 г., имело принципиальное значение. Оно вводило временное ограничение на применение самой строгой формы надзора, превращая его из потенциально бессрочной меры в строго обоснованную и временную. Тем самым Конвенция 1907 г. закрепляла принцип соразмерности ограничений свободы военнопленных.

Конвенция предоставляла государству право привлекать военнопленных к работам сообразно с их чином и способностями, за исключением офицеров (ст. 6). Работы не должны были быть слишком обременительными и не должны иметь никакого отношения к военным действиям. Военнопленным могло быть разрешено работать на государственные установления, за счет частных лиц или лично от себя. Работы, производимые для государства, оплачивались по расценкам, существовавшим для чинов местной армии за исполнение таких же трудовых усилий.

Особое значение имели ст. 14–16, учреждавшие информационные бюро по делам военнопленных. Эти бюро должны были вести индивидуальный учет пленных, отвечать на запросы, а также собирать и передавать заинтересованным лицам личные вещи, ценности и письма, найденные на полях сражений или оставшиеся от умерших пленников.

Важнейшей новацией, впервые сформулированной в 1899 г. и воспроизведенной в Конвенции 1907 г., стала так называемая «оговорка Мартенса»⁴⁵. Согласно ей, в случаях, не предусмотренных принятыми регламентами, население и воюющие оставались под защитой принципов международного права, вытекавших из законов человечности и требований общественного сознания*. Эта оговорка гарантировала, что лица, затронутые вооруженным конфликтом, никогда не должны были оставаться полностью лишенными правовой защиты.

Как отмечают исследователи, на Конференциях мира в 1899 и 1907 гг. были приняты Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, которые урегулировали многие спорные вопросы, касавшиеся правил ведения войны, включая проблему участников вооруженных конфликтов, юридически закрепив тем самым существующую к тому времени военную практику⁴⁶.

В перерыве между двумя Гаагскими конференциями состоялся еще один крупный международный форум – Женевская конференция 1906 г., на которой были внесены существенные коррективы в Конвенцию об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, принятую в 1864 г. Согласно конвенции, военнопленные, нуждавшиеся в лечении, должны были получать медико-санитарный уход вне зависимости от их национальности (ст. 2). Конвенция 1906 г. не только установила статус военнопленных, но и предусмотрела возможность заключения между воюющими сторонами специальных соглашений для улучшения по-

⁴⁵ Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (Гаага, 18 октября 1907 г.): преамбула [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/2540206/> (дата обращения: 28.07.2026).

*Текст оговорки: «Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраною и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания».

⁴⁶ Котляров И.И. Международное гуманитарное право о понятии «вооруженные силы» // Московский журнал международного права. 2008. № 1. С. 43.

ложения раненых и больных пленных: «Воюющим сторонам предоставляется, однако, устанавливать между собою по отношению к раненым или больным пленным исключительные или льготные правила, какие они найдут полезными»⁴⁷.

Важным дополнением, закрепленным в Конвенции 1906 г. (в отличие от 1864 г.), стало четкое разграничение статуса: если раненые и больные получали статус военнопленных, то медицинский персонал, священники и подразделения охраны медучреждений сохраняли статус нейтральных лиц и не могли быть взяты в плен (ст. 9).

Таким образом, Россия накануне Первой мировой войны как участница ключевых международных соглашений имела необходимую договорную базу и с формально-юридической стороны была достаточно подготовлена к массовому поступлению военнопленных. Однако практическая готовность оказалась крайне низкой. Как справедливо отмечают исследователи, нормы принятых Конвенций носили общий, рамочный характер. «Положение о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г.» не защищало в должной мере военнопленных. Конвенции не содержали четких стандартов по таким критически важным вопросам, как порядок размещения и учета миллионов пленных, санитарные нормы, механизмы контроля со стороны нейтральных держав, ответственность за нарушения⁴⁸. Этот пробел должен был восполняться национальным законодательством воюющих держав.

В России к началу военного конфликта, несмотря на накопленный опыт, по-прежнему не существовало единого кодифицированного акта о военнопленных, рассчитанного на условия большой европейской войны. Массовое поступление пленных – только за первые месяцы войны были захвачены сотни тысяч солдат и офицеров противника – в условиях правового вакуума потребовало срочного восполнения этого пробела.

⁴⁷ Конвенция для улучшения участи раненых и больных в действующих армиях, заключенная в Женеве 6 июля 1906 г. // URL: <https://www.newspapers.historyrussia.org/ru/nodes/399123-konventsia-dlya-uluchsheniya-uchasti-ranenyh-i-bolnyh-v-deystvuyuschih-armiyah-zaklyuchennaya-v-zheneve-6-iyulya-1906-g#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 28.07.2026).

⁴⁸ Лисаускайте В.В. Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. как источник толкования военных преступлений в контексте рассмотрения ч. 1 ст. 356 УК Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107). С. 216.

Министр иностранных дел С.Д. Сазонов 25 июля 1914 г. представил на рассмотрение Совета министров выработанный особым совещанием в составе представителей Военного, Морского, Внутренних дел, Финансов, Юстиции и Торгово-промышленного министерств проект указа Правительственному сенату относительно правил, которые будут соблюдаться в течение начавшейся войны. Сазонов пояснял, что относительно лиц, которые будут признаны военнопленными, вплоть до выработки особого «Положения» будет действовать «Положение» 1904 г.⁴⁹ Указ был подписан императором 28 июля 1914 г. и вступил в силу. Военный министр в свою очередь отдал распоряжение «о немедленном же составлении в вверенном мне министерстве, на основании изданных в 1904 году правил о пленных японцах, соответствующего проекта «Временного положения о военнопленных в войну 1914 года»⁵⁰.

В этот же день, 28 июля 1914 г., императором был подписан именной указ, который должен был определить правовую основу для действий властей в условиях военного времени. В разделе IV этого документа перечислялись международные договоры, которые Россия обязывалась соблюдать в течение военного конфликта: Парижская морская декларация 1856 г., Санкт-Петербургская декларация 1868 г., декларации Гаагской конференции 1899 г. и Женевская конвенция 1906 г., договоров, подписанных на Второй конференции Мира в Гааге 5/18, октября 1907 года, в том числе – Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны⁵¹. При этом в тексте присутствовала существенная оговорка, что соблюдение Россией всех перечисленных договоров будет «под условием взаимности», что явилось своеобразной «юридической лазейкой», позволившей впоследствии отступать от международных обязательств, в том числе это касалось и нового «Положения» о военнопленных.

⁴⁹ РГИА. Ф. 1276. Канцелярия Совета министров. Оп. 10. Д. 732. Л. 8.

⁵⁰ Там же. Л. 33.

⁵¹ Именной Высочайший указ Правительствующему сенату от 28 июля 1914 года «О правилах, коими Россия будет руководствоваться во время войны 1914 года» // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемом при Правительствующем сенате. Отдел 1. № 209 от 2 августа 1914 года. Ст. 2104.

Так, в рескрипте императора от 20 августа 1914 г. было высказано пожелание «принудительного обращения военнопленных на казенные и общественные работы, притом без какого-либо особого за выполнения таковых работ вознаграждения, с представлением им лишь установленного казенного пайка»⁵². Как уже отмечалось, «Временное положение о военнопленных» 1904 г. предусматривало, что военнопленные могут привлекаться к разным работам (ст. 12 и 13). Причем производимые работы, согласно «Положения», должны были оплачиваться по ценам, существовавшим для чинов русской армии, привлекавшимся к работе, а условия определяться соответствующим военным начальством. Таким образом, предстояло изменить существовавшие правила, в том числе с нарушением международного права. Совет министров поручил отдельным министерствам наметить предложения о привлечении военнопленных к казенным и общественным работам по их ведомствам и представить их для последующего обсуждения и принятия.

Решение Николая II от 20 августа 1914 г. следует рассматривать не как произвольное отклонение от правовых норм, а как реакцию на быстро изменявшуюся военную обстановку и на ожидаемую взаимность в обращении с военнопленными. Российский император, по-видимому, исходил из необходимости не допустить одностороннего ограничения России в условиях, когда уже в первый месяц войны стали поступать сведения о практике противника и о фактическом использовании труда пленных в Германии.

В свою очередь начальник штаба генерал-лейтенант Н.Н. Янушкевич от лица Верховного главнокомандующего 24 августа 1914 г. обратился с письмом к военному министру, в котором, ссылаясь на то, что российские военнопленные привлекаются к разного рода, в том числе и тяжелым работам, признал «совершенно справедливым привлечение германских и австрийских пленных тоже к работам преимущественно сельско-хозяйственным, дорожным, ирригационным и т. д. с оповещением о сем дабы дать удовлетворение как обществу, так и армии, до которой дохо-

⁵² РГИА. Ф. 1276. Канцелярия Совета министров. Оп. 10. Д. 732. Л. 19–19 об.

дят слухи, что даже наши офицеры не избавлены в Германии от общественных работ»⁵³. При этом предполагалось, что в отношении немецких военнопленных должны быть предприняты более строгие меры воздействия.

Таким образом, рескрипт императора от 20 августа 1914 г. отражал не столько отказ от международного права, сколько попытку приспособиться к логике военного ответа. Россия стремилась выстроить режим содержания и использования военнопленных таким образом, чтобы он не оказался менее строгим или менее выгодным для нее, чем режим, применявшийся к русским пленным у противника. Такая политика была типична для первых недель войны, когда правовые решения принимались в обстановке срочности, под влиянием донесений с фронтов.

Помимо этого при составлении проекта «Положения» о военнопленных было учтено мнение, высказанное Министерством иностранных дел – придать ему постоянный, а не временный характер, «в видах того, дабы в случаях новых войн, не было бы промедлений по изданию особого, каждый раз пакта о военнопленных»⁵⁴. Причем это «Положение» предполагалось распространить только на тех военнопленных, которые попадали в плен на полях сражений и, «будучи эвакуированы в глубь России, поступают там, на общих основаниях под ведение военного начальства»⁵⁵. Таким образом, оно не должно было распространяться на все категории военнообязанных германских и австрийских подданных, которые также задерживались как военнопленные, по распоряжению Министерства внутренних дел, в губерниях России и высылались в установленные для них районы. При этом между Военным министерством и Министерством внутренних дел было принято соглашение о распределении сфер деятельности. Первое должно было заниматься военнопленными, взятыми на полях сражений, а второе – военнообязанными – подданными иностранных государств, воевавших против России, для чего подготавливалось особое положение. Затем проект «Положения» был направлен во все заинтересованные ведомства для согласования.

⁵³ РГИА. Ф. 1276. Канцелярия Совета министров. Оп. 10. Д. 732. Л. 75.

⁵⁴ Там же. Л. 34.

⁵⁵ Там же. Л. 35.

Разработанное Военным министерством «Положение о военнопленных» императором Николаем II было утверждено 7 (20) октября 1914 г.⁵⁶ Этот документ, пришедший на смену «Временному положению о военнопленных русско-японской войны» 1904 г., стал основополагающим нормативным актом, определившим правовой статус, порядок содержания, надзора и трудового использования военнопленных на протяжении всей Первой мировой войны. В его основу были положены принципы IV Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» 1907 г.

«Положение» 1914 г. состояло из пяти глав, регламентирующих все аспекты пребывания военнопленных на территории империи. В первой главе был определен круг лиц, подлежащих военному плену, основные права и обязанности военнопленных. Статья 1 «Положения» устанавливала, что военному плену могут быть подвергнуты «все лица, входящие в состав неприятельских сухопутных и морских вооруженных сил», при этом «захваченные шпионы не пользуются правами военнопленных». Статья 2 предусматривала возможность задержания лиц, сопровождавших неприятельскую армию (корреспондентов, маркитантов, поставщиков), по усмотрению Верховного главнокомандующего.

Базовым принципом всего «Положения» стала норма, воспроизводившая ст. 4 Гаагской конвенции 1907 г.: «С военнопленными, как законными защитниками своего отечества, надлежит обращаться человеколюбиво» (ст. 3)⁵⁷.

Статья 4 гарантировала военнопленным свободу вероисповедания: «Военнопленные ни под каким видом не должны быть стесняемы в исполнении обрядов их вероисповеданий, не исключая и присутствия на церковных богослужениях, под единственным условием соблюдения предписанных военной властью мер порядка и безопасности»⁵⁸. В «Положении» оговаривалось право неприкосновенности собственности военнопленных «за исключением оружия, лошадей и военных бумаг»

⁵⁶ Положение о военнопленных // Россия. Военные уставы и наставления. Положение о военнопленных. СПб., 1914.

⁵⁷ Положение о военнопленных. С. 1.

⁵⁸ Там же.

(ст. 5)⁵⁹. «Положение» законодательно закрепляло составление завещаний, что соответствовало нормам Гаагской конвенции.

В ст. 60 детализировалось денежное содержание офицеров. Так, устанавливалось, что «военнопленные генералы, адмиралы, штаб и обер-офицеры ни вещевого, ни кормового довольствия не получают; им назначается содержание» в следующих размерах: генералам и адмиралам – по 1500 руб., штаб-офицерам – 900 руб., обер-офицерам – 600 руб. каждому в год. Статья 63 предусматривала врачебную помощь для военнопленных: «заболевающие военнопленные, как офицеры, так и нижние чины, получают врачебную помощь по общим, для войск установленным правилам и принимаются на излечение в ближайшие военные и гражданские лечебные заведения наравне с соответствующими чинами русских войск»⁶⁰.

«Положение» 1914 г. устанавливало и ряд обязанностей, возлагаемых на военнопленных. Так, ст. 6 закрепляла, что «военнопленные подлежат действию российских военных постановлений, уставов и распоряжений и подсудны военным судам»⁶¹. Эта норма была дословно воспроизведена из «Положения» 1904 г. (ст. 6) и соответствовала ст. 8 Гаагской конвенции 1907 г. В примечании к ст. 55 Положения 1914 г. указывалось: «Военнопленным безусловно воспрещается носить оружие»⁶².

В соответствии с рескриптом Николая II от 20 августа «Положение о военнопленных» 1914 г. ввело принципиально новый подход к трудовому использованию военнопленных, отражавший прагматические потребности государства в условиях тотальной войны. Статья 12 устанавливала: «Военнопленные могут быть привлекаемы к разным работам сообразно с их чином и способностями. Эти работы не должны быть изнурительными и не должны иметь никакого отношения к военным действиям. Им может быть также разрешено работать на общественные управления, за счет частных лиц или лично от себя»⁶³. Эта норма воспроизводила ст. 12 «Положения» 1904 г. и ст. 6 Гаагской конвенции 1907 г. Однако ключевое отличие

⁵⁹ Положение о военнопленных. С. 1.

⁶⁰ Там же. С. 7.

⁶¹ Там же. С. 1.

⁶² Там же. С. 7.

⁶³ Там же. С. 2.

«Положения» 1914 г. от предшествующего акта заключалось во введении безвозмездного труда. Так, ст. 13 «Положения» 1914 г. гласила: «Работы, производимые военнопленными, оплате вознаграждением, сверх установленного казенного пайка, не подлежат»⁶⁴. Таким образом, «Положение» 1914 г. сознательно отказывалось от принципа оплаты труда военнопленных, что расходилось с нормами Гаагской конвенции. Статья 14 «Положения» устанавливала, что «все расходы по содержанию военнопленных производятся из военного фонда»⁶⁵. Это означало, что заработок, который могли получить военнопленные, поступал в общий военный фонд, покрывавший расходы на их содержание.

Вторая глава регулировала порядок сбора и первичной отправки пленных с театра военных действий (ст. 23-30). Третья глава устанавливала порядок приема, учета военнопленных на сборных пунктах и препровождении их в места постоянного содержания (ст. 31-49).

Глава IV, посвященная надзору, занимала центральное место в «Положении» 1914 г., поскольку именно эффективность надзора определяла возможность контроля над многомиллионной массой военнопленных (ст. 50-64). В положении также воспроизводилась ст. 31 «Положения» 1877 г. и ст. 51 «Положения» 1904 г., согласно которым «Главное заведование военнопленными, находившимися внутри Империи, принадлежит Военному Министерству по Главному Штабу. Гражданские власти оказывают содействие военному начальству по исполнению настоящего положения»⁶⁶. Однако в «Положении» 1914 г. она была дополнена указанием на то, что главное заведование осуществляло именно Главное управление Генерального штаба, что утверждало усиление централизации управления.

⁶⁴ Положение о военнопленных. С 2.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 6.

Во внутренних районах империи военнопленные должны были содержаться при местных войсках в виде команд, а схема их распределения составляться Главным штабом. Штаб же должен был составлять подробные инструкции для местных военных начальников по содержанию военнопленных (ст. 51)⁶⁷.

Статья 54 предусматривала деление команд военнопленных на взводы, полуроты, роты и даже более крупные части. При этом взводы, составленные из военнопленных, могли подразделяться на отделения и десятки, с назначением отделенных и десятских начальников из числа военнопленных. Для заведования ротами и более крупными соединениями назначались офицеры, «все же прочие начальственные места занимают унтер-офицерами и рядовыми»⁶⁸.

Предусматривалось также, что военнопленные будут размещаться в имеющихся в местах расположения частей свободных казармах, в случае их отсутствия в частных домах, но обязательно «казарменным порядком» (ст. 56). Офицерам разрешалось «проживать на частных квартирах в определенном районе расположения части, буде военнопленные дадут обязательство на честном слове, что они не будут удаляться за пределы означенного района (ст. 58)»⁶⁹. Эта норма была воспроизведена из «Положения» 1904 г. (ст. 59), но в «Положении» 1914 г. она была дополнена указанием на то, что офицер, нарушивший честное слово, «кроме дисциплинарного взыскания, подвергается ограничению преимуществ, которые предоставлены военнопленным его разряда»⁷⁰.

Статья 60 строго воспрещала «лицам, которым вверен надзор за военнопленными, брать их на собственные работы, хотя бы за плату и по добровольному с ними соглашению»⁷¹ и тоже была дословно воспроизведена из «Положения» 1904 г. (ст. 62).

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Положение о военнопленных. С. 7.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

Статья 53 возлагала «наблюдение за правильным содержанием военнопленных при местных частях на подлежащих войсковых начальников и военно-окружные начальства», обязывая их «иметь сведения о числе, прибыли и убыли военнопленных при подведомственных им войсках»⁷².

Важную норму надзора устанавливала ст. 57: «Если военнопленные будут расположены в значительном количестве не в крепостях, то для надзора за ними, по указаниям Главного Управления Генерального Штаба и по распоряжениям военно-окружных начальств, командирруется необходимое число войск»⁷³. Это положение предусматривало возможность усиления надзора за счет дополнительных воинских контингентов в тех случаях, когда численность пленных создавала потенциальную угрозу общественному порядку и безопасности.

Таким, образом, эволюция российского законодательства о военнопленных от «Временного положения» 1877 г. к «Положению» 1914 г. представляла собой процесс поступательного развития правовых норм, основанный на учете как международного опыта, так и собственных военно-административных практик. Каждый новый нормативный акт не создавался на пустом месте, а базировался на предшествующих документах, адаптируя и совершенствуя их положения применительно к новым историческим реалиям и масштабу военных конфликтов.

Принципы, закрепленные в Гаагских конвенциях – гуманное обращение, нахождение военнопленных во власти правительства, а не отдельных лиц, запрет на привлечение к военным работам, создание информационных бюро – были последовательно включены в национальные нормативные акты. Особое значение имела «оговорка Мартенса», гарантировавшая защиту военнопленных даже в случаях, не предусмотренных конвенциями. Уже во «Временном положении» 1877 г. были заложены основы той модели, которая в дальнейшем развивалась и усложнялась. Речь шла о разграничении ответственности между военным и гражданским ведомствами, о порядке водворения пленных, об их довольствии, о надзоре и о возможности привлечения к работам.

⁷² Положение о военнопленных. С. 6.

⁷³ Там же. С. 7.

«Положение» 1914 г., принятое в условиях масштабной войны, стало качественно новым этапом в правовом регулировании. Оно закрепило постоянный характер закона, усилило централизацию руководства через Главное управление Генерального штаба, ввело более детальную регламентацию обязанностей местных начальников, включая четкие нормы о разделении команд, размещении, усилении надзора войсками и их взаимодействия с полицией, расширило полномочия военно-окружных начальств по усилению надзора. Однако именно это «Положение» наиболее существенно отошло от международных обязательств, введя безвозмездный принудительный труд военнопленных, что стало прямым нарушением статей 6 и 7 Гаагской конвенции 1907 г. Тем самым российское право формально ориентировалось на международный стандарт, однако реальная практика его применения оказалась существенно иной.

1.2. Организационная структура надзора за военнопленными и практики его реализации в начальный период войны

Начальный период Первой мировой войны стал временем формирования системы военно-полицейского надзора за военнопленными в Российской империи. Россия вступила в войну 19 июля (1 августа) 1914 г., и уже в первые дни военного конфликта в тыловые губернии стали поступать партии военнопленных.

Первоначально это были иностранно поданные призывного возраста. Нормативной базой для их размещения стал циркуляр Министерства внутренних дел от 25 июля 1914 г. № 402, разосланного губернаторам: «Все германские и австро-венгерские подданные, числящиеся на действительной военной службе, считаются военнопленными и подлежат немедленному аресту, и в дальнейшем с ними надлежит поступать по указанию военного начальства»⁷⁴. Запасные чины, также признавались военнопленными и должны были высылаться из европейской России и Кавказа в Вятскую, Вологодскую или Оренбургскую губернии, а из Сибири – в Якутскую область.

Именной указ императора Правительствующему сенату «О правилах, коими Россия будет руководствоваться во время войны 1914 года» появился 28 июля 1914 г., он предписывал «задерживать подданных неприятельских государств как состоящих на действительной военной службе, так и подлежащих призыву, в качестве военнопленных»⁷⁵. В отношении лиц, признанными военнопленными, вплоть до выработки особого «Положения» предлагалось руководствоваться «Временным положением о военнопленных 1904 г.»⁷⁶

Формально отдельное ведомство, отвечавшее за вопросы, связанные с военнопленными, в том числе и за надзор за ними, заранее, до начала военных действий

⁷⁴ РГВИА. Ф. 2003. Штаб Верховного главнокомандующего. Оп. 1. Д. 1854. Л. 287.

⁷⁵ Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1914, отд. 1-й, 2-е полугодие. № 209. Ст. 2104.

⁷⁶ РГИА. Ф. 1276. Канцелярия Совета министров. Оп. 10. Д. 732. Л. 8.

не было создано. Из отдела генерал-квартирмейстера Генерального штаба в Военное министерство поступило указание возложить попечение о военнопленных на 7-е отделение Отдела по устройству и службе войск 24 июля 1914 г., которое с 1910 г. возглавлял генерал М.А. Беляев, в августе 1914 г. он же возглавил все Главное управление Генерального штаба (ГУГШ). Отдел стал заниматься распределением военнопленных по местам дислокации, составлением инструкций для местных воинских начальств, ведением централизованного учета и координацией их трудового использования.

Согласно «Временному положению» 1904 г., военнопленные из района действующей армии должны были доставляться в сборные пункты для дальнейшего отправления в места размещения (Ст. 24). Сборные пункты для военнопленных назначались «по соглашению военного министра с министром внутренних дел» (ст. 25). В местах постоянного размещения военнопленные находились под непосредственным наблюдением воинских начальников (ст. 64), гражданские власти на местах должны были оказывать им содействие (ст. 61).

Однако «Положение» 1904 г. было рассчитано на военнопленных, захваченных с оружием в руках, а не «военнообязанных» – подданных вражеских государств, задержанных внутри империи, что создавало правовую неопределенность. Власти на местах изначально было не понятно, как поступать с гражданскими лицами, получившими статус военнопленных, но не являвшимися комбатантами. Все усугублялось путаницей организационной: каким образом учитывать, конвоировать, размещать и охранять тех и других.

Так, санкт-петербургский губернатор 25 июля 1914 г. сообщал в ГУГШ, что «в его ведении находится значительное число военнопленных и ожидается арест и других лиц, германских и австрийских подданных», просил указания, «куда ему надлежит отправлять названных военнопленных, в виду неимения в распоряжении губернатора ни свободных помещений, ни средств охраны, а также каких-либо кредитов на довольствие забираемых военнопленных»⁷⁷.

⁷⁷ РГИА. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 1280. Л. 7.

Из Отдела по устройству и службе войск ГУГШ 27 июля 1914 г. было разослано указание начальникам военных округов «безотлагательно избрать и устроить сборные пункты, в которых забираемых ныне как военнопленных всех военнообязанных германских и австрийских подданных сосредоточить временно, до подготовки соответствующих помещений в пределах восточных губерний»⁷⁸. Окружное начальство в свою очередь должно было в кратчайшие сроки установить количество казенных помещений для намечавшегося размещения и оборудовать их для приема военнопленных.

В министерстве в ближайшее время ожидали телеграфных сообщений, «в каких пунктах и на какое число военнопленных таковые помещения подготовляются, и тогда, если провозоспособность железных дорог это позволит, будут даны указания округам, куда и в чье распоряжение надлежит в дальнейшем направлять военнопленных со сборных пунктов»⁷⁹. Причем схема предусматривала, что военнопленные с фронтов также будут направляться на окружные сборные пункты, откуда после первичной регистрации и фильтрации эвакуироваться во внутренние губернии для постоянного размещения. «Если бы таковые постоянные сборные пункты не могли быть сейчас оборудованы, то указано избрать пока временные сборные пункты»⁸⁰.

Что касается Петербургского военного округа, по соглашению с директором Департамента полиции, для временного размещения военнопленных был отведен Трубецкой бастион Петропавловской крепости⁸¹, в который следовало отправлять военнопленных и военнообязанных иностранных подданных стран противника, проживающих на территории округа, кроме Вологодской, Псковской, Тверской, Олонецкой, Ярославской и Архангельской губерний, а «откуда переправлять на временный сборный пункт всего округа – город Вологду – для их дальнейшего отправления в заволжские губернии»⁸². Строевое отделение штаба округа должно

⁷⁸ РГВИА. Ф. 2003, Штаб Верховного главнокомандующего. Оп. 1. Д. 1854. Л. 286.

⁷⁹ Там же. Л. 286 об.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ РГИА. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 1280. Л. 2.

⁸² Там же. Л. 3.

было обеспечивать военный наряд для наблюдения за ними, а охрану подвижного состава при транспортировке военнопленных осуществлялось Управлением сообщений округа. При этом было оговорено, что крепость должна служить лишь передаточным звеном, а не полноценным сборным пунктом, «дабы не вести сложную переписку и алфавитные книги, как это было предписано пунктами 28 и 37 Временного «Положения» о военнопленных 1904 г.»⁸³

Первые задержанные – военнообязанные австрийские и германские подданные – поступили в Петропавловскую крепость уже 25 июля, а первыми военнопленными-комбатантами, оказавшимися там же, стали, по-видимому, 60 моряков с крейсера «Магдебург», которое 13 августа наскочило на Оденсхольмский риф. Согласно сообщениям газет, все пленные были отправлены в крепость, а затем 27 августа – в Вологду⁸⁴.

К концу августа 1914 г. в Вологде и уездах было размещено более 5000 человек только иностранных подданных-военнопленных, среди которых было и около 400 сопровождавших их женщин⁸⁵. Не случайно вологодский губернатор В.А. Лопухин уже 7 августа 1914 г. просил приостановить отправку следующих партий арестантов, так как для их размещения отсутствовали свободные помещения, причем к этому времени в городе военнопленными было уже занято и здание, предназначенное для военного госпиталя. «При всем моем желании содействовать осуществлению всех планов военного ведомства, поместить чрезмерное количество пленных физически не могу»⁸⁶, – сообщал он в телеграмме к помощнику коменданта генерал-лейтенанту барону Сталь. Тем самым губернатор обозначил первую

⁸³ РГИА. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 1280. Л. 11.

⁸⁴ *Славнитский Н.Р.* Немецкие и австрийские военнопленные в петроградских газетах в 1914 г. // Военная история России XIX–XX вв.: материалы VII международной военно-исторической конференции. СПб., 2014. С. 296–309.

⁸⁵ *Коновалов Ф.Я., Вельямидов К.А.* Немецкие и австрийские военнопленные на территории Вологодской губернии в годы Первой мировой войны // 1941–1945: уроки войны – уроки правды, мужества и патриотизма: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, 24–25 февраля 2005 г. Вологда, 2006 // URL: <https://vologda-1914.ru/arkhiv/82-arkhiv/208-nemetskie-i-avstrijskie-voennoplennye-na-territorii-vologodskoj-gubernii-v-gody-pervoj-mirovoj-vojny>

⁸⁶ РГИА. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 1280. Л. 15 (дата обращения: 19.02.2026).

серьезную проблему – отсутствие подготовленных мест для размещения военнопленных во внутренних районах страны, что определяло специфику надзора на протяжении всего военного конфликта. Между тем военнопленные продолжали прибывать.

Создавшееся положение заставило разграничить потоки задержанных. Телеграфным распоряжением главного начальника Петербургского военного округа генерала П.Д. Ольховского на Вологодский сборный пункт направлялись только «военнопленные, забранные на полях сражений», тогда как «военнообязанные же германские и австрийские подданные, задерживаемые внутри империи по распоряжению Министерства внутренних дел, должны оставаться в ведении этого министерства и исполнять распоряжения подлежащих гражданских властей в губерниях, указанных в циркулярах Министерства внутренних дел губернаторам и градоначальникам от 3 августа за № 475»⁸⁷. Военнопленные из Вологодского сборного пункта, согласно распоряжению, уже для постоянного проживания должны были направляться в Омский военный округ, где по усмотрению окружного командования размещаться в подготовленные казарменные помещения⁸⁸.

На Северо-Западном фронте в начале сентября 1914 г. сдались в плен 2978 германских военнослужащих⁸⁹. Порядок предусматривал, что военнопленные с фронтов после первичной регистрации на этапных сборных пунктах и фильтрации эвакуировались в окружные сборные пункты на театре военных действий – крупные железнодорожные узлы, а отсюда уже отправлялись в сборные пункты тыловых округов.

Первичная регистрация состояла в составлении именных списков военнопленных и сводилась к фиксации таких данных, как имя, вероисповедание, возраст, воинское звание, воинская часть (номер полка и роты, наименование корабля или судна), год рождения, место жительства (на родине), место и дата пленения, а также

⁸⁷ РГИА. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 1280. Л. 21.

⁸⁸ Там же. Л. 21 об.

⁸⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 543. Л. 2.

состояние здоровья. А первичная фильтрация ограничивалась отделением офицерства от нижних чинов⁹⁰. Согласно этим спискам военнопленные передавались уездным начальникам окружных сборных пунктов.

В Двинском и Минском военных округах иностранные военнопленные прибывали с фронта на окружные сборные пункты в Вильне (соврем. Вильнюс. – *Г.Г. Воронин*), Волковыске, Двинске, Гродно, Белостоке, Соколке и др.⁹¹ Так, в Двинском военном округе крупный сборный пункт, принимавший пленных с фронта, был образован в Витебске при управлении витебского уездного воинского начальника. В Минском военном округе аналогичный пункт был создан в Минске под управлением минского уездного воинского начальника. В приказе по его управлению от 23 августа (5 сентября) 1914 г. было указано, что из Минского сборного пункта были отправлены во внутренние военные округа 7175 военнопленных. Из них 6189 человек выехали в Смоленск, 844 – в Москву, 64 – в Рожаны, 51 – в Острелецк, 27 – в Брест-Литовск. Минимальная численность конвоируемой партии составляла 5 человек, максимальная – 1221⁹².

Сборным пунктом для германских военнопленных, доставляемых из Восточной Пруссии, был г. Вильна. Здесь прибывшие нижние чины поступали в ведение Виленского этапного коменданта и содержались в продовольственном пункте при комендантском управлении в отдельном помещении, изолированном от улицы, под постоянным надзором караульной команды. Отсюда их отдельными партиями отправляли в Москву в распоряжение московского уездного воинского начальника. Все время пребывания в Вильне военнопленные получали довольствие наравне с нижними чинами русской армии и находились в подчинении местного воинского начальника⁹³.

⁹⁰ *Познахирев В.В.* Турецкие военнопленные и гражданские пленные в России в 1914–1924 гг. СПб., 2014. С. 82.

⁹¹ *Рындин С.Н.* Иностранцы военнопленные на территории Беларуси: опыт Первой мировой войны // *Вестник БДУ*. Сер. 3. 2013. № 2. С. 191.

⁹² *Рындин С.Н.* Рабочие формирования из военнопленных на территории белорусских губерний в годы Первой мировой войны // *Archivarius*. Зборнік навуковых паведамленняў і артыкулаў. Выпуск 16. Мінск, 2018. С. 256.

⁹³ Об установлении надзора над военнопленными // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 1204. Л. 85.

Киев являлся крупным сборным пунктом для военнопленных Юго-Западного фронта. По мере составления списков, военнопленные отправлялись в Пензу.

Что касается Кавказского военного округа, ГУГШ еще 6 сентября 1914 г., т. е. за полтора месяца до вступления в войну Турции, определил для размещения военнопленных-турок Иркутский и Приамурский военные округа и 25 октября 1914 г. уведомил об этом штаб округа: «Прибывающие с фронта партии военнопленных турок надлежит направлять в Пензу на общий сборный пункт Казанского военного округа, откуда эти пленные <...> будут отправляться далее через Омск для постоянного их размещения в пределах округов Сибири»⁹⁴.

На сборных пунктах на театре военных действий предписывалось военнопленных задержать не более двух-трех дней, а затем, после формирования очередной партии, отправлять на сборные пункты, подготовленные во внутренних округах⁹⁵. Соответствующие указания были разосланы в округа. Причем, если с Вологодского сборного пункта военнопленные подлежали отправлению на Омский сборный пункт, со сборных пунктов Северо-Западного фронта – на Московский сборный пункт и со сборных пунктов Юго-Западного фронта – на сборный пункт в Пензу⁹⁶. На этих сборных пунктах окружное начальство должно было их распределять в места постоянного размещения, здесь же составлялись алфавитные книги. «В этих книгах, против имен и фамилий военнопленных, записываются помещенные о них в доставленных с партиями списках сведения и, сверх того, обозначаются места, куда военнопленные будут отправлены из сборных пунктов»⁹⁷.

Непростой задачей была организация надзора за военнопленными на всех этапах их перемещения. Тем не менее на временных сборных пунктах, где военнопленные находились непродолжительное время в изолированных помещениях, в первые месяцы войны ситуация с дисциплиной была более или менее благополучной. Так, например, в Киеве военнопленные содержались «при штабе крепости в

⁹⁴ Цит.: *Познахирев В.В.* Турецкие военнопленные и гражданские пленные в России. С. 84.

⁹⁵ РГВИА. Ф. 2003. Штаб Верховного главнокомандующего. Оп. 1. Д. 1854. Л. 262–263.

⁹⁶ Там же. Л. 264.

⁹⁷ .Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1914, отд. 1-й, 2-е полугодие. № 281. Ст. 2568.

особых казармах» (имеется в виду Печерская крепость. – *Г.Г. Воронин*) и находились «под надзором, с одной стороны, специальной команды из 15 нижних чинов и под наблюдением специально для этого назначенных офицеров и, с другой стороны, под надзором часовых от караула»⁹⁸. Военнопленные находились в полной изоляции. Исключение делалось для врачей, которые согласно Женевской конвенции, не считались военнопленными. Помимо них, военнопленные-славяне могли под охраной команды посещать богослужения «в церкви Лавры и в военный собор»⁹⁹.

Из Гродненской губернии, где военнопленные проходили через этапные пункты в Гродно и Белостоке, согласно донесениям: «общение их с населением не допускается как конвоирами, так равно и чинами общей полиции»¹⁰⁰.

Помощник коменданта Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге генерал-лейтенант барон Сталь разработал специальную инструкцию для дневальных, назначенных для наружного наблюдения за помещением военнопленных. Главная обязанность дневальных, согласно инструкции, состояла в том, чтобы не допустить побега военнопленных. Для этого дневальные должны были «воспрепятствовать им выходить из дверей помещения и высовываться из окон, а равно не допускать посторонних лиц к окнам и не разрешать этим лицам что-либо принимать от военнопленных или им передавать»¹⁰¹. Оружие против военнопленных предписывалось применять «при открытом с их стороны возмущении или совместном побеге нескольких из них»¹⁰².

В Нижегородскую губернию в августе 1914 г. было доставлено около 1700 нижних чинов, которые были размещены в артиллерийских загородных казармах, «где никакого общения с населением не имели, и вскоре были отправлены далее – в Омский военный округ»¹⁰³.

⁹⁸ Об установлении надзора над военнопленными // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 1204. Л. 38.

⁹⁹ Там же. Л. 38 об.

¹⁰⁰ Там же. Л. 59.

¹⁰¹ РГИА. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 1280. Л. 19.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Об установлении надзора над военнопленными // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 1204. Л. 24.

Сохранять дисциплину по пути следования партий военнопленных удавалось в железнодорожных составах. Во время стоянки эшелонов пленные находились «под надзором военных властей, надзор строгий, особенно в последнее время, общения пленных с посторонней публикой не бывает», – сообщалось с мест¹⁰⁴.

Однако не везде ситуация с надзором была столь благополучной. Соблюдение установленного порядка во многом зависело от местных условий. Так, сложности с поддержанием дисциплины на временных сборных пунктах отмечает в своей статье белорусский историк С.Н. Рындин. В качестве примера он указывает на недостаточный обыск захваченных в плен офицеров и солдат, что позволяло им сохранять при себе огнестрельное оружие¹⁰⁵. Это создавало прямую угрозу для охраны и свидетельствовало о низкой дисциплине как среди военнопленных, так и среди конвойных команд.

В отношении военнопленных могли допускаться послабления, в том числе им позволялись свободные прогулки по городу без конвоя под честное слово, что не являлось нарушением «Временного положения о военнопленных 1904 г.». В ст. 7 «Положения» было сказано: «Военнопленные могут быть подвергнуты водворению в городе, крепости, лагере или каком-либо другом месте, с обязательством не удаляться за известные определенные границы; но собственно заключению под стражу они могут быть подвергаемы лишь при наличии особой к тому необходимости». Однако в реалиях военного времени это создавало условия для правонарушений, облегчая подготовку к побегу.

Так, С.Н. Рындин приводит следующий пример: «7(20) августа 1914 г. в Витебске двум германским лейтенантам Гельмуту Райнену и Вернеру Бэму были выданы удостоверения, разрешающие им свободную прогулку по городу. Им даже было позволено поселиться в городской гостинице. Над ними устанавливался негласный надзор полиции. Но вскоре они были заподозрены в подготовке побега

¹⁰⁴ Об установлении надзора над военнопленными // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 1204. Л. 25.

¹⁰⁵ Рындин Н.Г. Военнопленные Германии и Австро-Венгрии на территории Белорусских губерний в период Первой мировой войны // Первая мировая война в исторических судьбах Европы: Сб. материалов Междунар. науч. конф., г. Вилейка, 18 окт. 2014 г. Минск, 2014. С. 299.

помещены на гауптвахту до их отправки в Москву»¹⁰⁶. По-видимому, об этом стало известно в Генеральном штабе. Не случайно генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевич обращался к товарищу министра внутренних дел генералу В.Ф. Джунковскому, а тот в свою очередь, к начальнику Главного управления Генерального штаба генералу М.А. Беляеву, указывая, что военнопленные немецкие офицеры и солдаты, отосланные в Витебск, «находятся на свободе». «Желательно было бы избрать для них более отдаленный пункт, – высказывался он далее, – во всяком случае вне театра войны (Воронеж, Тамбов, Рязань), где и держать их в воинских казармах, под караулом, с лишением свободы»¹⁰⁷.

Телеграмма с предупреждением о необходимости ужесточения охраны за военнопленными из штаба Верховного главнокомандующего поступила 18 октября 1914 г. и начальнику штаба Киевского военного округа: «По имеющимся сведениям пленные австрийцы разгуливают по городу и чувствую себя прекрасно», на что было велено «обратить внимание»¹⁰⁸.

Начальник штаба Московского военного округа 4 сентября 1914 г. уведомлял пензенского губернатора А.П. Лилиенфельд-Тоаля о том, что в одном из городов несколько германских подданных военнопленных были оставлены на свободе «на честное слово»... «Вследствие возникших у военных и полицейских властей подозрений двое из этих военнопленных были обысканы, причем у них был обнаружены: одежда и форменные фуражки железнодорожных рабочих и ручной инструмент для порчи рельс. Обстоятельства дела указывают, что предполагался побег и порча железнодорожного пути»¹⁰⁹. Содержание телеграммы было доведено до сведения пензенского полицмейстера и уездного исправника для принятия соответствующих мер.

¹⁰⁶ Рындин С.Н. Рабочие формирования из военнопленных на территории белорусских губерний. С. 256–257.

¹⁰⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1854. Л. 269.

¹⁰⁸ О военнопленных // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 544. Л. 1.

¹⁰⁹ Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны. 1914 – март 1918. В 2 кн. Кн. 1. 1914–1916. Прага, 2014 // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/indexes/values/1890410> (дата обращения: 13.02.2026).

Позже, 21 сентября 1914 г., пензенский губернатор сообщал полицмейстеру и исправнику о телеграмме министра внутренних дел, в которой «в видах предупреждения случаев возможного шпионажа германцами и австрийцами эти иностранцы, как водворенные в качестве военнопленных, так равно и оставленные на прежнем месте жительства, могут получать право отлучки лишь в самых исключительных случаях по особо уважительным основаниям и в определенную местность»¹¹⁰.

С целью водворения строгой дисциплины на сборном пункте, предотвращения побегов, правонарушений и ввиду многочисленности поступающих пункты военнопленных главный начальник Минского военного округа Е.А. Рауш фон Траубенберг приказал в октябре 1914 г. «строжайше подтвердить о недопустимости каких-либо послаблений в установленном для военнопленных строгом режиме, сурово карая не только всякое проявление с их стороны дерзости или вызова, но даже и малейшее нарушение установленного порядка»¹¹¹.

Однако с наибольшими трудностями система надзора сталкивалась в местах постоянного размещения, которые нарастали по мере увеличения количества военнопленных. К середине октября, согласно сообщения начальника Главного управления Генерального штаба генерала М.А. Беляева в Ставку главнокомандующего, в пунктах постоянного размещения находилось: германских офицеров – 181, нижних чинов – 6587; австрийских офицеров – 886, нижних чинов – 30003; офицеров-славян – 490, нижних чинов – 40941. Итого: офицеров – 1557, нижних чинов – 77531¹¹².

Показателен в этом смысле циркуляр, разосланный 20 октября 1914 г. министром внутренних дел Н.А. Маклаковым губернаторам и градоначальникам: «По-

¹¹⁰ Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны. 1914 – март 1918. В 2 кн. Кн. 1. 1914–1916. Прага, 2014. // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/indexes/values/1890410> (дата обращения: 13.02.2026).

¹¹¹ Цит. по: Рындин С.Н. Рабочие формирования из военнопленных на территории белорусских губерний. С. 257.

¹¹² РГВИА. Ф. 2003. Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка). Оп. 1. Д. 1854. Л. 226.

ступают сведения, что за военнопленными, взятыми на полях сражения не установлено никакого надзора, вследствие чего они находятся в постоянном общении с населением». Особенное опасение внушало общение с запасными и ратниками, «которым внушают вредные идеи». Министр внутренних дел, несмотря на то, что надзор за военнопленными относился главным образом к компетенции военных властей, просил губернаторов подробно сообщить о порядке и условиях их содержания на вверенных им территориях. В результате в Департаменте полиции было сформировано дело «Об установлении надзора за военнопленными, взятыми на поле сражения и порядке содержания таковых в местах водворения их»¹¹³, в котором отложились сообщения губернаторов с мест на запрос Н.А. Маклакова.

Ряд губернаторов, например, саратовский, вятский, оренбургский, астраханский, составляя ответ министру внутренних дел, действительно, указывали, что военнопленные «состоят в ведении военных властей»¹¹⁴, и строго ограничены от общения с местным населением. Так, по сообщению оренбургского губернатора военнопленные в числе двух тысяч нижних чинов и двадцати офицеров размещены в Оренбурге казарменном порядке в особо устроенных помещениях на Маковом дворе в трех верстах от города»¹¹⁵. Им разрешалось посещать церковь, баню только командами и в сопровождении караула при соблюдении полной изоляции от местных жителей.

Однако сообщения из других губерний свидетельствовали о системной проблеме: при формальном закреплении надзорных функций за военным ведомством, на практике военные власти оказались не готовы к масштабу задач и вынуждены были перекладывать контроль на полицию, что делало надзор фрагментарным и неэффективным.

Так, в Кунгуре (Пермская губерния) находилось 10 офицеров и 136 нижних чинов, «в подавляющем большинстве – славяне». Пленные, – со слов губернатора,

¹¹³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 1204. Л. 2.

¹¹⁴ Там же. Л. 9, 10, 13, 18.

¹¹⁵ Там же. Л. 13.

— «пользовались некоторыми послаблениями со стороны военного начальника»¹¹⁶. Военная власть, сообщал он далее, «вообще ревниво оберегает свои права и прерогативы от вмешательства полиции». Примечательно, что губернатор в связи с этим вынужден был отдать «секретное распоряжение кунгурскому уездному исправнику следить за поведением военнопленных и не допускать их общения с населением, и особенно с нижними воинскими чинами»¹¹⁷.

Томский губернатор сообщал 24 октября 1914 г., что военнопленные, сосредоточенные в некоторых местностях губернии, «ввиду отсутствия, вначале, правил, регламентирующих образ их жизни, пользовались широкой свободой: беспрепятственно, в одиночку и группами, ходили по улицам и в окрестностях, распевали национальные песни, посещали рестораны и прочие увеселительные заведения»¹¹⁸. Признавая такой порядок содержания военнопленных недопустимым, губернатор «в самом начале, преподавал чинам полиции указания, клонившиеся к ограничению той свободы, которою названные лица пользовались в виду отсутствия каких-либо руководящих правил со стороны военного начальства»¹¹⁹.

Более того, томский губернатор 18 сентября 1914 г. обратился к командующему войсками Омского военного округа по вопросу об издании обязательного постановления, «воспреещающего жителям тесное общение с военнопленными, а самым последним — появление на улицах без конвоя»¹²⁰. Действительно, из штаба округа было отдано несколько распоряжений начальникам гарнизонов округа относительно надзора. Так, согласно приказа командующего округа генерала от кавалерии Е.О. Шмита от 20 сентября 1914 г. следовало: «держат в строгой дисциплине и порядке команды пленных, допуская выпуск из казарм нижних чинов в

¹¹⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 1204. Л. 16-17.

¹¹⁷ Там же. Л. 17.

¹¹⁸ Там же. Л. 28.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же. Л. 28 об.

исключительных случаях не иначе как небольшими командами, под командой австрийских и германских офицеров при сопровождении нижнего чина наших войск с ружьем. Одиночные отпуска, строжайше воспрещаются, особенно вечером»¹²¹.

Приказом воспрещалось бесцельное шатание по городу, причем ответственность за дисциплину в команде возлагалась на пленных офицеров. Начальники же пленных офицеров должны были ежедневно навещать казармы пленных и установить там строжайший порядок. Кроме того, начальник штаба округа своим приказом запретил отправлять богослужение пленным самостоятельно ксендзам и пасторам и произносить проповеди¹²².

Следующим приказом было запрещено посещать военнопленным общественные собрания и клубы даже с целью пообедать: «... имея в виду, что в таковых русские посетителя часто очень откровенно и вслух делятся своими мыслями и впечатлениями на разнообразные темы переживаемых военных и политических событий, о каковых неудобно и не в интересах Русского государства осведомлять наших врагов»¹²³.

В телеграмме, отправленной командующим войсками Омского военного округа 26 сентября 1914 г. начальникам гарнизонов, было предписано следующее: «Все военнопленные с наступлением темноты обязаны быть на своих местах и проверены. После этого отлучки офицеров и нижних чинов строжайше воспрещаются. Воспрещаю пленным офицерам и нижним чинам доступ во все увеселительные заведения, общественные собрания, клубы, кондитерские и рестораны. Пленным офицерам озаботиться устройством своими средствами собственного своего стола»¹²⁴. Согласно телеграмме от 30 сентября 1914 г., начальники гарнизонов несли личную ответственность относительно надзора за всеми военнопленными, особенно офицерами.

¹²¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 1204. Л. 31 об.

¹²² Там же. Л. 32.

¹²³ Там же. Л. 33.

¹²⁴ Там же. Л. 34.

Военнопленным воспрещалось подходить к железным дорогам на расстояние не менее одной версты, появляться на вокзалах и всех дорожных сооружениях. В помощь жандармам на указанные объекты приказано было высылать солдат местных команд¹²⁵. Наконец, распоряжением от 11 октября 1914 г. военнопленных воспрещалось отпускать на частные работы, особенно в местные австрийские и немецкие заведения, играть на музыкальных инструментах в кинематографе, давать уроки музыки и немецкого языка¹²⁶.

Однако, не смотря на многочисленные распоряжения, например, в Барнауле (Омский военный округ) из-за отсутствия «должного военного надзора» продолжали допускаться отступления от предписанного порядка. Барнаульский уездный исправник доносил губернатору о том, что в городе «военнопленные ходят по городу в одиночку и группами без всякого надзора, вступая с местными жителями в беседы, сущность которых, обыкновенно, сводится к подрыву в глазах населения престижа Русской армии путем сообщения не соответствующих действительности сведений»¹²⁷. Некоторые пленные работали в местных немецких ремесленных заведениях, играли на музыкальных инструментах в электро-театре, а имеющие высшее образование предлагали услуги в качестве преподавателей музыки и иностранных языков¹²⁸. Губернатор на основании этого донесения констатировал: «Воинские начальники не проявляют достаточной энергии в деле установления прочного и неослабного наблюдения за поведением военнопленных»¹²⁹.

Ситуация с надзором практически не изменилась и с принятием «Положения о военнопленных» 7 октября 1914 г., что следует из переписки между министром внутренних и военным министром., в которой обсуждались донесения губернаторов о состоянии надзора военнопленных на местах. Показательным в этом смысле является рапорт симбирского губернатора от 12 ноября 1914 г., который сообщал, что во вверенной ему губернии находилось в это время около 14 тысяч человек

¹²⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 1204. Л. 35, 35 об.

¹²⁶ Там же. Л. 37.

¹²⁷ Там же. Л. 29.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же.

военнопленных, размещенных в городах Симбирск и Карсунь: «И хотя как офицеры, так и нижние чины содержатся за военным караулом, казарменным порядком, однако таковые имеют совершенно свободное общение как с населением, так и с военными чинами»¹³⁰. Один из воинских начальников хлопотал о дозволении взять лучшее сукно для обмундирования военнопленных нижних чинов и обращался за разрешением устраивать благотворительные спектакли и концерты. В г. Карсуне «пленные австрийцы, без различия немцы и венгры, совершенно свободно разгуливают по городским улицам, заставляя русских солдат носить за собою их покупки; прекрасно размещены в единственных казармах, в то время как наши солдаты неудобно подчас устроены по обывателям; прекрасно обеспечены довольствием; несомненно, при случае осуждают наши порядки и рассказывают о том, как якобы прекрасно живет им на родине, развращают нашего солдата и обывателя»¹³¹.

Факты, содержащиеся в донесении, подтверждали наличие по-прежнему свободного общения пленных с населением и с военными, «мягкого отношения» воинских начальников к военнопленным, а также в отдельных случаях вызывающего поведения самих военнопленных, которые, например, отказывались мыться в одной бане с «русскими свиньями»¹³². Все это, по мнению властей, подрывало авторитет армии и государства в глазах населения. Пленные становились живой пропагандой против российских порядков. Это была не военная, а идеологическая и социальная угроза.

Губернатор отмечал: «Лично полагаю, что к пленным проявляется несоответственно предупредительное, едва ли подобающее, отношение»¹³³, а также заявлял о «развращающем влиянии, оказываемом на военнопленных той полнейшей праздности, в коей они прибывают в Симбирской губернии»¹³⁴.

¹³⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 1204. Л. 45.

¹³¹ Там же. Л. 45.

¹³² Там же. Л. 48.

¹³³ Там же. Л. 45.

¹³⁴ Там же. Л. 48 об.

Таким образом, донесение симбирского губернатора, подтверждало и дополняло картину состояния надзора на местах, которая складывалась на основании предыдущих материалов. Оно демонстрировало, что проблемы носили системный характер, а местные власти были вынуждены импровизировать в условиях отсутствия четких инструкций. Гражданская власть в лице Министерства внутренних дел столкнулась с ситуацией, которую не могла контролировать, так как военнопленные находились в ведении военного командования. Содержание донесения симбирского губернатора – это попытка переложить ответственность и добиться действий от военного ведомства.

Военная власть, в свою очередь, зачастую ограничивалась тиражированием распоряжений, ужесточающих условия содержания военнопленных, однако, не имела возможность их реализовать на практике в условиях кадрового дефицита, о котором красноречиво свидетельствует донесение, например, из Владимирской губернии, где в г. Иваново-Вознесенске находилось 120 военнопленных, размещенных в частном доме: «Несмотря на такое значительное число пленных, весь караул, имеющий за ними надзор, состоит всего из 4 нижних чинов»¹³⁵.

Приведенные материалы являются наглядным подтверждением тезиса историка Н.В. Суржиковой о том, что территория российского плена «не отличалась однородностью, будучи изрезана всевозможными границами»¹³⁶. При этом исследователь отмечает, что «институциональная среда российского плена ориентировала его прежде всего на определенную экономическую миссию, тогда как все его прочие "ипостаси" играли безусловно важные роли, остававшиеся, однако, ролями второго плана»¹³⁷. Однако, на наш взгляд, последнее утверждение относится к поздним периодам существования этой проблемы.

На начальном же этапе войны условия плена определялись особенностями надзора, разнообразие которого было следствием ряда факторов. Главный из них

¹³⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 1204. Л. 41.

¹³⁶ Суржикова Н.В. Российский плен 1914–1917: проблема институциональной атрибуции // Идеи и идеалы. 2014. № 3(21). С. 7.

¹³⁷ Там же.

сводился к следующему: ни на местном, ни на центральном уровне не существовало единого органа, ответственного за военнопленных, их судьба зависела от множества ведомств. Так, Министерство внутренних дел отвечало за общий порядок и безопасность, а Военное министерство – за содержание в местах водворения и охрану. Местные военные начальники – обладали огромной свободой действий, однако, их способы решения проблем (от излишней мягкости до жестокости) приводили к хаосу. Губернаторы по большей части осознавали проблему, но не имели рычагов ее решения из-за межведомственной разобщенности.

Таким образом, слабость военно-полицейского надзора за военнопленными в 1914 г. была прямым следствием пробелов в законодательстве, возникших в результате хронологического разрыва между началом поступления пленнх (июль–август 1914 г.) и принятием «Положения о военнопленных» (7 октября 1914 г.). Распоряжение министра иностранных дел С.Д. Сазонова о применении устаревшего «Положения» 1904 г. не могло компенсировать отсутствие четких инструкций по массовому приему, размещению и охране пленнх, поскольку оно было рассчитано на иной масштаб конфликта, адресовано центральным, а не местным властям. Уже в 1914 г. проявились серьезные недостатки системы: отсутствие четкого плана размещения, несовершенство учета, нехватка кадров для надзора, слабость надзора вне лагерей.

Система надзора, закреплённая в «Положении» 1914 г., отличалась дуализмом управления: военное ведомство (ГУГШ, штабы военных округов, местные воинские начальники) осуществляло основное заведование и охрану военнопленных, а Министерство внутренних дел (Департамент полиции, Отдельный корпус жандармов) – политический надзор, перлюстрацию и расследование побегов. На практике это приводило к перекладыванию ответственности, а военные начальники не проявляли достаточной энергии в деле установления прочного неослабного контроля, тогда как полиция вынуждена была брать на себя функции, которые должны были исполняться военными.

Несмотря на эти проблемы, в условиях массового, нередко хаотичного поступления пленнх, нехватки кадров, отсутствия необходимого финансирования и

четких инструкций, уже на начальном этапе войны закладывались основы той административной и медицинской инфраструктуры, которая впоследствии охватила всю территорию страны. Первоначальные сборные и изоляционные пункты стали ее первым, но реальным звеном, созданным главным образом снизу, усилиями местных властей, военных и медицинского персонала.

Во всех этих транзитных пунктах производилась регистрация пленных, осуществлялся врачебный осмотр. После первичной санитарной обработки, дезинфекции одежды и медицинской сортировки каждый военнопленный получал идентификационный номер и направлялся далее. Больные и раненые, представлявшие эпидемиологическую опасность, изолировались и помещались в лазареты или карантинные отделения. Среди этих пунктов особое место занимал Киев. Будучи главным пересыльным узлом Юго-Западного фронта, он принял большое количество пленных, захваченных в ходе крупных наступательных операций. Менее масштабными, но стратегически важными была Москва, тыловой распределитель которой являлся местом сбора пленных инвалидов. Пенза, как крупный железнодорожный узел, обеспечивала перевалку пленных в Поволжье и Сибирь.

1.3. Национальный фактор в организации военно-полицейского надзора за военнопленными (1914–1917 гг.)

Под национальным фактором в настоящем исследовании понимается совокупность политических, идеологических и административных мер, применявшихся российскими властями к военнопленным в зависимости от их этнической принадлежности. Эти меры были направлены на достижение двух взаимосвязанных целей: ослабление Австро-Венгрии путем разжигания национальных противоречий и использование лояльных славян в качестве проводников русского влияния.

Российская империя с самого начала войны стремилась придать конфликту идеологический характер, провозглашая одной из его основных целей – освобождение славянских народов от «ига немцев и венгров». В воззвании Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича к народам Австро-Венгрии в августе 1914 г. заявлялось: «Вам, народы Австро-Венгрии, она также несет теперь свободу и осуществление ваших народных вожеланий... стремиться только к одному, чтобы каждый из вас мог развиваться и благоденствовать, храня драгоценное достояние отцов и веру, и, объединенный с родными братьями, жить в мире и согласии с соседями, уважая их самобытность»¹³⁸.

Пропаганда давала заметные плоды: представители славянских народов Австро-Венгрии (русины, чехи, словаки, сербы, поляки) часто добровольно, большими группами сдавались в плен. Дело доходило до перехода на сторону русской армии целых воинских формирований, как это произошло 21 марта 1915 г., когда во время Карпатской операции сдался 28-й Пражский полк, состоявший из чехов в составе 1100 нижних чинов и 24 офицеров¹³⁹. По подсчетам исследователей из 2,2 – 2,3 млн солдат и офицеров противника, взятых русской армией в плен, немцы составляли всего около 190 тыс., а остальные 2 млн составляли военнослужащие

¹³⁸ Воззвание Верховного главнокомандующего Российской императорской армией великого князя Николая Николаевича (младшего) Романова к народам Австро-Венгрии // Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914-1920. Документы и материалы. Том 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914-1917 гг. М., 2013. С. 51.

¹³⁹ РГВИА. Ф. 2003. Штаб Верховного главнокомандующего. Оп. 2. Д. 544. Л. 48.

Австро-Венгрии, Турции и Болгарии, из них славяне – примерно 670-830 человек¹⁴⁰.

В процессе популяризации русофильских идей среди славян-чехов, словаков и др., проживавших на территории Российской империи, а затем и военнопленных, приняли активное участие всевозможные славянские организации*. Так, в Киеве 26 июля 1914 г. были созданы Чешский комитет помощи жертвам войны. Этот комитет обратился к чехам, проживавшим в России, с призывом создать национальные подразделения для борьбы против Австро-Венгрии. Российское военное руководство, увидев в этом потенциал для разложения империи Габсбургов, поддержало инициативу. Военный министр представил соответствующее ходатайство на обсуждение Совета министров, который, в свою очередь, «рассмотрев в заседании 30-го июля сего года настоящий вопрос единогласно признал формирование упомянутых чешских добровольческих частей вполне целесообразным»¹⁴¹. Так как сформированные части планировалось использовать для «особенного назначения», предполагалось заменить в них по мере подготовки всех русских военнослужащих на чехов, в том числе из числа военнопленных¹⁴².

Таким образом, изначально идеологические установки, а также политические задачи российского правительства и военных властей предопределили их политику сегрегации в отношении военнопленных, в том числе особое отношение к военнопленным-славянам. «При этом ранжирование пленных по этническому признаку не было чем-то из ряда вон выходящим, – отмечает исследователь Суржикова, – соответствуя общей логике осуществлявшейся в стране политики населения»¹⁴³.

¹⁴⁰ Базанов С.Н. Военнопленные-славяне в России в годы Первой мировой войны // Труды Института российской истории. Вып. 11. М., 2013. С. 172.

*30 октября 1914 года было создано Всероссийское попечительство о пленных славянах, которое занималось материальной помощью, культурно-просветительной работой и идеологического просвещения пленных в духе панславизма.

¹⁴¹ РГВИА. Ф. 2003. Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка). Оп. 27. Д. 323. Л. 24.

¹⁴² Там же. Л. 24 об.

¹⁴³ Суржикова Н.В. Российский плен 1914–1917 гг. как пространство политико-идеологических манипуляций. Теории центра и практики периферии // Cahiers du monde Russe. 2012. Т. 53. № 1. С. 2.

В «Положении о военнопленных» 7 октября 1914 г. не было прописано каких-либо особых льгот в отношении отдельных категорий военнопленных по этническому признаку. Однако, еще 21 сентября этого года в Отдел по устройству и службе войск (Отделение 7) поступила телеграмма от военного министра, в которой сообщалось, что на основании договоренности между военным министерством и министерством иностранных дел в отношении военнопленных славянских национальностей (русин, словаков, галичан, чехов, сербов, и поляков), а также эльзас-лотарингцев допущен ряд «льготных мероприятий»¹⁴⁴. Так, было рекомендовано славян и эльзас-лотарингцев размещать в отдельных пунктах, изолированно от немцев, австрийцев и венгров, а в пунктах их размещения – предоставлять помещения, «по возможности лучшие, в смысле тепла и удобства». Им полагалось лучшая одежда и питание по сравнению с другими категориями. Предписывалось освобождать их от обязательных государственных и общественных работ. Если же они сами изъявляли желание работать, то их рекомендовалось направлять на легкие, интересные работы, сообразуясь со специальностью и отдельно от немцев. У них появлялась возможность «широко пользоваться отпусками» в пределах пунктов расквартирования¹⁴⁵.

Славяне и эльзас-лотарингцы в обмен на лояльность должны были получить не только лучшие материальные условия пребывания в местах пребывания, но и «более мягкий режим». За побеги и самовольные отлучки среди них «отвечали все товарищи» и они лишались предоставленных льгот. Это создавало внутренний самоконтроль и снижало риск побегов. Кроме этого, им предоставлялось право вступать в специальные воинские дружины и дружины государственного ополчения для участия в военных действиях против Германии и Австрии, что означало выход из-под надзора и переход в статус военнослужащих¹⁴⁶.

Отдел по устройству и службе войск докладывал начальнику штаба Верховного главнокомандующего 22 октября 1914 г. о том, что соответствующие указания

¹⁴⁴ РГВИА. Ф. 2003. Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка). Оп. 2. Д. 544. Л. 4.

¹⁴⁵ Там же. Л. 4–4 об.

¹⁴⁶ Там же.

были переданы по телеграфу командующим войсками Московского и Казанского военных округов, «в пределах коих размещены исключительно военнопленные славяне и эльзас-лотарингцы, а равно и командующим войсками Омского и Туркестанского военных округов, в коих, в виду недостатка мест в двух вышеназванных округах, также частью, в обособленных пунктах, размещены славяне»¹⁴⁷.

Однако практическая реализация формирования славянских дружин растянулась на длительное время. Верховный главнокомандующий, не видя препятствий в привлечении военнопленных славян в состав формировавшихся подразделений, все-таки настаивал «на какой-либо гарантии хотя бы рекомендации чешских деятелей, благонадежности поведения во время пути, словом, не без разбора»¹⁴⁸. Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Янушкевич в своем письме к председателю Совета министров И.Л. Горемыкину в декабре 1914 г. высказывал сомнения в том, что «большинство пленных едва ли оказалось в русском плену из идейных побуждений... К тому же самое намерение вступить в русские ряды, надо думать, подсказывается таким чином либо стремлением избавиться от условий, в которых содержаться военнопленные, либо надеждой этим путем достичь своей родины»¹⁴⁹. Совет министров, рассмотрев вторичное представление министра внутренних дел на заседании 2 января 1915 г. об отправке военнопленных добровольцами в действующую армию, признал «в общем нежелательным, оговорив, однако, что окончательное решение таковых ходатайств зависит от усмотрения Августейшего Верховного главнокомандующего»¹⁵⁰.

Противоречивость политики царизма в отношении военнопленных славян с очевидностью проявилась в положении галичан, оказавшихся в российском плену. С одной стороны, идеология русского национализма рассматривала их как «самую

¹⁴⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 544. Л. 4 – 4 об.

¹⁴⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 27. Д. 323. Л. 20.

¹⁴⁹ Там же. Л. 41.

¹⁵⁰ Там же. Л. 118 об. – 119.

коренную русскую область», «братьев», ожидающих воссоединения, что подкреплялось деятельностью Галицко-Русского благотворительного общества*. Причем такие настроения были распространены не только в самой Галиции, но и среди русского населения, в том числе в военных кругах.

Так, по приказанию главнокомандующего Юго-Западного фронта военнопленные нижние чины «русинского происхождения» могли быть освобождены из плена, «если они по своим нравственным качествам и благонадежности будут того заслуживать и по принесении ими клятвенного обещания, что врагам... служить не будут»¹⁵¹. На основании приказа военный генерал-губернатор Галиции граф В.А. Бобринский 1 декабря 1914 г. разработал и утвердил правила освобождения пленных в пределах губернаторства.

Тем не менее, военнопленные галичане продолжали поступать во внутренние губернии Российской империи. В апреле 1915 г. в Совет министров с ходатайством об установлении некоторых льгот для пленных галичан обратилось правление Галицко-русского благотворительного общества¹⁵². Председатель Совета министров, в свою очередь, направил его на усмотрение начальнику штаба Верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевичу. Свое обращение в российское правительство правление объясняло тем, что оно получало множество писем от сдавшихся в плен галичан с перечислением их насущных нужд. Для проверки содержания этих писем обществом, с разрешения властей, был послан к пленным галичанам специальный уполномоченный. На основании этих донесений правление общества пришло к заключению, «что положение пленных русских Галичан, сдавшихся по большей части добровольно, много хуже положения других взятых в плен Славян»¹⁵³.

* Галицко-Русское благотворительное общество – общественно-политическая организация, основанная в Санкт-Петербурге 15 декабря 1902 года. Ее главной целью было поддержание культурного единства русинов (галичан, буковинцев и закарпатских русинов) с русским народом.

¹⁵¹ Российский Государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 955. Штаб отряда Балтийского флота при кавказской туземной дивизии. Оп. 1. Д. 2. Л. 132 об.

¹⁵² РГВИА. Ф. 2005, Военно-политическое и гражданское управление при Верховном главнокомандующем. Оп. 1. Д. 50. Л. 11.

¹⁵³ Там же. Л. 12.

В связи с этим правление предлагало на усмотрение Совета министров издание ряд распоряжений, в дополнение уже ранее изданных циркуляров об австрийских пленнх. Прежде всего, предлагалось выделить русских галичан из общей массы славянских военнопленных по месту их нахождения, чтобы предотвратить их растворение среди других национальностей и обеспечить целенаправленное воздействие. Одновременно с этим общество ходатайствовало о том, чтобы не препятствовать галичанам униатского вероисповедания возвращаться в плену в православную веру, что должно было укрепить их духовную связь с Россией. Важным пунктом являлась передача цензуры писем галичан, отправляемых на родину, из рук польских и чешских офицеров в руки русских чиновников, что позволило бы исключить нежелательное влияние на переписку и использовать ее в пропагандистских целях. Кроме того, предлагалось распространить на пленнх галичан денежные и вещевые пособия, распределяемые делегатами Всероссийского попечительства о пленнх славянах и других благотворительных учреждений, уравнив их в материальном обеспечении с другими подопечными этих организаций.

Особого внимания заслуживали предложения об освобождении из плена тех галичан, чьи родственники были увезены австрийцами за русские убеждения в Альпийские земли, а также досрочном освобождении тех, кто до войны активно отстаивал русское дело в бывшей «подъяремной Руси». Для остававшихся в плену галичан общество просило освободить их от тяжелых работ, особенно опасных для здоровья, и использовать преимущественно на сельскохозяйственных работах, что не только сохранило бы их здоровье, но и способствовало бы решению проблемы нехватки рабочих рук в сельском хозяйстве. Правление общества выражало надежду, что эти меры позволят не только облегчить участь галичан, но и создать из них «пионеров возможно скорого культурно-политического слияния воссоединенной Руси с остальным Русским Миром»¹⁵⁴.

Военные власти вполне соглашались с необходимостью изменения условий содержания пленнх-галичан. Так, военный министр сообщал в штаб Верховного

¹⁵⁴ РГВИА. Ф. 2005, Военно-политическое и гражданское управление при Верховном главнокомандующем. Оп. 1. Д. 50. Л. 12 об. –13.

главнокомандующего 16 мая 1915 г., что «установление некоторых льгот для плен-ных галичан, согласно ходатайству о сем Галицко-Русского Общества, изложен-ному в прошении его на имя Председателя Совета Министров... в общем, казалось бы, не может встретить каких-либо возражений»¹⁵⁵. Однако при этом отмечал, что «таковая льгота является общей, установленной еще в начале настоящей войны, для всех пленных славянской национальности и потому галичане, как принадлежа-щие к этой категории пленных, уже и в настоящее время фактически пользуются ими»¹⁵⁶. Речь шла о беспрепятственном возвращении галичан-униатов в правосла-вие, цензурования их писем только русскими цензорами, распространения на гали-чан денежных и вещевых пособий, выдаваемых благотворительными учреждени-ями, и назначении пленных галичан на более легкие, преимущественно сельскохо-зяйственный работы.

Что же касается освобождения отдельных категорий галичан из плена, то со-гласно просьбе военного генерал-губернатора Галиции, их возвращение на родину было признано невозможным, в виду загруженности железных дорог¹⁵⁷.

В августе 1915 г. начальство Туркестанского военного округа запросило Главное управление Генерального штаба о том, как надлежит поступать с прибыв-шими в округ военнопленными галичанами, получившими от военного генерал-гу-бернатора Галиции свидетельство о разрешении свободно проживать в пределах Галиции, и принявшими русское подданство¹⁵⁸. В ответе Генерального штаба ука-зывалось, что военнопленные получили разрешение свободного проживания только на территории Галицкого генерал-губернаторства, а не повсеместно в импе-рии, «каковые свидетельства военный генерал-губернатор, по существу предостав-

¹⁵⁵ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 50. Л. 16.

¹⁵⁶ Там же. Л. 16.

¹⁵⁷ Там же. Л. 16–16 об.

¹⁵⁸ Там же. Л. 28.

ленных ему полномочий, издать не мог», а следовательно оно не имеет юридической силы¹⁵⁹. Таким образом, их продолжали считать военнопленными вражеского государства, несмотря на их пророссийскую ориентацию и обещания властей.

На чрезвычайном заседании Совета министров в Ставке 14 июня 1915 г. было принято постановление о прекращении приема в русское подданство неприятельских подданных до окончания войны. Что же касается тех военнопленных, которые уже приняли присягу по правилам, выработанным в пределах Галицкого генерал-губернаторства, «по полученным в штабе сведениям, такой упрощенный порядок принятия не дал надлежащих гарантий в том, что означенные лица, благонадежность которых за недостатком времени не была точно установлена, будут вполне лояльны к русским интересам»¹⁶⁰. По итогам обсуждения было принято решение данных военнопленных не освобождать от надзора. Тем не менее, чтобы «убедить их в том, что изъявленная ими готовность вступить в русское подданство и принятия присяги в верность государю императору соответственно оценивается ... Начальник штаба со своей стороны не встречает препятствий к установлению несколько более льготных правил их содержания, с выделением военнопленных в особые для сего от прочих команды»¹⁶¹.

В это же время был решен вопрос о формировании чешской дружины. Верховный главнокомандующий признал необходимым установить, «что вновь попадающие в плен чехи и словаки не могут приниматься немедленно в дружину, а обязательно направляться во внутренний район Империи и только из последнего те из них, за которых поручатся доверенные представители Чешской дружины, могут быть направлены в состав дружин»¹⁶².

К осени 1915 г. политика выделения славян в привилегированную категорию военнопленных фактически провалилась.

¹⁵⁹ РГВИА. Ф. 2005. Военно-политическое и гражданское управление при Верховном главнокомандующем. Оп. 1. Д. 32. Л. 31.

¹⁶⁰ Там же. Л. 35.

¹⁶¹ Там же. Л. 35 об.

¹⁶² РГВИА. Ф. 2003. Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка). Оп. 27. Д. 323. Л. 224.

В ноябре 1915 г. уполномоченный И.Ф. Белик представил в Совет Всероссийского попечительства о пленных славянах доклад, который был составлен им на основе впечатлений, после посещения следующих городов и деревень Урала и Сибири: Уфа, Челябинск, Курган, Макушино, Петухово, Староберезово, Омск, Томск, Тутальское, Болотное, Кривошеково, Коченево, Самара¹⁶³. Доклад зафиксировал значительный разрыв между декларируемой российской властью политикой особого покровительства «братьям-славянам» и реальной ситуацией на местах.

Материальное положение славянских военнопленных в Сибири было относительно нормальным. Крестьяне, как следовало из доклада И.Ф. Белика, «народ богатый и добрый», охотно брали пленных на работы по обоюдному согласию, обеспечивая их кровом и пропитанием. «Лучше всех живет военнопленным славянам, работающим в лесах, где зарабатывают по 1 руб. ежедневно, – сообщал он в докладе. – Хотя и по деревням военнопленные славяне подчинены власти русского унтер-офицера и австрийского офицера, но власть последнего не приносит такого вреда как в городе, казарме, где большинство австрийских офицеров стараются всевозможными средствами убить славянские убеждения и поддержать австрийский патриотизм и режим»¹⁶⁴.

Действительно, главными проблемами, обозначенными в докладе, были – отсутствие единой системы и контроля, а также непонимание местными властями сути славянского вопроса, что позволило австрийским офицерам использовать предоставленные славянам льготы для подавления пророссийских настроений среди славянских военнопленных.

Наиболее ярко такая ситуация появилась в Омске, где власть над пленными славянами была фактически делегирована австрийскому полковнику Миллеру – человеку, не знавшему ни одного славянского языка и откровенно враждебному России. Он и его адъютанты, будучи сами записанными в списки как «славяне», установили в лагере настоящий террор. Миллер вел списки «неблагонадежных» славян: «когда некоторые отказались давать какие бы то ни было объяснения, он созвал

¹⁶³ РГИА. Ф. 909. Фонд Д.Н. Вергун. Оп.1 Д. 425. Л. 9.

¹⁶⁴ Там же. Л. 11.

суд, осудил их как изменников, записал их фамилии, чтобы после окончания войны передать военному суду»¹⁶⁵. При этом сам Миллер и его адъютанты «живут на правах славян на свободе и записаны в списках славянами, хотя не знают ни одного славянского языка»¹⁶⁶.

В Уфе, где находилось несколько тысяч славян, картина была не менее удручающей. В докладе И.Ф. Белик указывал, что положение русских галичан здесь было «если не хуже, так уж совсем не лучше немцев, мадьяр и евреев». Они сидели без работы в казармах, не получая никакой помощи, в то время как «лучше всех живет военнопленным немцам, которые получают два раза в месяц не только теплое и холодное чистое белье, но и съестные припасы»¹⁶⁷. Им не позволяли свободно исповедовать православие, к которому они обращались, и даже не отпускали в церковь без специальных разрешений. Всякая инициатива по присоединению к православию и принятию подданства жестоко пресекалась как австрийскими агентами, так и, что особенно показательно, прибывшим ранее делегатом попечительства, который, по слухам, угрожал и отговаривал от этих шагов, сея сомнения в будущем Галиции. «Никто не интересуется и русскими галичанами»¹⁶⁸, – подводил итог И.Ф. Белик.

На фоне мест бедственного положения военнопленных славян в положительную сторону выделялся Томск. Здесь «на свободе остаются только славяне, для евреев, немцев и даже для славян, по происхождению сочувствующих Австрии и Германии, среди убежденных славян места нет»¹⁶⁹, – сообщал И.Ф. Белик. Чехи смогли организовать хор и оркестр, давали патриотические концерты (в том числе в пользу Красного Креста), играли «Боже, Царя храни» «стоя и торжественно». Причину особого отношения к пленным славянам И.Ф. Белик усмотрел в том, что воинский

¹⁶⁵ РГИА. Ф. 909. Фонд Д.Н. Вергун. Оп.1 Д. 425. Л. 11.

¹⁶⁶ Там же. Л. 11 об.

¹⁶⁷ Там же. Л. 10.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Там же. Л. 13.

начальник, благодаря помощи русских студентов-галичан, разбирался в славянском вопросе и не допускал обмана. Однако и здесь имелись проблемы: «Русское местное общество к сожалению не интересуется пленными славянами»¹⁷⁰.

На основе увиденного уполномоченным были сформированы определенные выводы и предлагались конкретные меры. Главный из его выводов сводился к необходимости полной изоляции славянских военнопленных от любого влияния австрийских офицеров, даже тех, кто называет себя славянами. «Свободой должны пользоваться только те военнопленные славяне по убеждению, а не по происхождению. Все те славяне, которые сражались против нас в "польских легионах" и мазепинских "сечах", должны быть помещены в военнопленными немцами, мадьярами и евреями. В противном случае среди славян всегда будет враждебное настроение, и представляемая им свобода не будет приносить славянскому делу никакой пользы»¹⁷¹.

Содержание доклада Белика 29 ноября 1915 г. было опубликовано во влиятельной и одной из самых читаемых газет – «Новое время»¹⁷². В годы войны она заняла откровенно панславистскую позицию, активно поддерживая идею освобождения славян от австро-германского владычества и призывая к особому покровительственному отношению к военнопленным-славянам. До этого доклады уполномоченных Попечительства о пленных славянах, подобные докладу Белика, ходили по кабинетам Министерства внутренних дел, Военного министерства и Генерального штаба. Они были служебными документами, предназначенными для узкого круга чиновников. Публикация в центральной газете означала, что критика системы надзора за военнопленными-славянами вышла за пределы бюрократических каналов и стала достоянием широкой общественности. Это было признанием того, что «прекрасная по своей цели организация лагерей» на деле «грубо искажена».

Публикация такого документа в панславистской газете создавала общественное давление на Военное министерство, вынуждая его реагировать. Газета, по сути,

¹⁷⁰ РГИА. Ф. 909. Фонд Д.Н. Вергун. Оп.1 Д. 425. Л. 13.

¹⁷¹ Там же. Л. 13 об.

¹⁷² Военнопленные славяне // Новое время. 1915. 29 ноября.

использовала доклад как инструмент политической борьбы против тех сил в военном и гражданском аппарате, которые саботировали политику дифференциации в отношении пленных.

В свою очередь товарищ министра иностранных дел А.А. Нератов обратился 15 ноября 1915 г. к начальнику Генерального штаба М.А. Беляеву с просьбой командирования специальных лиц для инспекции о положении водворенных в России военнопленных славян. Необходимость такой командировки он объяснял неудовлетворительным положением «этих пленных», содержащихся под командованием немецких и венгерских офицеров и унтер-офицеров и находившихся под их нежелательным влиянием. В некоторых случаях при отделении пленных славян от немцев, в их число попадали неславянские и неблагонадежные элементы, намеренно злоупотребляющие представленными им льготами. В качестве главного аргумента А.А. Нератов приложил к письму докладную записку «По делу военнопленных славян», авторизованную именем известного «карпаторусского» общественного деятеля А.П. Геровского. В этой записке констатировалось, что сложившиеся условия содержания славянских военнопленных ведут к катастрофическим последствиям для российской политики на Балканах. По словам автора, сотни тысяч славян, сдавшихся в плен «из любви к России сознательно», при существующем положении вещей «возвратятся на родину русофобами»¹⁷³. Главные недостатки системы, по мнению А.П. Геровского, как раз заключались в том, что славян не отделяли от немцев и мадьяр, их принуждали повиноваться австрийскому начальству, которое запрещало им изучать русский язык, читать русские книги, ходить в православную церковь, и даже цензурировало их переписку. Однако на жалобы славян военные власти не обращали внимания.

Помимо записки А.П. Геровского к обращению прилагалось письмо славянского офицера-галичанина, адресованное в Петроград, которое датируется 1 июлем 1915 г. В нем подробно излагалась бедственная ситуация, сложившаяся вокруг сла-

¹⁷³ АВПРИ. Ф.160. Отдел о военнопленных. Оп. 708. Д. 1669. Л. 182.

вянских военнопленных в Омске, которая дополняла уже известные факты. Первоначально здесь славянам были предоставлены льготы, и они могли проживать на частных квартирах. Однако, по словам автора, «вследствие попустительства русских властей, удалось под предлогом, что они славяне, тоже евреям, немцам попасть на частные квартиры в городе»¹⁷⁴. Эти элементы, вместе с «мазепинцами», поляками и умевшими «ускользнуть из крепости» немцами и мадьярами, начали заниматься агитацией и пропагандой, устраивать сходки и скандалы. За это генерал-губернатор распорядился лишить всех офицеров (без исключения) льгот и перевести их из города в крепость. Автор с горечью отмечал: «Какое странное стечение обстоятельств: страдали мы там, страдаем и здесь; за сделки германо-мадьяр наказаны все без исключения, между ними и мы, русские галичане, и некоторые заслуживающие лучшей участи славяне, как чехи и сербы»¹⁷⁵.

Условия содержания славянских офицеров в Омской крепости («дисциплинарной роте»), описание которых содержится в письме, кардинально отличались от обещанного «более мягкого режима». Автор сравнивал ее с «Львовскими бригадами» (тюрьмами. — *Г.Г. Воронин*) «с немножко большими оконцами», отмечая отсутствие кроватей, постелей, бани, антисанитарию (клопы, вши). В одном зале 10×25 шагов на нарах помещалось около 180 человек (славян). Прогулки во дворе 100–120 шагов совершались одновременно с 800 другими пленными; при дожде пленные задыхались в душливых комнатах и пр. Таким образом, вместо того чтобы усилить надзор за подозрительными элементами, власти применили принцип коллективной ответственности ко всей группе, что перечеркнуло всю предыдущую политику дифференциации и превратило привилегированную категорию в объект тотального надзора. В заключении автор заключал: «Так живет теперь освобожденным из-под австрийского ига галичанам и другим славянам. Пережили мы не одну беду, переживаем и эту»¹⁷⁶.

¹⁷⁴ АВПРИ. Ф.160. Отдел о военнопленных. Оп. 708. Д. 1669. Л. 186.

¹⁷⁵ Там же. Л. 187.

¹⁷⁶ Там же.

После длительной переписки военное министерство дало согласие на командирование «отчисленного в распоряжении Министерства иностранных дел А.П. Геровского в места водворения у нас военнопленных славян»¹⁷⁷. Для совместного объезда лагерей с А.П. Геровским был назначен штаб-ротмистр Л.А. Бобринский. Начальству Московского, Казанского, Омского и Туркестанского военных округов были даны указания об их беспрепятственном допуске во все места водворения пленных славян и о полном содействии им. Согласно «Наказа лицам, командированным для объезда мест водворения в России пленных славян», составленного Министерством иностранных дел, одной из задач командировки значилось: «Выяснить возможные средства воздействия на пленных для возбуждения и укрепления в них привязанности к России, а равно и способы наилучшего пользования их прибывания в России»¹⁷⁸.

В ноябре 1916 г. в Министерство иностранных дел поступил доклад вернувшихся их командировки штаб-ротмистра графа Л.А. Бобринского и А.П. Геровского. Авторы в течение летних месяцев посетили Ярославль, Мологу, Пошехонье, Семибратов, Ростов Великий, Нерехту, Кострому, Кинешму, Нижний Новгород, Арзамас, Судогду и Суздаль. Этот доклад представляет собой одну из наиболее подробных и критических ревизий системы надзора за «дружественными» военнопленными и позволяет выявить ее ключевые особенности на завершающем этапе войны.

Авторы применили достаточно системный подход к сбору информации: «сначала военнопленным вручались бланки... для собственноручного заполнения их на родном языке. Эти бланки мы просматривали и сортировали по национальностям, а затем уже... приступали к беседам с военнопленными. Эти беседы мы вели с каждой отдельной когортой, чтобы дать военнопленным возможность высказаться свободно, не стесняясь товарищей»¹⁷⁹. Такая методика позволяла не

¹⁷⁷ АВПРИ. Ф.160. Отдел о военнопленных. Оп. 708. Д. 1669. Л. 139.

¹⁷⁸ Там же. Л. 109.

¹⁷⁹ АВПРИ. Ф.160. Отдел о военнопленных. Оп. 617. Д. 86. Л. 47 об.

только получить формальные сведения, но и выявить реальные настроения пленных. Общее впечатление от поездки авторы характеризуют как «самое безотрадное», констатируя, что «на месте убедились, как грубо искажена прекрасная по своей цели организация лагерей военнопленных славян»¹⁸⁰.

Главной причиной провала авторы называют «отсутствие единообразия и планомерности работы. Все основано на отдельных и в большинстве случаев туманных циркулярах, которые толкуются местным начальством крайне разнообразно». Более того, «местное начальство в громадном большинстве не имеет даже элементарных сведений по славянскому вопросу и не интересуется им», а между тем «в руках этого начальства теперь находится судьба многих сотен тысяч славян, которые ждали от России того, что было им обещано в обращении к славянским народностям в начале этой войны»¹⁸¹. Это означает, что лица, ответственные за надзор, часто не понимали, кем являются их подопечные и почему к ним следует применять особый режим.

Доклад содержит многочисленные свидетельства произвола и жестокости местных воинских начальников. В Семибратове, где «собрано 2200 пленных, больных, замученных на Мурмане», прапорщик Побать «воспретил пленным, не могущим принимать твердой пищи, покупать на свои средства молоко. Врачам, которые покупали молоко на свои собственные деньги для тяжело больных, оставшихся без средств, он пригрозил расправой и предложил выдать австрийцам по 25 хороших нагаек, после чего "они сейчас выздоровели"»¹⁸². В Арзамасе воинский начальник «не желает разговаривать с пленными офицерами. А когда все славяне (сербы, хорваты и словенцы) обратились к нему письменно, он заявил им, что это бунт, и пригрозил военным судом»¹⁸³. Когда двое пленных бежали, он наказал за этот побег всех, «лишив их полуобеда, купания в реке и заколотил окна»¹⁸⁴.

¹⁸⁰ АВПРИ. Ф.160. Отдел о военнопленных. Оп. 617. Д. 86. Л. 47.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Там же. Л. 49 – 49 об.

¹⁸³ Там же. Л. 49 об.

¹⁸⁴ Там же.

В Суздале воинский начальник, узнав, что многие чехи-офицеры желают поступить добровольцами в чешскую дружину, удержал их, сказав, что «из наших, т.е. русских пленных, в Германии и Австрии так же не поступит даже нижний чин. Вследствие этого чехи, желающие поступить добровольцами в русскую армию, взяли свои заявления обратно»¹⁸⁵.

Авторы также отмечали, что «на серьезный вопрос об удовлетворении духовных нужд военнопленных не обращается никакого внимания. В большинстве лагерей пленные в церковь не водятся»¹⁸⁶. В Семибратове и других лагерях они видели «православных русских (буковинцев), сербов и румын, которые, находясь почти два года в плену в России, ни разу не были в церкви, не исповедовались и не причащались»¹⁸⁷.

Одной из главных проблем, выявленных инспекцией, стало присутствие в славянских лагерях «враждебных элементов». Авторы подчеркивали, что «главный недостаток в организации лагерей это тот, что до сих пор, несмотря на все циркуляры, все еще не осуществлено отделение славян от прочих военнопленных, т.е. немцев, евреев и мадьяр»¹⁸⁸. Особенно показательным для них был случай в Ростове Великом, где в небольшом славянском офицерском лагере из 15 офицеров оказался некто Ауэрбах, «который, как нам удалось выяснить, во-первых, не славянин, во-вторых не офицер, а нижний чин. Он терроризировал всех офицеров славян и даже бил некоторых из них, как изменников, за их русофильство. «Его боялся даже его ротный командир капитан Валда»¹⁸⁹. Авторы доклада рисуют картину настоящего террора внутри славянских лагерей: «Ввиду присутствия вышеуказанных враждебных элементов, в некоторых славянских лагерях царит настоящий ад. Преданные России и славянскому делу военнопленные боятся высказывать свои мысли, читать русские газеты и русские книги, шпионы держат их постоянно в

¹⁸⁵ АВПРИ. Ф.160. Отдел о военнопленных. Оп. 617. Д. 86. Л. 49 об.

¹⁸⁶ Там же. Л. 50.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Там же. Л. 51.

¹⁸⁹ Там же. Л. 52.

страхе, запугивают, ругают и даже бьют их. А местное начальство является бездушным зрителем, зачастую совершенно не понимая, в чем дело, и не зная, что предпринять»¹⁹⁰. Особенно поразили авторов «отношения среди военнопленных в Костроме, Арзамасе и Кинешме. В этом последнем лагере мы более двух часов не могли узнать о настроении пленных. Только после двух часов нашелся один чех, который решился оказать, что его товарищи боятся говорить потому, что в нижнем этаже, где мы находились, помещаются австрийские доносчики»¹⁹¹. Они приходят к выводу, что «недостаточно отделить славян от немцев, евреев и мадьяр, а необходимо обращать внимание и на политические убеждения славян и отделять от славян тех из них, которые сочувствуют Австрии и Германии»¹⁹².

В конце доклада приводится свидетельство графини, австрийской сестры милосердия, которая после восьми месяцев осмотра лагерей заявила: «Я убедилась, что славянам живется в России еще раз в десять хуже, чем немцам. За исключением нескольких показательных лагерей, как например, Тюмень, славянские лагеря ужасны... Все то, что я видела, произвело на меня впечатление, что военнопленных мучают в России не нарочно, а что причина всего – недостаток организации»¹⁹³.

Таким образом, вместо того чтобы стать «проводниками русского влияния», славянские военнопленные превращались в разочарованных и озлобленных людей, а некоторые – как свидетельствует доклад – просили «о производстве в немцы»¹⁹⁴, чтобы получить лучшие условия содержания.

Рекомендации, представленные в заключении доклада Л.А. Бобринского и А.П. Геровского сводились к следующим основным моментам. Они предлагали реформировать систему управления военнопленными, создав единый центральный орган в Петрограде с четкими правилами работы и подготовленными кадрами. Предлагалось также провести жесткую фильтрацию и удалить из славянских лаге-

¹⁹⁰ АВПРИ. Ф.160. Отдел о военнопленных. Оп. 617. Д. 86. Л. 53.

¹⁹¹ Там же. Л. 54.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Там же. Л. 58.

¹⁹⁴ Там же. Л. 56 об.

рей евреев, немцев, австрийских поляков и «мазепинцев», создав для них отдельные лагеря или объединив с немцами и мадьярами. Для преданных России славян, особенно галичан и буковинцев, следовало, по их мнению, создать лучшие условия, обучать их русскому языку, истории и православию, издавать журналы и допускать священников. Освобождение из плена допускалось только для вполне благонадежных с обязательным привлечением к оборонным работам и без передачи этого дела старым польским и чешским организациям, которые считались ненадежными.

Однако, как справедливо отмечает исследователь Н.В. Суржикова, уже в середине 1915 г. «значительная часть вражеских военнослужащих на правах «аренды» принадлежала гражданским властям и использовалась на общественных работах, казенных и частных предприятиях, а также в сельском хозяйстве»¹⁹⁵. К 1916 г. принцип национальной дифференциации военнопленных стал не только декларативным, но и практическим: славянские военнопленные (особенно чехи и словаки) стали рассматриваться как важный трудовой ресурс для фронта. Так, в начале марта 1916 для обслуживания технических нужд армий Юго-Западного фронта было решено организовать около 50 рабочих дружин военнопленных. Ввиду значительной близости к району военных действий, предположено в состав дружин зачислить исключительно славян¹⁹⁶.

После мобилизации южных славян в сербскую армию среди военнопленных славян оставались преимущественно русские галичане, поляки, чехи и словаки. Военная комиссия Союза чешско-словацких обществ в России сочла необходимым обратиться в штаб Юго-Западного фронта, изложив соображения, основанные на полученном при организации пленных славян опыте. Учитывая, что самую большую проблему в организации составляли трения среди военнопленных, комиссия полагала, что «им необходимо предоставить свободу в установлении внутреннего

¹⁹⁵ Суржикова Н.В. Российский плен 1914–1917 гг. как пространство политико-идеологических манипуляций. С. 11.

¹⁹⁶ Штаб главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта // РГВИА. Ф. 2067. Оп. 2. Д. 533. Л. 15.

распорядка, ограничившись назначением командиров дружин, финансовым и техническим контролем. Кандидатов на должности помощников командиров, сотников, десятских, заведующих канцелярией и т. д. следует предоставить выбору самих пленнх»¹⁹⁷. Руководителей же дружин предлагалось назначать из добровольцев чешской дружины (Чехословацкого стрелкового полка. – *Г.Г. Воронин*), которые к этому времени утратили возможность находиться на фронте. Авторы обращения признавали, что иногда наблюдались случаи «лености и малой продуктивности труда пленнх». Однако они настаивали, что причина – в плохих условиях содержания, а не в нежелании работать: «пленным давали мало есть, или не обували и не одевали их, или подвергали их жестокому обращению». Там, где условия были сносными, предприниматели «не могут нахвалиться их трудолюбием и добросовестностью»¹⁹⁸. Доверие к пленным, указывалось в обращении, позволит достичь «действительной внутренней дисциплины, основанной на взаимной ответственности, своего рода круговой поруке». Это был бы более эффективный механизм контроля, чем внешний надзор, и он позволил бы провести «тщательный отбор лишь надежных элементов»¹⁹⁹. Формирование рабочих дружин было предложено сосредоточить на Дарницком изоляционном пункте (под Киевом), где имелось специальное бюро для пленнх славян, распределявшее их по специальностям и имевшее списки всех прошедших через пункт*.

Одновременно представители Союза Чешско-Словацких Обществ в России возбудили ходатайство об освобождении военнопленнх чехов и словаков, доказавших свою преданность славянской идее и имевших поручительство Чешско-Словацкой организации. Формально они опирались на пункт II «Положения о военнопленнх», устанавливающий возможность освобождения военнопленнх под

¹⁹⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп.2. Д. 533. Л. 15 об. –16.

¹⁹⁸ Там же. Л. 16 об.

¹⁹⁹ Там же. Л. 16.

* Изоляционно-пропускной пункт для военнопленнх на станции Дарница Московско-Киево-Воронежской железной дороги был устроен в августе 1915 года. К 1916 г. через него проходили почти все военнопленнх на Юго-Западном фронте военнопленнх. Вследствие наплыва большого их количества был переименован в Дарницкий лагерь для военнопленнх (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 263. Л. 95).

честное слово. Их ходатайство было изложено во всеподданейшем докладе начальника штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексева императору Николаю II 8 апреля 1916 г.

В Киевском военном округе к этому времени, согласно докладу, уже работало более 50 000 славян, из них около 45 000 – непосредственно на оборону (земляные работы, укрепления, заводы)²⁰⁰. Однако авторы обращения к М.В. Алексеву считали эти результаты «ничтожными» по сравнению с тем, чего можно достичь, если привлечь к интенсивной работе «всю массу пленных славян, распределенных по своим специальностям». Освобождение должно было окрылить их сознанием, что они работают «не как подневольные пленники, а как свободные сотрудники»²⁰¹. Основной же аргумент относительно освобождения военнопленных чехов и словаков виделся ими в политическом аспекте. Освобождение славянских пленных произвело бы «громадное впечатление за границей, как среди друзей, так и в стане наших врагов». Австрии был бы нанесен «смертельный удар», так как у нее была бы «совершенно отнята возможность втянуть славянские элементы в русло австрийской политики»²⁰². В тот же день император дал разрешение на освобождение «пленных славян, давших честное слово, и под поручительство законных славянских организаций»²⁰³. Установление порядка отпуска на свободу передавалось военному министерству.

Военный министр генерал Д.С. Шуваев обратился 5 июня 1916 г. к Николаю II с новым докладом, ссылаясь на положительную резолюцию монарха на докладе М.В. Алексева и поднимая вопрос об освобождении военнопленных-славян, «за полную лояльность которых в отношении России ручаются легализованные у нас общества славян»²⁰⁴. Выработанный проект предусматривал их перевод в разряд «трудообязанных», привлечение к работам без права ухода и обязательный надзор.

²⁰⁰ Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 544. Л. 345.

²⁰¹ Там же. Л. 345 об.

²⁰² Там же.

²⁰³ Там же. Л. 349.

²⁰⁴ Клеванский А.Х. Военнопленные центральных держав в царской и революционной России (1914–1918 гг.) // Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965. С. 29–30.

27 июля (9 августа) 1916 года Николай II вторично выразил согласие с проектом, который передали на рассмотрение специального совещания при Главном управлении Генерального штаба. Однако этот проект, хотя и постоянно дорабатывался, так и не был утвержден.

Реализация указа столкнулась с серьезным противодействием. Русские промышленники и крупные землевладельцы, испытывавшие острую нужду в дешевой рабочей силе, противились освобождению пленных. Для преодоления ведомственной разобщенности при военном министерстве было образовано Междуведомственное совещание для выработки правил привлечения освобождаемых славян к работам. Его первое заседание состоялось 16 января 1917 года. С 17 января по 23 июня 1917 года прошло 23 заседания, в которых активную роль играли представители МВД.

Итогом этой работы стало утверждение 13 августа 1917 г. приказом № 14149 «Положения об освобождении из плена славян на особых условиях». Согласно этому документу, славяне становились категорией «трудообязанных» с привлечением к работам общегосударственного и местного значения. Освобождение осуществлялось по письменным прошениям на имя военного министра. Военное министерство распределяло славян по районам, после чего они переходили в ведение МВД и уполномоченных им комиссаров. Администрации предприятий обязывались вести списки работ и мест жительства «трудообязанных». Каждый «трудообязанный» снабжался особым билетом, дающим право свободного проживания в данном районе работ, и рабочей расчетной книжкой²⁰⁵.

Таким образом, национальный фактор, изначально рассматривавшийся российской властью как эффективное средство политического давления на Австро-Венгрию, в условиях войны трансформировался в источник дополнительных про-

²⁰⁵ Синиченко В.В., Климов А.Ю. Роль Министерства внутренних дел Российской империи в идеологической обработке и организации труда военнопленных в годы Первой мировой войны // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4 (64). С. 145.

блем. Предоставление славянским военнопленным особых условий и льгот не привело к ожидаемому укреплению пророссийских настроений, поскольку на практике реализация этой политики оказалась лишенной четкой законодательной основы.

Разрозненные циркуляры, некомпетентность местных властей и отсутствие единого координирующего центра способствовали тому, что привилегированная категория пленных на деле нередко оказывалась в более тяжелом положении, чем представители «враждебных» национальностей. Инспекционные поездки уполномоченных Попечительства и доклады Бобринского и Геровского обнажили глубокое расхождение между декларируемыми целями и реальностью лагерной повседневности, где лояльные славяне подвергались давлению со стороны австрийских офицеров, доносчиков и криминализированных элементов, а местное начальство либо не вмешивалось, либо действовало по принципу круговой поруки.

Попытка исправить положение через освобождение отдельных категорий пленных под поручительство национальных организаций, санкционированное весной 1916 г., столкнулась с сопротивлением экономических ведомств и затянулась на месяцы, вылившись в итоге в компромиссную конструкцию «трудообязанных», сохранявшую надзор и ограничивавшую свободу.

Общий вывод по содержанию первой главы сводится к тому, что российская политика в области военного плена развивалась противоречиво. Законодательство от «Временного положения» 1877 г. к «Положению» 1914 г. совершенствовалось преемственно и формально следовало гаагским принципам, однако усиление централизации и регламентации сопровождалось отходом от международных обязательств, прежде всего в вопросе принудительного труда.

Еще более глубокий разрыв между нормой и практикой обнаружился в национальной политике: попытка использовать льготы для славянских пленных как средство давления на Австро-Венгрию не имела прочной правовой основы, породила управленческую разрозненность и сопротивление ведомств. В итоге она не достигла цели, ухудшив положение самих пленных. Ключевым результатом стало расхождение декларируемых целей и реальной практики надзора за военнопленными.

ГЛАВА II. ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННО-ПОЛИЦЕЙСКОГО НАДЗОРА ЗА ВОЕННОПЛЕННЫМИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

2.1. Организация охраны и внутреннего режима в условиях лагерной изоляции для военнопленных

Сведения о положении военнопленных, размещенных на территории России в 1914–1918 гг., отличаются противоречивостью, и главная причина этого заключается в том, что на разных этапах войны проблема характеризовалась совершенно разными условиями их содержания. Военное ведомство, рассчитывая на скоротечный характер военной кампании и не представляя масштабы пленения живой силы противника, не только не разработало предварительный план строительства специализированных лагерных городков, но и не обеспечило необходимую инфраструктуру для приема пленных, которых ко всему прочему требовалось максимально удалить от театра военных действий.

Между тем до конца 1915 г. было захвачено в плен около 1 млн человек, сражавшихся в армиях Центральных держав (Четверного союза). По сведениям, воспроизведенным в различных современных публикациях, «к 1917 году в России находились уже 2,2–2,4 млн военнопленных, в том числе около 1,9 млн из австро-венгерской армии, около 190 тыс. – из германской, около 63 тыс. – из турецкой и свыше 1500 человек – из болгарской»²⁰⁶. Однако, так же, как и Германия и Австро-Венгрия, Россия не была готова к поступлению такого огромного количества военнопленных²⁰⁷.

Военное командование считало необходимым основным местом размещения военнопленных сделать удаленные тыловые военные округа России – Казанский,

²⁰⁶ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 1963; Корнеев В.В. Концентрационные лагеря в России в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2015. № 9. С. 40.

²⁰⁷ Нахтигаль Р. Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 148.

Омский, Туркестанский. Первоначально было принято решение о размещении военнопленных в военных городках тех частей и соединений, которые были отправлены на фронт, а также находились вдали от крупных городов и железных дорог. Гарнизоны стали основой для формирования *«концентрационных лагерей военнопленных»*, т.е. специально оборудованных мест принудительной изоляции и содержания военнопленных.

В своей работе исследователи А.В. Ануфриев и Д.В. Козлов утверждают, что этот термин является абсолютно юридически верным для территории Иркутского военного округа²⁰⁸. К лету 1916 г. здесь оказалось около 200 тыс. военнопленных. Общий надзор и ответственность за положение военнопленных во всех вопросах их пребывания в лагере закреплялись за руководством военных округов через начальников гарнизонов.

Однако мест для размещения военнопленных было недостаточно, поэтому на деле на разных территориях пришлось приспособить для этих целей постройки различного назначения. Наряду с казармами, подсобными хозяйственными объектами и т.п. пленных стали размещать в зданиях разных общественных заведений.

К примеру, «в Томске для них летом 1914 г. приспособили здания двух гимназий, духовной семинарии и уездного училища, а с наступлением холодов – часть помещений университета, Технологического института, семь каменных двухэтажных и одно деревянное здание городских начальных училищ, дом науки (Народный университет), здание ипподрома и др.»²⁰⁹. В других городах переоборудовались частные и торговые дома, склады, школы, скотобойни и прочие малопригодные для этой цели помещения. Однако постоянно прибывавшие эшелоны с военнопленными сводили к нулю все ухищрения местных властей, поскольку казарм для пленных не хватало.

²⁰⁸ Ануфриев А.В., Козлов Д.В. Военнопленные Первой мировой войны и их место в культурном ландшафте городов Восточной Сибири // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики): материалы X Всероссийского научного симпозиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября 2020 г.) [Электронное издание]. Москва, Омск, 2020. С. 151–161.

²⁰⁹ Корнеев В.В. Концентрационные лагеря в России в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2015. № 9. С. 40–41.

Ограниченный жилищный фонд большинства удаленных от центра городов, куда направлялись военнопленные, не мог вместить всех прибывших. Даже крупный сибирский город Омск, имевший на тот момент около 100 тыс. жителей, «не в состоянии был разместить 14 тыс. пленных, а что говорить о маленьком Сретенске, население которого состояло из 7 тыс. жителей, а должен он был вместить еще 11 тыс. пленных»²¹⁰. В результате тобольский губернатор 28 января 1915 г. сообщал министру внутренних дел о том, что «ввиду значительного числа пленных в Омском округе, большая часть размещена в селениях, состоя в ведении воинских начальников под надзором воинских чинов, а чины полиции и сельской администрации оказывают содействие, ведут учет, принимая участие в расплате с населением за постой и продовольствие»²¹¹.

Еще большие проблемы наблюдались в Туркестанском военном округе, где в населенных пунктах практически не было помещений общественного назначения, которые можно было бы использовать для временного распределения военнопленных. Однако здесь было размещено около 180 тыс. человек. Командующий войсками этого округа 21 апреля 1916 г. в докладной записке сообщал военному министру Д.С. Шуваеву, что в течение первых полутора лет войны Главным управлением Генерального штаба преследовался принцип направления пленных немцев, австрийцев и венгров на эту территорию, а для работы в Россию отправляли преимущественно славян²¹².

Лагеря и казарменное расположение, в которых были расквартированы военнопленные в Туркестане, не имели заборов, и «все дело охраны военнопленных сводилось к надзору часовых нижних чинов, что при малочисленности войсковых частей не могло быть осуществлено в желаемой мере»²¹³.

²¹⁰ Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917 гг.) // Немцы. Россия. Сибирь. Омск: Омский государственный историко-краеведческий музей, 1997. С. 155.

²¹¹ О размещении военнопленных, взятых на полях сражений, по селам, деревням с назначением надзора за военнопленными на полицейских чинов // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 1232. Л. 31.

²¹² Докладная записка военному министру Д.С. Шуваеву от командующего Туркестанским военным округом // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1464. Л. 25 об.

²¹³ Там же.

Одной из самых главных проблем размещения пленных в Сибири были климатические условия, характеризующиеся продолжительной зимой с сильными морозами и резкими перепадами температур. Для адаптации к таким условиям значительного количества непривычных к ним людей, требовался особый подход к организации быта, предусматривавший строительство утепленных казарм с эффективной системой отопления и максимально приближенной к этим условиям одеждой.

Нехватка теплых помещений для огромной массы военнопленных, отправленных на сибирские территории, делало их выживание серьезным испытанием. Массовые обморожения, эпидемии и высокая смертность среди солдат и офицеров вражеских армий заставили в спешном порядке мобилизовать ресурсы на возведение временных жилых бараков, лазаретов и заготовку топлива.

Однако удаленность региона не позволила в минимальные сроки решить многочисленные проблемы и период с осени 1914 г. до весны 1915 г. можно характеризовать как время острого организационного кризиса и трагизма, который нашел отражение в мемуарной литературе, в документах международных миссий и в служебной переписке, поскольку нормативные акты, например, «Положение о военнопленных 7 октября 1914 г.», предписывавшее гуманное обращение, часто вступало в противоречие со сложившейся реальностью.

На новом этапе, наступившем весной 1915 г., в Сибири началось строительство специальных лагерей для военнопленных. Исследователь В.В. Корнеев, ссылаясь на документы Российского военно-исторического архива, констатировал, что все российские лагеря того времени для военнопленных ошибочно причислять к концентрационным. Они представляли собой отдельные городки с собственной инфраструктурой, включавшей в себя мастерские, хлебопекарни, кухни, прачечные и лазареты, что позволяло обеспечить автономное существование пленных, которые в том числе стремились поддерживать обычную жизнь, связанную с занятиями спортом, культурными и религиозными мероприятиями²¹⁴.

²¹⁴ Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917 гг.) // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997. С. 160.

Власти Западной Сибири главный упор в решении проблемы размещения военнопленных делали на строительство концентрационных лагерей. В регионе для этих целей городские власти отводили, как правило, на окраине, участки земли в размере 12–14 десятин (1 десятина $\approx$ 1,09 га). Лагеря строились по общему плану, утвержденному инженерным ведомством.

В целом по стране лагеря для военнопленных различались по качеству постройки. На первых порах, например, существовали полуземляные бараки, углубленные в грунт приблизительно на метровую глубину и имевшие деревянное покрытие. По размерам лагеря можно разделить на 3 группы: крупные (более 20 тыс.), средние (10–15 тыс.), малые (менее 10 тыс.)²¹⁵. В ряде мест военнопленные в дальнейшем трудились над укреплением построек, сами изготавливали кирпич, утепляли стены и т.д.

«В среднем строительство одного лагеря обходилось казне в 250–270 тыс. руб. Лагерь, как правило, состоял из 20–25 крупных жилых бараков, в которых размещалось от 10 до 15 тыс. пленных. На один барак приходилось обычно 500 пленных нижних чинов»²¹⁶. Несмотря на принцип раздельного размещения, лагерей только со славянским составом военнопленных или только с немецким в России создано не было²¹⁷.

К 1917 г. на территории Российской империи для военнопленных была создана обширная сеть стационарных лагерей. По данным исследователей, всего за годы Первой мировой войны на территории России для содержания военноплен-

²¹⁵ Ануфриев А.В., Козлов Д.В. Военнопленные Первой мировой войны и их место в культурном ландшафте городов Восточной Сибири // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики): материалы X Всероссийского научного симпозиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября 2020 г.) [Электронное издание]. Москва, Омск, 2020. С. 153.

²¹⁶ Федорова Т.В. Проблема социально-бытовых условий содержания австро-венгерских военнопленных на территории Восточной Сибири во время Первой мировой войны // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2014. № 4-2 (84). С. 234.

²¹⁷ См.: Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М., 1999. С. 16.

ных было образовано около 400 лагерей, которые имели привязку к военным округам²¹⁸. В Московском военном округе – 128, в Казанском – 113, в Туркестанском – 37, в Иркутском – 30, в Омском – 28, в Одесском – 18, в Петроградском – 15 и 5 в Приамурском и в других местах²¹⁹. При этом осуществленное распределение отличалось большой неравномерностью. «Для сравнения, к 1916 г. в Германии насчитывалось 239 лагерей для военнопленных, в Австро-Венгрии – 116 стационарных лагерей»²²⁰, что делало российскую сеть самой разветвленной среди всех воевавших государств держав.

На территории Туркестанского военного округа к концу 1915 г. ситуация поменялась в обратную сторону. В октябре 1915 г. сюда прибыло 88000 беженцев, которым были предоставлены для размещения все лучшие казарменные помещения, а вскоре к ним добавились еще 8 запасных батальонов, поэтому военнопленных пришлось переместить в «полуразрушенные навесы летних войсковых лагерей, наскоро приспособленные для жилья зимой»²²¹. «Эти старые лагеря, построенные для войск, и уже брошенные за ветхостью построек, занимают громадные площади, поросшие густой растительностью и совершенно лишены заборов и ограды; лишены они также хорошего освещения»²²².

Говоря в целом о надзорной системе в сфере содержания военнопленных в Российской империи в 1915–1916 гг. необходимо констатировать, что слово «лагерь», вызывающее ассоциации с нацистскими концлагерями, имеет применительно к Первой мировой войне совершенно иное смысловое значение и использование общего термина для разных исторических явлений стирает принципиальные различия и не дает объективной картины.

²¹⁸ Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М., 2014. С. 54.

²¹⁹ См.: Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М., 1999. С. 87.

²²⁰ Корнеев В.В. Концентрационные лагеря в России в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2015. № 9. С. 40.

²²¹ Докладная записка военному министру Д.С. Шуваеву от командующего Туркестанским военным округом // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1464. Л. 27.

²²² Там же. Л. 27 об.

Для подтверждения этого тезиса можно привести такой пример из практики времен Первой мировой войны. По воспоминаниям немецкого офицера, арестованного во время побега, за такую попытку наибольший срок ареста составлял 30 суток: «Наша камера была чистой и имела большое не зашторенное окно с видом на зелень. У нас было два стола, стулья и приличные койки. К нам был приставлен венгерский солдат в качестве офицерской прислуги. Нам разрешили питаться на офицерской кухне, а также выплатили зарплату. Только нам не разрешали выходить из комнаты или спускаться вниз на прогулку. Нам разрешалось гулять перед домом по часу в день, но это было не так уж много в великолепную летнюю погоду»²²³.

Вернувшийся из немецкого плена российский офицер отмечал в специальном опросном листе отсутствие в большинстве немецких лагерей легализованных прогулок в город и окрестности. В январе 1917 г. он записал: «Нам было известно, что в то время, когда немецкие, особенно австрийские офицеры пользовались свободной посещений даже магазинов и ресторанов, мы, пленные в Германии, выйти за пределы проволочной ограды лагерей не имели права»²²⁴. По донесению же помощника начальника Иркутского губернского жандармского управления в Нижнеудинском уезде: «Военнопленные в г. Нижнеудинске... содержатся при крайнем слабом надзоре, причем замечено, что военнопленные принимают некоторые меры к тому, чтобы достать паспортные книжки... Пленные свободно выходят за покупками в близ находящиеся лавки при обратном возвращении осмотру не подвергаются»²²⁵.

В отличие от Германии и Австро-Венгрии, где система лагерей для военнопленных была более централизованной, Россия столкнулась со сложно разрешимой проблемой, связанной с огромной территорией империи и острым дефицитом рабочих. Оба этих обстоятельства определяли развитость лагерных практик в разных

²²³ Цит по: *Голодяев К.А.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Ново-Николаевска // Сибирский архив. 2022. № 11. С. 20.

²²⁴ Опросный лист возвращенного из германского плена с партией инвалидов, командир 474 пехотного полка полковник Михаил Федорович Михайловский // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1464. Л. 303 об.

²²⁵ Цит. по: *Ануфриев А.В.* Австро-венгерские военнопленные в Иркутске в годы Первой мировой войны (по фондам ГАИО) // Иркутску 350 лет – история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Сибиряковские чтения» 12-13 октября 2011 г. Иркутск, 2011. С. 170.

местах. Как отмечал в своем докладе в Будапеште в марте 1916 г. известный немецкий искусствовед Юлиус Мейер-Грефе, побывавший в российском плену, «если в некоторых концентрационных лагерях и наблюдается бесчеловечное обращение с пленными, то это результаты отсутствия порядка в России; что ведет к произволу низших чиновников»²²⁶. Действительно, надзорная система опиралась на конкретных людей, и если они не обладали необходимым уровнем компетентности, а местные воинские начальники в удаленных районах страны чаще всего действовали по своему усмотрению, то все циркуляры, поступавшие из столицы, не способствовали улучшению ситуации. Доклад Ю. Мейера-Грефе по сути являлся обвинением местного российского надзорного аппарата в некомпетентности, представлявшей прямую угрозу надзору.

Вопрос о единообразии условий содержания пленных постоянно поднимался в официальных документах Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), которое являлось ведущим координирующим органом. Однако на местах военнопленные могли находиться в непосредственном ведении начальников местных войсковых частей, т.е. управление было рассредоточено. В российских лагерях, как и в других странах, определенную роль играло самоуправление пленных, которые делились на роты, полуроты и взводы. Командирами рот должны были становиться военнопленные офицеры, предпочтительно капитаны, в помощь которым следовало назначать по два унтер-офицера.

Наряду с общим разделением, по аналогии с воинскими правилами, существовали назначения специальных дежурных, отвечавших за порядок и чистоту своих помещений, за их санитарное состояние, за баню и прачечную, за распределение пищи среди военнопленных, за имущество кухни, за прием дров и керосина. Они обязаны были докладывать о происшествиях, о числе больных и т.д. То есть формировалась развернутая система самоуправления среди военнопленных.

Военнопленные врачи первоначально рассматривались просто как офицеры и получали содержание, соответствовавшее их офицерскому званию. Они также

²²⁶ АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 111. Л. 12.

отправлялись в лагеря Сибири и Туркестана, но официально не имели права лечить, хотя к их услугам в критических ситуациях вынуждены были все же прибегать. Лишь осенью 1915 г. военный министр выступил с предложением в Совете министров о применении Женевской Конвенции по отношению к пленным врачам, находившимся в России.

Постановлением Совета министров 6 ноября 1915 г. пленные медики были уравнены «по окладам содержания с русскими врачами, приняв за основание оклады мирного времени»²²⁷. Помимо этого, эти военнопленные получили средства на наем жилья и прислуги. Врачи приобрели высокий престиж также среди русских офицеров и гражданского населения, которое вскоре стало входить в круг их пациентов.

Таким образом, одной из ключевых особенностей российской лагерной системы времен Первой мировой войны была ее терминологическая неопределенность. Исследователь Н.В. Суржикова ставит вообще под сомнение универсальность применения термина «лагерь» для описания всех мест содержания военнопленных в России в 1914–1917 гг. Она отмечает, что «уместно будет говорить не столько о лагерях военнопленных, сколько о процессе "лагеризации" плена, демонстрирующем, какие пристанища пленных в России были лагерями в большей степени, а какие – в меньшей»²²⁸. Следовательно, в существовавшей на этот период в России лагерной системе наблюдалось разнообразие форм содержания и даже при самых неблагоприятных условиях для оценки этой системы требуется сопоставление различных ситуаций, определявших практики российского плена.

Например, из-за отсутствия подходящих площадей для размещения военнопленных на некоторых сибирских территориях пленных стали привлекать к работам у местных работодателей, где они могли зимовать в лучших условиях, а офицерский состав размещался на квартирах. В обоих случаях это приводило к большим различиям в их расквартировании. Таким образом, противоречивые сведения

²²⁷ Об окладах содержания военнопленных врачей неприятельских армий // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел 1. 4 декабря 1915 года. Ст. 2559.

²²⁸ Суржикова Н.В. Российский плен 1914–1917: проблема институциональной атрибуции // Идеи и идеалы. 2014. № 3(21). С. 8.

о положении военнопленных в Сибири и на других территориях России в годы Первой мировой войны не являются результатом чьих-то ошибок или намеренного искажения реальности. Это прямое отражение драматического процесса перехода от стихийного бедствия и гуманитарной катастрофы 1914–1915 гг. к относительно организованной, хотя и суровой, системе принудительного содержания и труда, сложившейся к 1916–1917 гг. Строительство лагерей на российской территории велось вплоть до конца 1916 г.

На основе сохранившихся документальных свидетельств можно сделать вывод о том, что в штабах с вниманием относились к жалобам военнопленных, особенно офицеров. Военнопленные жаловались по самым разным поводам: «на грубое обращение охраны, несвоевременную выдачу молока и сахара, непригодность бани и редкие разрешения посещать таковую, высокие цены в лавке и отсутствие развлечений»²²⁹. В целом можно говорить о контроле над лагерными комендантами, которые получали нарекания как за предоставление слишком больших свобод пленным, так и за беспорядки в лагерях, но из-за удаленности территорий, на которых размещались военнопленные возможности регулярных проверок были ограничены. Начальники гарнизонов несли непосредственную ответственность за побегі военнопленных. Однако избиения постовыми нижних чинов, которые к тому же не имели права на подачу жалоб, как правило, оставались без последствий. При этом в уже упомянутом официальном докладе в Будапеште в марте 1916 г. Юлиус Мейер-Грефе, побывавший в российском плену, отмечал, что в России «нет злобного и предвзято-враждебного отношения к пленным врагам» (эта часть доклада была подчеркнута в тексте чиновником российского Министерства иностранных дел. – *Г.Г. Воронин*)²³⁰.

По итогам инспекционной поездки по лагерям Л.А. Бобринского и А.П. Геровского, о которой шла речь в первой главе исследования, отмечалось: «Осмотренные

²²⁹ Ануфриев А.В. Австро-венгерские военнопленные в Иркутске в годы Первой мировой войны (по фондам ГАИО). С. 169.

²³⁰ АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 111. Л. 12.

нами лагеря весьма различны как по числу и составу содержащихся в них военнопленных, так и по настроению пленных и применяемому к ним режиму»²³¹. При этом этот режим в лагерях отличался большим разнообразием. «В каждом лагере свои порядки: то, что разрешается в одном лагере, строжайше воспрещается в другом. В том и в другом случае ссылаются на циркуляры»²³², – было отмечено в отчете.

Так, один из пензенских помещиков в начале 1917 г. написал письмо на имя военного министра, в котором жаловался на неиспользование для сельскохозяйственных работ военнопленных, находившихся в Пензе. Из Генерального штаба на поступивший запрос последовал ответ, что в городе было сосредоточено 232 человека, снятых с работ для последующего перераспределения, а в целом здесь в специальном лагере находилось 1578 человек, поступивших с фронта и из разных военных округов, «но все они принадлежат к категории нетрудоспособных... и их задержка в этом городе носит исключительно временный характер»²³³.

В Киеве из всего количества пленных «было отобрано около 100 человек разных национальностей, владевших языками, которым было объяснено, что они должны выступать в качестве переводчиков и помогать при составлении именных списков»²³⁴. Из этих пунктов после формирования из военнопленных крупных партий они направлялись в пределы внутренних военных округов. Там распоряжением окружного начальства их распределяли на места постоянного расквартирования. Важным элементом системы контроля являлась регистрация военнопленных, которая была возложена на Центральное справочное бюро о военнопленных при Российском обществе Красного Креста. Задача регистрации сводилась к составлению именной карточки о каждом военнопленном и изготовлению списков для сообщений во враждебные государства²³⁵.

²³¹ АВПРИ. Ф.160. Отдел о военнопленных. Оп. 617. Д. 86. Л. 47 об.

²³² Там же. Л. 48.

²³³ Генеральный штаб. Управление генерал-квартирмейстера – штаб Верховного главнокомандующего // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1464. Л. 331.

²³⁴ Центральное справочное бюро о военнопленных: регистрация военнопленных / [И.А. Овчинников]. Российское общество Красного Креста. Пг., 1915. С. 18.

²³⁵ Центральное справочное бюро о военнопленных: регистрация военнопленных. С. 16.

В отличие от периода Второй мировой войны, размещение российских лагерей для узников Первой мировой войны не обязательно преследовало цель привязки к экономическим районам страны. Находившиеся в непосредственных районах трудового использования, лагеря военнопленных являлись параллельными или даже альтернативными по отношению к структурам, созданным военным ведомством. Инициаторами их формирования выступала заинтересованная в трудовых ресурсах региональная экономическая верхушка, воспользовавшаяся возникшими возможностями эксплуатации дешевой рабочей силы.

Таким образом, значительное число трудовых лагерей военнопленных оказалось выведено из прямого подчинения государству, демонстрируя пеструю картину, с трудом поддающуюся оценке с точки зрения общих характеристик. Одни лагеря имели жесткое ограничение территории в виде заборов и колючей проволоки, в других пленные могли свободно выходить за пределы лагеря, в том числе, используя несовершенство мер охраны, подкуп, небрежность или великодушные постовых. «Во многих лагерях, однако, очевидно, определенные лица, чьи обязанности делали это необходимым, например, санитары при врачах, фельдшеры, офицерские денщики, переводчики, офицерские повара, а также врачи, могли свободно покидать лагерную территорию»²³⁶.

Исключение представляли также лагеря, возникшие при казенных предприятиях, но и здесь были различия, в основе которых лежало распределение по малым, средним и крупным производствам, чаще всего обладавшим совершенно разными условиями содержания и обеспечения. В итоге, характер деятельности, возможности того или иного завода или фабрики, места добычи ископаемых нарушали диктуемую сверху логику осуществления надзора за военнопленными.

В одной из венгерских газет 22 марта 1916 г. было напечатано письмо австрийского военнопленного из Красноярска. В нем был описан местный «Военный городок», который находился в нескольких километрах от города. По описанию,

²³⁶ *Wurzer Georg*. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Rußland im Ersten Weltkrieg. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie in der Geschichtswissenschaftlichen Fakultät der Eberhard-Karls-Universität zu Tübingen vorgelegt von aus Ehingen/Donau, 2000. S. 101.

лагерь охранялся караулом, но пленные жили «как бы своей республикой»²³⁷, связь с русскими властями осуществлялись через командира лагеря – полковника. «В лагере находилось несколько тысяч офицеров: венгерских, австрийских, немецких и турецких и очень много солдат»²³⁸. В российском Министерстве иностранных дел в заметке была подчеркнута фраза «в лагере соблюдается наша военная дисциплина и действует наши военные законы»²³⁹.

Из письма также следовало, что частными предпринимателями и офицерами были устроены мастерские сапожные, портная, парикмахерская, кинематографы, конторы для переводов газет, курсы языков, лавки, собственная почта. В мастерских работали солдаты. В письме также отмечалось, что квартиры были «приличные» с отоплением и теплые, даже при 50° мороза. Ежемесячно было разрешено отправлять одно письмо и три открытки, но только по адресу родных. Офицеры получали денежные посылки и письма²⁴⁰.

Главное управление Генерального штаба в циркуляре от 18 июня 1915 г. констатировало, что «жизненные условия, в которых находятся военнопленные, <...> не всегда одинаковы, военнопленным предоставлены полные жизненные удобства, совершенно не соответствующие содержанию русских пленных в воюющих с нами государствах, в других – удовлетворение потребностей работающих пленных ограничено пределами крайней в том необходимости»²⁴¹.

Участник Первой мировой войны и Гражданской войны в России А. Шипек в своей работе, опубликованной в 1928 г., отмечал: «Продержав весь 1915 г. военнопленных в лагерях, все враждующие страны поставили у себя вопрос о необходимости разгрузки лагерей военнопленных и использования таковых на сельскохозяйственных и промышленных работах, что дало бы возможность каждому военнопленному самостоятельно добывать себе пропитание»²⁴². Результатом явилось очередное

²³⁷ АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 111. Л. 13.

²³⁸ Там же. Л. 13 об.

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ Там же.

²⁴¹ Циркуляр ГУГШ от 18 июня 1915 г. // ГАРФ. 102. Оп. 71. Д. 1186. Л. 124 об.

²⁴² Шипек А. Военнопленные и их использование в мировой и гражданской войне // Война и революция Книга вторая. М., 1928. С. 65.

изменение лагерной системы, поставлявшей своих пленников на работы на транспорте, в промышленности, в добывающих отраслях и в сельском хозяйстве страны.

В концентрационных лагерях существовали специальные офицерские столовые, клубы, библиотеки, в которых в определенных случаях пленным разрешалось вывешивать на стены флаги Германии и Австро-Венгрии, исполнять гимны своих государств и даже размещать портреты кайзера Вильгельма. Все эти мероприятия были связаны с еще одним аспектом российской политики в отношении надзора за военнопленными во время Первой мировой войны, который условно можно определить, как «принцип взаимности».

В марте 1916 г. две российских газеты, «Новое время» и «Вечернее время», известных своей активной критикой якобы сохранявшегося в стране немецкого влияния, выступили с публикациями, направленными на ужесточение надзора за военнопленными. О статье в «Новом времени» было специально сообщено 18 апреля 1916 г. из штаба Верховного главнокомандующего в Управление генерал-квартирмейстерства Генерального штаба²⁴³.

«Вечернее время» 1 марта 1916 г. в статье «Пленные в Туркестане» отмечало недовольство русского населения якобы удобным положением военнопленных. В Ташкенте, по утверждению автора статьи, ходили слухи о том, что губернатор распивал чай с пленными. Немецкие и австрийские офицеры свободно «с хлыстиками в руках» разгуливали по улицам, сидели на скамейках на главной Соборной улице, громко разговаривали друг с другом на немецком языке. Газета негодовала по поводу того, что пленные, если уж получили право гулять по городу, то должны были делать это «по крайней мере в сопровождении конвоя, который был бы ответственным за поведение пленных на улицах»²⁴⁴.

Статья в газете «Новое время» была напечатана спустя три недели после публикации материала о военнопленных в «Вечернем времени». Она называлась «Уго-

²⁴³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1464. Л. 14.

²⁴⁴ Пленные в Туркестане // Вечернее время. 1916. № 1406. 1 марта.

ловная ответственность военнопленных» и обвиняла власти в игнорировании «такого крупного и существенного вопроса, как дисциплинарная и уголовная ответственность неприятельских солдат, находящихся в нашем плену»²⁴⁵.

Издание утверждало, что «при настоящем направлении военно-судебной практики по вопросу о наказуемости неприятельские пленные у нас поставлены в исключительно благоприятные условия, русские пленные ссылаются на каторгу за неповиновение, а немецкие попадают лишь под арест на время от 3 до 7 дней, поскольку другие наказания (вычет из времени службы, строгий выговор с внесением в послужной список и отрешение от должности) естественно, к военнопленным применяться не могут. Автор статьи в конце ее задавался вопросом: «Когда же, наконец, власти, от коих зависит установление справедливой системы наказаний неприятельских военнопленных, примут систему, построенную на принципе международной взаимности»²⁴⁶.

Ключевой момент публикации в газете заключался именно в ссылке на «принцип международной взаимности». Основным документом, регулировавшим обращение с пленными в ту эпоху, была Гагская конвенция 1907 г., которая устанавливала, что военнопленные «находятся во власти неприятельского правительства, а не отдельных лиц», и требовала гуманного обращения. Однако исполнение этих норм сталкивалось с многочисленными препятствиями, среди которых важное место занимало отношение к собственным военнослужащим во вражеском плену. Публикация в газете о разнице в наказаниях, не имела под собой серьезных оснований, но русские военнопленные, особенно нижние чины, находились в более худшем положении в Германии и Австро-Венгрии, по сравнению с пленными из других стран. Их использовали на самых тяжелых работах, а за малейшее неповиновение ожидало суровое наказание вплоть до расстрела или отправки на каторжные работы. Российское законодательство, ориентированное на собственных подданных, не имело инструментов для эффективного управления многотысячной массой

²⁴⁵ Уголовная ответственность военнопленных // Новое время. 1916. № 1406. 23 марта.

²⁴⁶ Там же.

пленных, что делало его несправедливым в глазах общества. Призыв автора к «взаимности» был попыткой найти хоть какой-то рычаг влияния на противника в условиях, когда правовые нормы перестали работать.

Смысл учета «взаимности» отчасти раскрывает телеграмма от заместителя министра иностранных дел от 13 января 1916 г. директору специальной Дипломатической канцелярии при Ставке верховного главнокомандующего. В ней сообщалось о поступившем от российского императора разрешении для германских пленных «отслужить молебствия и спеть свой национальный гимн в день рождения Вильгельма Второго»²⁴⁷. Основанием к этому послужило то обстоятельство, что русские пленные в Германии «были освобождены от работ шестого декабря, служили молебны, устраивали концерты, театральные представления»²⁴⁸. По старому юлианскому календарю 6 декабря являлся днем тезоименитства (именины) императора Николая II, который был назван при рождении в честь святого Николая Чудотворца и почитал этот день как свой день ангела.

В Германии русским военнопленным было позволено отметить этот праздник, но пение гимна разрешено не было. В телеграмме предлагалось сообщить об этом начальнику штаба Верховного главнокомандующего на случай «если он признает нужным дать дополнительные указания до завтрашнего утра», т.е. при отмечании дня рождения Вильгельма. Таким образом, такого рода поощрительные меры носили «зеркальный характер» и соблюдение Женевской конвенции и гуманитарных норм зависели от конкретных действий противника и могли привести к ужесточению условий содержания пленным.

Один из экономических и дипломатических аспектов Первой мировой войны заключался в принципе взаимности в проблеме денежного содержания военнопленных офицеров. Документ базировался на Гаагской конвенции 1907 г. «О законах и обычаях сухопутной войны». Согласно этим правилам, военнопленные

²⁴⁷ Телеграмма от заместителя министра иностранных дел директору специальной Дипломатической канцелярии при Ставке верховного главнокомандующего // АВПРИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 86. Л. 25.

²⁴⁸ Там же.

должны были содержаться за счет государства, которое их пленило, но по нормам, установленным для собственной армии. По окончании войны проигравшая сторона была обязана возместить расходы на содержание своих офицеров и солдат.

После размещения пленных в казармах, они ставились на чайное, приварочное и кормовое довольствие, которое для пленных нижних чинов приравнивалось к обеспечению продовольствием солдата русской императорской армии. Питались из общего котла по нормам провиантского и хозяйственного довольствия неработающих военнопленных и привлеченных к работам, установленным и утвержденным Военным советом 31 мая, 20 и 29 июля 1915 г. «Неработающим полагалось в день: 1/4 фунта мяса (102,5 г): свинины, баранины или рыбы, при условии выдачи пленным 2 раза в неделю обязательно постной пищи; крупы – 24 золотника (96 г); хлеба – 2 фунта (820 г); приварочного довольствия (на 2,5 коп.). Ранее полагавшиеся им по норме 15 коп. в месяц на хозяйственные нужды и чайное довольствие отменялись»²⁴⁹.

Офицеры получали жалованье, соответствовавшее своему чину. «Положением о военнопленных» от 7 октября 1914 г. было установлено, что военнопленным генералам и адмиралам, штаб и обер-офицерам, назначалось содержание, согласно таблицы окладов жалованья по чинам от 1 мая 1899 г., а именно: генералам и адмиралам – по 1500 руб., штаб офицерам – 900 руб., а обер-офицерам – 600 руб. в год²⁵⁰.

Кроме того, для офицеров положены были из казны денежные средства на расходы по найму жилья, правда, в половинном размере от существовавших в российской армии квартирных окладов. Однако российским Министерством иностранных дел были получены документальные свидетельства того, что офицеры из России, оказавшиеся в плену, в Австро-Венгрии получали жалованье почти равное российскому, а в Германии почти вдвое меньшее: от капитана и выше – по 1200 марок (около 564 руб.) в год и чинам ниже капитана – по 720 марок (около 338 руб.

²⁴⁹ Цит. по: *Блиняев С.Н., А.А. Данилов, М.Ю. Харитонов. Проблемы материально-бытового содержания военнопленных на территории Казанской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Чувашского университета. 2025. № 1. С. 28.*

²⁵⁰ Начальнику штаба Верховного главнокомандующего от Главного управления Генерального штаба // АВПРИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 83. Л. 54.

40 коп.) в год²⁵¹, что совершенно не соответствовало существовавшим в Германии окладам содержания офицеров своей армии.

В результате 7 июля 1915 г. Николай II повелел установить также и «военнопленным генеральским и офицерским чинам германской армии уменьшенные оклады содержания, по расчету в год: капитанам и другим высшим чинам – 564 руб. (1200 марок) и всем чинам ниже капитана – 338 руб. 40 коп. (720 марок), т. е. из тех окладов, кои положены в Германии для пленных генералов и офицеров нашей армии»²⁵².

Ответные репрессалии (принудительные меры политического или экономического характера, которые одно государство применяет в ответ на незаконные действия другого государства) регулярно осуществлялись обеими сторонами. Так, в ответ на побег четырех пленных офицеров российские власти в Астрахани ввели жесткие (заколотили окна, лишили прогулок и т.д.), что вызвало ответные меры по отношению к русским офицерам, находившимся в плену в Германии и Австро-Венгрии. Прибывший в Астрахань американский представитель* лично осмотрел лагеря, убедился, что условия нормализовались, и потребовал немедленно отменить ответные репрессалии со стороны противоборствующей стороны²⁵³.

К концу 1915 г. снабжение пленных комбатантов всеми видами довольствия приобрело черты четкой регламентации. «По нормам вещевого содержания военнопленным полагались: а) солдатская шинель без погонов; б) черная суконная шапка без кокарды; в) по 2 пары сапог и исподних брюк; г) суконные куртка-камзол и шаровары без выпушек; д) 2 рубахи; е) галстук, а в холодное время года – полушубок и суконные рукавицы <...> в случае крайней нужды в обуви, предлагалось снабжать их лаптями с теплыми портянками»²⁵⁴.

²⁵¹ АВПРИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 83. Л. 54 об.

²⁵² Там же. Л. 55.

* До своего вступления в войну в 1917 г. США официально представляли интересы Германии и Австро-Венгрии в России.

²⁵³ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 2911. Л. 1.

²⁵⁴ Цит. по: *Блиняев С.Н., А.А. Данилов, М.Ю. Харитонов. Проблемы материально-бытового содержания военнопленных на территории Казанской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Чувашского университета. 2025. № 1. С. 26.*

Таким образом, можно констатировать, что в России лагерная система как пространство изоляции военнопленных оказалась неспособна обеспечить необходимый уровень контроля. Около 400 лагерей, разбросанных на огромной территории империи, испытывали проблемы из-за постоянной нехватки кадров, ограниченного финансирования и отсутствия других материальных ресурсов. Охрана лагерей осуществлялась нестроевыми частями и солдатами, не годными к строевой службе, что создавало многочисленные возможности для ослабления дисциплины.

Воспоминания военнопленных и сведения из российских источников сходятся в том, что личная свобода в начале войны была меньше ограничена, по сравнению с последующим периодом. Это касалось прежде всего офицеров, размещенных в частных квартирах. Очевидно, из-за злоупотребления этой свободой, например, использование ее для попыток побега, пленные быстро были подчинены более строгим правилам, причем офицеры с этого времени охранялись строже, чем нижние чины. Одновременно внутри лагерей реальная власть нередко переходила к структурам самоуправления самих пленных, что также вело к злоупотреблениям.

Катастрофическое положение отдельных лагерей подтверждается конкретными примерами самого большого постоянного лагеря в европейской России – Тоцком лагере под Оренбургом, где в декабре 1915 г. разразилась эпидемия тифа, лагеря в Семибратове (Ярославская губерния), где в июне 1916 г. в здании бывшей мельницы, рассчитанном на 2000 здоровых человек, содержалось 2700 пленных, большинство из которых болели цингой. Проведенное исследование показывает серьезный кризис лагерной системы, не обеспечивавшей ни надлежащего контроля, ни элементарных условий содержания военнопленных.

2.2. Надзор за военнопленными на государственных предприятиях и на казенных общественных работах в России годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)

Начало Первой мировой войны поставило перед правительством Российской империи задачу использования труда сотен тысяч военнопленных, оказавшихся в распоряжении военного ведомства. Вопрос о правовом статусе этих людей и допустимых формах использования их труда встал практически сразу после начала боевых действий, но на заседании Совета министров, проходившем 1 августа 1914 г., предложение о привлечении пленных к работам было отвергнуто как карательная мера, «вообще не оправдываемая современными принципами ведения войны»²⁵⁵. Однако быстрый рост числа пленных, а также нехватка рабочих рук в экономике заставили пересмотреть это решение уже в первые недели войны.

Правовой основой для привлечения пленных к работам служило действовавшее на тот момент «Положение о военнопленных русско-японской войны» от 13 мая 1904 г., которое, будучи разработанным для совершенно иных условий, не отвечало реалиям масштабного европейского конфликта и потребностям мобилизованной экономики²⁵⁶. Уже 23 августа 1914 г. решением Совета министров в него были внесены принципиальные изменения, суть которых сводилась к тому, что «производимые военнопленными принудительные работы не подлежат оплате особым вознаграждением, сверх установленного казенного пайка»²⁵⁷.

Таким образом, правительство изначально рассматривало труд пленных как не требовавший оплаты ресурс, компенсацией за который служило лишь минимальное содержание, отпускаемое государством. Это создавало правовую основу для использования военнопленных на казенных предприятиях и стройках без каких-либо обязательств по выплате заработной платы, что делало их привлечение

²⁵⁵ Заседание Совета министров 1 августа 1914 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 10, ч. 60. Л. 1.

²⁵⁶ Положение о военнопленных русско-японской войны от 13 мая 1904 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1904. Отд. I. Ст. 1268. Л. 2.

²⁵⁷ Особый журнал Совета министров. 23 Августа 1914 года. О работах, подлежащих выполнению трудом военнопленных // РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 73. Л. 191–193 об.

экономически выгодным для государства, но фактически лишало пленных стимулов к труду и закладывало фундамент для будущих конфликтов.

Одновременно приходилось учитывать и международные обязательства. В приложении к Гаагской конвенции 1907 г. под названием «Положение о законах и обычаях сухопутной войны» в 6-й статье было сказано: «Государство может привлекать военнопленных к работам, сообразно с их чином и способностями, за исключением офицеров. Работы эти не должны быть слишком обременительными и не должны иметь никакого отношения к военным действиям»²⁵⁸. Это положение устанавливало ограничения, которые российские власти в условиях масштабной войны стремились обойти или максимально широко интерпретировать.

Запрет на использование пленных на работах, имевших отношение к военным действиям, был особенно неудобен, поскольку именно военная промышленность и строительство стратегических объектов испытывали острейшую нехватку рабочих рук. Привлечение военнопленных к казенным работам по ведомству Министерства путей сообщения, Министерства торговли и промышленности и других государственных структур формально не должно было быть связано с военными действиями, однако в реальности почти все крупные инфраструктурные проекты того времени имели стратегическое значение. Между тем, уже в первые недели войны российская промышленность, переведенная на военные рельсы, столкнулась с катастрофической нехваткой квалифицированной и чернорабочей силы, а еще больше усугубила положение эвакуация предприятий из прифронтовой полосы.

В этих условиях правительство все настойчивее обращалось к ресурсу, который до того использовался лишь фрагментарно, – к труду военнопленных, число которых к концу 1915 г. превысило полтора миллиона человек. Министр внутренних дел Н.А. Маклаков 1 сентября 1914 г. разослал циркуляр губернаторам о принудительном привлечении пленных к казенным общественным работам без платы за труд: «Благоволите выяснять сношением в подлежащих случаях с городскими управами, не представляется ли желательным использовать военнопленных для

²⁵⁸ Положение о законах и обычаях сухопутной войны (приложение к Гаагской конвенции 1907 г.). Ст. 6. Л. 4.

этой цели по местному земскому и городскому хозяйству, имея в виду в особенности дорожные, мостильные и вообще строительные предприятия»²⁵⁹.

Местные власти реагировали на эти указания по-разному. Вятский губернатор А.Г. Чернявский, например, еще в первых числах августа 1914 г. предложил Вятской городской управе использовать бесплатный труд военнопленных, и управа оперативно отреагировала на это предложение, уже 5 августа сообщив губернатору о своем решении использовать труд пленных на работах по планировке городских улиц²⁶⁰. В октябре 1914 г. в Вятке военнопленные проводили работы по исправлению полотна дороги по улице Владимирская, что заключалось в повышении уровня полотна, прокладывании канав, засыпании ям, ремонте деревянных труб для стока воды и покрытии дорожного полотна строительным щебнем. Зимой они заготавливали в лесу дрова для топки печей и чистили улицы от снега. С наступлением весны 1915 г. здесь ежедневно работали в среднем около 200 военнопленных²⁶¹.

Централизованное обсуждение вопроса о применении труда пленных состоялось на заседании Совета министров 23 августа 1914 г. В Особом журнале подробно перечислялись предложения отдельных ведомств. Статс-секретарь С.В. Рухлов, представлявший Министерство путей сообщения, заявил, что «по ведомству Министерства путей сообщения военнопленные могли бы быть привлечены к выполнению следующих работ: 1) уширение Ново-Мариинского канала Мариинского водного пути; 2) уширение 1-го и 2-го каналов системы герцога Александра Виртембергского; 3) разработка деривационных каналов для пиловозов (искусственный обводной канал для транспортировки древесины по воде. — *Г.Г. Воронин*) 2-го, 4-го и 5-го на реке Дону; и 4) разработка из карьеров на реках Дону и Северном Донце, в районе 1-го Донецкого округа области войска Донского, камня, нужного для устройства пиловозов и плотин на реке Дону и береговых укреплений на реках Дону и Северном Донце.

²⁵⁹ Циркуляр министра внутренних дел Маклакова губернаторам от 1 сентября 1914 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 10, ч. 60. Л. 5.

²⁶⁰ Сообщение Вятской городской управы губернатору от 5 августа 1914 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 10, ч. 60. Л. 3–8.

²⁶¹ Отчет о работах военнопленных в Вятке // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 10, ч. 60. Л. 22–32.

На все перечисленные работы по предварительному подсчету можно было бы поставить до 20000 человек»²⁶². Кроме того, С.В. Рухлов указал на устройство шоссе между Харьковом и Симферополем, где, по его утверждению, «может быть занято... неограниченное количество военнопленных»²⁶³. Эта формулировка свидетельствовала о том, что уже в августе 1914 г. власти рассматривали пленных как практически неограниченный ресурс рабочей силы, не задумываясь о пределах его использования.

Министерство торговли и промышленности в лице тайного советника С.И. Тимашева выступило с более осторожными предложениями. В журнале зафиксировано: «С своей стороны, тайный советник Тимашев заявил, что по вверенному ему ведомству намечено воспользоваться военнопленными для лесозаготовительных работ и углежжения на Урале. Возникали также предположения применять труд военнопленных на работах в каменноугольных копиях. Однако, по заявлению Тимашева, осуществление этого последнего предположения встречает некоторые затруднения. Так, запрошенные по этому поводу предприниматели соглашались принять на себя на работу лишь таких рабочих, которые обладают уже известным опытом и навыком и вообще ознакомлены с этой отраслью труда на родине»²⁶⁴. Эта оговорка резко сужала круг возможного применения пленных в промышленности.

Статс-секретарь А.В. Кривошеин, представлявший Министерство земледелия, в свою очередь заявил «о возможности поставить до 1000 человек на работы в северных губерниях по лесоустройству, по разработке лесосек и вообще по заготовке лесных материалов. Равным образом, для производства различных технических и дорожных сооружений, осуществляемых распоряжением Переселенческого управления, могло бы быть употреблено до 5000 человек пленных. Впрочем, признавая упомянутые выше работы на водных путях и по проведению шоссе Харьков–Симферополь более настоящими, А.В. Кривошеин изъявил согласие поставить работы по лес-

²⁶² Особый журнал Совета министров от 23 августа 1914 г. «О работах, подлежащих выполнению трудом военнопленных»// ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 10, ч. 60. Л. 6.

²⁶³ Там же. Л. 6 об.

²⁶⁴ Там же. Л. 7.

ному и переселенческому ведомствам на вторую очередь, в зависимости от возрастания общего количества военнопленных до такой степени, что потребность в рабочих руках для сооружений путейского ведомства будет уже удовлетворена»²⁶⁵.

Таким образом, на самом раннем этапе обсуждения проблемы сельскохозяйственные работы вообще не рассматривались как приоритетное направление. Основное внимание уделялось инфраструктурным проектам, прежде всего дорожному и водному строительству, которые воспринимались как наиболее важные для поддержания экономической стабильности империи в условиях войны.

Показательной была позиция Министерства внутренних дел, которое так и не смогло сформулировать конкретных предложений. В журнале зафиксировано: «Что же касается до работ, подведомственных Министерству внутренних дел, то в сем отношении, в заседании Совета министров 21 сего августа, уже было высказано о желательности использования труда военнопленных для устройства шоссейных дорог местного значения. На обращенный нынче по сему поводу председателем Совета к представителю Министерства внутренних дел вопрос, присутствовавший в заседании действительный статский советник Золотарев отозвался, что, не располагая по означенному предмету соответствующими указаниями, он затрудняется доложить Совету министров какие-либо предположения ведомства по данному делу»²⁶⁶. Эта неготовность одного из ключевых ведомств к решению практических вопросов ярко иллюстрировала ту ведомственную разобщенность, которая станет одной из главных проблем в последующие годы.

Обсудив изложенные предложения, Совет министров принял принципиальное решение о порядке распределения пленных: «Совет министров признал в общем заявленные по ведомствам путей сообщения, торгово-промышленному и сельскохозяйственному предположения о применении труда военнопленных к названным сим ведомствам работам вполне целесообразными и подлежащими скорейшему осуществлению. При этом Совет министров принял во внимание, что все сведения о наличном

²⁶⁵ Особый журнал Совета министров от 23 августа 1914 г. «О работах, подлежащих выполнению трудом военнопленных»// ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 10, ч. 60. Л. 7 об. – 8.

²⁶⁶ Там же. Л. 6 об.

количестве военнопленных сосредоточены в Военном министерстве. В соответствии с сим, Совет находил наиболее удобным возложить на названное Министерство также заведование распределением военнопленных на отдельные работы»²⁶⁷. Кроме того, Совет министров поручил Министерству внутренних дел «незамедлительно принять меры к широкому оповещению всех земских учреждений о предоставляемой им ныне возможности использовать даровой труд военнопленных для работ по земским сооружениям»²⁶⁸. В том же заседании подчеркивалось, что применение труда пленных было бы особенно желательно в деле дорожного строительства: «Возможность подвинуть ныне устройство земских дорог вполне отвечала бы давно назревшей потребности в улучшении наших гужевых путей, неудовлетворительное состояние коих приносит неисчислимый вред народному хозяйству»²⁶⁹.

Практическая реализация этих решений началась с утверждения 16 сентября 1914 г. «Правил о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных в том ведомств». В соответствии с ними «военнопленные нижние чины могут быть предоставлены в распоряжение земских учреждений и городских общественных управлений лишь для производства дорожно-строительных и иных земляных работ, не требующих специальных познаний и подготовки»²⁷⁰. Впоследствии земствам было разрешено выплачивать военнопленным деньги, в среднем по 50 копеек за трудодень.

В соответствии с «Памятной запиской», подготовленной на основе утвержденных Советом министров по журналам 16 сентября и 7 октября 1914 г. правилам о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ, на Главное управление землеустройства и земледелия, по вопросам содержания и расквартирования военнопленных, привлеченных к работам по этому ведомству, возлагались следующие расходы. По снабжению военнопленных одеждой, обувью и

²⁶⁷ Особый журнал Совета министров от 23 августа 1914 г. «О работах, подлежащих выполнению трудом военнопленных» // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 10, ч. 60. Л. 7.

²⁶⁸ Там же. Л. 7 об. – 8.

²⁶⁹ Там же. Л. 7 об.

²⁷⁰ Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ от 16 сентября 1914 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 10, ч. 60. Л. 12–15.

бельем (ст. 5); найму десятников и сторожей для надзора за военнопленными (ст. 8); квартирному довольствию (ст. 9) – размещению в бараках и землянках или, при возможности, в частных домах; продовольствию военнопленных «на одинаковом основании с пищевыми чинами русской армии» (ст. 10); организации медицинской помощи военнопленным (ст. 13). Военнопленных военное начальство должно было передавать уполномоченному от Главного управления землеустройства и земледелия и дальнейший надзор за ними возлагался на начальника работ, который должен был нанять достаточное количество вооруженных десятников и сторожей. На полицию надзор за военнопленными этими правилами не возлагались²⁷¹.

Однако осуществление этих правил столкнулось с серьезными организационными трудностями. Военное министерство, в руках которого сосредотачивались все сведения о наличном количестве пленных, не имело ни достаточного аппарата, ни опыта для координации столь масштабного процесса. Ведомства-заказчики, в свою очередь, не знали, куда и как обращаться, а местные власти оказывались в двусмысленном положении, не понимая, кто из них отвечает за надзор, охрану и содержание пленных. Отсутствие четких инструкций о том, кто отвечает за конвоирование, размещение и питание пленных на местах производства работ, с самого начала порождало межведомственные трения. Кроме того, идея о том, что труд военнопленных должен быть бесплатным (сверх казенного пайка), сразу же вызвала вопросы о целесообразности такого подхода с точки зрения производительности.

Пленные, лишённые какой-либо материальной заинтересованности, работали с минимальной отдачей, что требовало усиленного надзора и дисциплинарных мер. Расходы на охрану, конвоирование и содержание пленных ложились либо на казну, либо на предприятия, что сводило на нет часть экономии от отсутствия заработной платы. Таким образом, уже в 1914 г. обозначились те системные проблемы – правовая неопределенность, ведомственная разобщенность, отсутствие

²⁷¹ Памятная записка по вопросу об отпуске Главному Управлению Землеустройства и Земледелия средств на содержание и расквартирование военнопленных, привлеченных к работам названного ведомства // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. 1914. Д. 84 а. Л. 126–126 об.

стимулов к труду и нехватка кадров для надзора, – которые в полной мере проявятся в последующие годы и превратят использование военнопленных в постоянный источник конфликтов и управленческой неопределенности.

Уже к середине 1915 г. ведомственная разобщенность стала очевидной. Главное управление по делам местного хозяйства в письме от 1 июня 1915 г. подчеркивало, что оно не имеет ни контроля, ни надзора за военнопленными на сельскохозяйственных работах, ибо эти обязанности лежат на губернских начальствах и полиции, а вопросы надзора относятся к исключительному ведению Департамента полиции. Министр торговли и промышленности в письме от 3 июня 1915 г. жаловался на то, что горнопромышленные предприятия не могут получить пленных из-за того, что местные власти требуют предварительной уплаты сумм на содержание стражи, хотя в правилах такого требования нет. Он просил разъяснить властям, что подобные не предусмотренные правилами требования не должны предъявляться. А в письме от 23 июня 1915 г. тот же министр возражал против требования об учреждении предприятиями полицейских должностей, указывая, что отпуск пленных диктуется не выгодами промышленников, а государственной необходимостью добычи угля и руды²⁷². Эти разногласия делали систему управления использованием военнопленных громоздкой и неэффективной.

Не менее остро стоял вопрос о материальном положении самих пленных. Согласно справке, составленной представителями датского посольства в Петрограде, заработная плата военнопленных состояла из поденной платы, но после вычетов за пищу, одежду и охрану 90% пленных становились должниками заводских предпринимателей на сумму более 100 рублей, не получая на руки ни копейки. Авторы справки отмечали, что работодатели используют пленных как средство для «размыкания забастовок и понижения заработной платы», а большинство австро-венгерских пленных, состоявших из крестьян и рабочих, угнетает то, что «их принуж-

²⁷² Переписка Министерства торговли и промышленности с Главным управлением по делам местного хозяйства, июнь 1915 г. // РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 3074. Л. 18–20, 34–36, 41–42.

дают действовать против своих товарищей по сословию». Предлагалось урегулировать жалованье, чтобы пленные не делались должниками и получали поденную плату не менее 50 копеек²⁷³.

Реальность этих условий подтверждается и другими источниками. По воспоминаниям одного из немецких офицеров, пытавшегося бежать из плена, в Новониколаевске (Новосибирске) «большое количество заключенных работают на вокзале или у частных лиц в городе. Администрация платит 25 копеек в день и обеспечивает питание. Есть удержание 20%. <...> Лагерные и дорожные работы не оплачиваются. Мужчинам дают чай, но, говорят, не регулярно»²⁷⁴.

Расширение сфер применения труда военнопленных за пределы компактного их расселения неминуемо создавали новые проблемы надзора за ними. Костромской губернатор в письме от 27 июня 1915 г. в Главное управление по делам местного хозяйства прямо заявлял, что отрицательно относится к участию военнопленных в фабричном производстве по причинам политического характера, считая, что пленные могут вызвать недовольство рабочих и озлобит местное население, результатом чего могут явиться забастовки в крупных фабричных районах.

Кроме того «участие пленных на фабриках осложнены еще трудностями окарауливания их, так как циркулярным распоряжением Министерства внутренних дел по департаменту полиции от 5 июня требуется окарауливание пленных при их работах на промышленных предприятиях полицейскими данного предприятия, а не сторожами; в промышленных же предприятиях Костромской губернии не имеется почти совершенно полицейских чиновников, учреждение же новых должностей на счет предприятия <...> зависит от желания предприятия и требует известного времени»²⁷⁵. Эта позиция отражала общее настроение многих губернаторов, опасавшихся социальных взрывов и не имевших ресурсов для организации надежной охраны.

²⁷³ Справка датского посольства о положении военнопленных на заводах, 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 10, ч. 60. Л. 88–90.

²⁷⁴ *Аверин Д.Н.* Первая мировая война. Военнопленные в Тобольской губернии // Исторические исследования: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань, 2016. С. 2.

²⁷⁵ Письмо костромского губернатора в Главное управление по делам местного хозяйства от 27 июня 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 198–198 об.

Начальникам, управляющим, директорам железных дорог и заведующим подъездными путями 8 октября 1914 г. было разослано предписание Управления железных дорог, согласно которого они должны были сообщить сведения «Отноительно привлечения военнопленных к работам на вверенном вам дорогам»²⁷⁶, а 10 октября 1914 г. были приняты «Правила о допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами»²⁷⁷. Причем содержание и охрана военнопленных предполагалась за счет этих частных обществ. Практическое привлечение военнопленных к сооружению подобного рода объектов вызвало немало вопросов, причем речь шла не только об экономической сообразности, но и о сложностях обеспечения надзора над ними, о чем, например, сообщал 22 января 1915 г. В.А. Сухомлинову, И.Г. Щегловитову, А.В. Кривошеину председатель Совета министров И.Л. Горемыкин²⁷⁸.

Тем не менее, такие запросы поступали, а по мере продолжения военного конфликта их становилось больше. Так, в феврале 1915 г. в Управление железных дорог был направлен рапорт, в котором, ссылаясь на недостаток рабочих рук в связи с мобилизацией в армию запасных нижних чинов и ратников ополчения, начальник железной Сызранско-Вяземской дороги просил выделить для разного рода работ 1750 человек военнопленных нижних чинов: «...причем из означенного числа чернорабочих желательно иметь 150 чел. мастеровых (плотников, столяров, каменщиков, землекопов, кровельщиков), для текущего ремонта зданий и полотна пути в числе коих около 75-ти человек землекопов»²⁷⁹. Прибытие военнопленных требовалось ко 2 мая, дополнительно оговаривалось, чтобы они были исключительно славянского происхождения из числа служивших ранее на железной дороге. Прибывавшие партии военнопленных должны были приниматься начальниками участков, которые обязаны были озаботиться обустройством казарм или землянок, приобретением инвентаря, закупкой припасов в сумме не более 50 коп. в день на человека. Что касается

²⁷⁶ Штаб отдельного корпуса жандармов // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 4051. Л. 28.

²⁷⁷ Там же. Л. 42.

²⁷⁸ РГИА. Ф. 1275. Оп. 10. Д. 732. Л. 252 об.

²⁷⁹ Штаб отдельного корпуса жандармов // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 4051. Л. 28.

контингента стражников, их вооружения и подчинения – вопрос решался путем переговоров с военным министерством и жандармской полицией²⁸⁰.

В конечном итоге было решено для охраны военнопленных организовать вооруженную стражу из ремонтных рабочих из расчета, примерно, один охранник на 12-14 военнопленных, по возможности ратников ополчения, которая подчинялась администрации дороги. Стражников можно было назначать как из числа штатных, так и из надежных поденных работников, предпочтительно из пожилых, грамотных, бывших военнослужащих.

Стражники вооружались берданками с патронами картечи по 12 на ружье, также им выдавался свисток. Обращаться с оружием обучать их должен был жандармский унтер-офицер. Жалованье стражников составляло от 25 до 30 рублей в месяц. В циркуляре начальника службы пути подчеркивалось, что «обращение с военнопленными должно быть строгое. Нужно требовать полного послушания и усердной работы, не допуская никаких послаблений, не забывая, что пленные находятся на принудительной работе для заработка или своих личных выгод»²⁸¹.

Обязанности сторожей заключались в следующем: «утром в установленный час сторож должен был разбудить военнопленных и сделать переключку, затем отвезти на место работы и сдать в артель старосте, вечером сторож должен прийти на место работы, принять пленных от артельного старосты, отвезти их на ночлег в часть, когда пленные должны ложиться спать, сторож должен сделать им переключку и ночью караулить пленных. Отдыхать стража должна днем»²⁸².

Уже к лету 1915 г. Главное управление Генерального штаба озаботилось тем, что участились случаи отказа военнопленных от работы, «что ставит работодателя в весьма затруднительное положение, так как они не пользуются по отношению к находящимся в их распоряжении военнопленными никакой властью, не могут принять каких-либо репрессивных мер против отказавшихся от работы военнопленных и вынуждены, в силу этого, отправлять таковых пленных обратно в распоряжение

²⁸⁰ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 4051. Л. 29 об. –30.

²⁸¹ Там же. Л. 31.

²⁸² Там же.

военного ведомства»²⁸³. Рекомендации дальнейших действий в отношении этих лиц состояли в том, что их надлежало выделить в особые группы и содержать на строгом тюремном режиме, с применением к ним особых строгих правил содержания в дальнейшем, на все время пребывания их в плену.

Большое сомнение вызывала у жандармского управления возможность использования военнопленных на железной дороге «не смотря на их национальность», о чем сообщал начальник жандармского полицейского управления железных дорог 22 мая 1915 г. начальнику Северных железных дорог и губернаторам²⁸⁴. Однако «надлежащий надзор» и в этом случае не был организован. Во всяком случае уже в начале июня на имя министра внутренних дел поступила телеграмма из Пензы от исполнявшего обязанности губернатора Евреинова, в которой сообщалось, что «по линии Сызрано-Вяземской железной дороги, по коей ежедневно следуют непрерывно поезда со снарядами, артиллерией и войсками, работают военнопленные, гуляя свободно по полотну железной дороги...»²⁸⁵. По сведениям чиновника, эти военнопленные в основном славяне и итальянцы, имелись и немцы.

Такая же ситуация сложилась и на других железных дорогах, где использовались военнопленные. Так, начальник штаба Казанского военного округа телеграфировал 18 января 1916 г. начальнику штаба корпуса жандармов: «...из донесений особо командированного командующим войсками штаб-офицера видно, что пленные, состоящие в распоряжении одного из начальников участков службы пути Самаро-Златоусовской дороги, свободно ходят без всякого надзора в полосе отчуждения, что возбуждает опасения за целостность железнодорожных путей и мостов»²⁸⁶. Сам же начальник Самарского жандармского полицейского управления в рапорте в штаб Отдельного корпуса жандармов сообщал, что администрация дороги относится «к делу охраны военнопленных крайне поверхностно и халатно», а главной

²⁸³ О временном положении военнопленных в войну 1914 года и о привлечении оных к исполнению казенных и общественных работ // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 1186. Л. 15.

²⁸⁴ Штаб отдельного корпуса жандармов // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 4051. Л. 7.

²⁸⁵ Там же. Л. 10.

²⁸⁶ Там же. Л. 155.

причиной того является «нежелание производить лишние затраты на наем специальных вооруженных сторожей»²⁸⁷. Донося об этом, начальник сам просил о назначении офицеров во вверенное ему управление, поскольку с отъездом адъютанта к новому месту службы, в его распоряжении находилось «всего 5 офицеров вместо 10, положенных по штату»²⁸⁸.

Командующий корпусом жандармов, получив сведения о том, что на железных дорогах военнопленные бродят свободно и без всякого надзора, в целях обеспечения охраны от покушения на целостность сооружений и обеспечения непрерывности движения по железным дорогам, а также для предотвращения шпионажа, приказал «обратить особое внимание начальника управления на разработку мер охраны военнопленных»²⁸⁹. Однако начальникам жандармских полицейских управлений железных дорог 13 февраля 1916 г. был разослан секретный циркуляр, в котором указывалось, что «охранение внешнего порядка, благочиния и общественной безопасности в районе железных дорог лежит на обязанности железнодорожной полиции»²⁹⁰, а поэтому общее руководство возложено на начальников полицейских управлений железных дорог. В штабе Отдельного корпуса жандармов были убеждены в том, что нижние чины жандармских железнодорожных управлений были «переобременены ныне своими прямыми обязанностями в связи с обстоятельствами военного времени», поэтому непосредственного участия в самой охране военнопленных принять не могли, а «таковая должна в целом ложиться на нанимаемую стражу, организуемую и инструктируемую чинами названных управлений»²⁹¹.

Таким образом, использование труда военнопленных на критически важных железнодорожных объектах создало комплекс проблем. Система надзора, формально возложенная на администрацию дорог и железнодорожную полицию, оказалась неэффективной из-за хронического недофинансирования, нехватки кадров охраны и халатного отношения к инструкциям. Это приводило к бесконтрольному

²⁸⁷ Штаб отдельного корпуса жандармов // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 4051. Л. 158.

²⁸⁸ Там же. Л. 158 об.

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ Там же. Л. 162.

²⁹¹ Там же. Л. 162–162 об.

передвижению пленных, создавая угрозы шпионажа и диверсий. Дисциплинарный контроль был ослаблен, так как гражданские начальники работ не имели реальных рычагов воздействия на отказывавшихся работать. Организация надзора за военнопленными на железнодорожных работах в России в годы Первой мировой войны постоянно лавировала между хозяйственной необходимостью, ограниченными ресурсами и требованиями безопасности. Нормативная база, созданная в начале войны, не соответствовала реальным условиям длительного конфликта, что привело к децентрализации, слабости охраны и постоянному конфликту интересов между военным ведомством, Министерством путей сообщения и структурами безопасности.

Одним из самых масштабных в условиях войны проектов явилось начало строительства весной 1915 г. стратегической Мурманской железной дороги от Семеновской бухты на Мурманском берегу до Петрозаводска, общей протяженностью 1052 километра. Блокада Черного и Балтийского морей превращала северный маршрут в основную коммуникацию, связывавшую союзников с Россией для обеспечения бесперебойного подвоза военных грузов. В 1915 г. военнопленные доставлялись из Омского и Иркутского военных округов в Петроград и Архангельск специальными воинскими эшелонами, а 29 мая 1916 г. из Генерального штаба было сообщено о командировании для строительства Мурманской железной дороги к 12000 пленным еще 10000 военнопленных венгров и немцев из числа пленных, находившихся за Уралом, «что представляется более удобным, чем направление пленных непосредственно из Киева, так как для работ на названной дороге необходим подбор безусловно здорового и крепкого физического элемента пленных»²⁹².

С начала 1916 г. партии военнопленных стали также отправляться эшелонами напрямую из Дарницкого изоляционно-пропускного пункта под Киевом. «На конечных станциях железных дорог военные охранники передавали пленных участковым

²⁹² О распределении военнопленных на сельскохозяйственные и окопные работы // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 50. Л. 48.

отделениям жандармско-полицейского управления Николаевской железной дороги, которое несло службу по охране военнопленных Мурманской магистрали»²⁹³.

Работы велись в тяжелейших климатических условиях, в болотистой и скалистой местности, с использованием большого числа военнопленных (австрийцев, венгров, немцев) и местных рабочих. Основная часть работ пришлась на зиму 1915 г. при сильных морозах, снежных заносах в условиях полярной ночи. Известный немецкий историк Р. Нахтигаль в своей монографии, вышедшей в 2007 г. в Германии и опубликованной на русском языке в 2011 г., подробно показал роль военнопленных в строительстве, отразил трагическую сторону вопроса²⁹⁴. В России в этом же году вышла монография А.А. Голубева, также посвященная строительству Муромской железной дороги. Автор опирался главным образом на официальные документы, исходившие от управления строительства²⁹⁵. Очевидно, что в своих отчетах руководство строительством было склонно сглаживать остроту социальных проблем, но отмеченные факты малочисленности полиции, ее рассредоточения по огромной территории позволяет сделать вывод о крайне суровых условиях содержания пленных, поэтому строительство сопровождалось высокой смертностью, побегами и неповиновением.

Архангельский губернатор в своем обращении в 1915 г. в Департамент полиции сообщал: «Циркуляром от 31 минувшего июля за № 3028 губернскому начальству предоставлено право налагать, через посредство начальников местной полиции, дисциплинарные взыскания на военнопленных, находящихся на различных работах, в случаях неподчинения их установленным правилам, отказа от работ и т. п.»²⁹⁶. Однако он указывал на серьезную проблему: «уездные исправники находятся вдали от производителей постройки железной дороги и мест нахождения военнопленных, взыскание на последних не может быть наложено немедленно по совершении ими того или иного проступка, а наложение таких взысканий отстоит на значительный период времени, т.е.

²⁹³ Голубев А.А. Военнопленные австро-венгерского подданства на строительстве Мурманской железной дороги (1915 – 1917 гг.) // The scientific heritage. 2017. No 9 (9). С. 57–58.

²⁹⁴ Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога (1915–1919 годы): военная необходимость и экономические соображения. СПб., 2011.

²⁹⁵ Голубев А.А. Мурманская железная дорога. История строительства (1894–1917 гг.). СПб., 2011.

²⁹⁶ Циркуляр штаба корпуса жандармов от 8 августа 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 265.

может утратить свое значение и, что самое главное, не будет удерживать других военнопленных от совершения такого же рода проступков»²⁹⁷. Губернатор видел выход из ситуации в расширении полномочий железнодорожной жандармской полиции: «прошу Департамент полиции разрешить, если представляется возможным, право налагать на военнопленных дисциплинарные взыскания и на чинов железнодорожной жандармской полиции, постоянно находящихся на линии железной дороги, дабы они имели полную возможность подвергать виновных взысканию непосредственно за совершением того или иного проступка, что, конечно, должно оказать большее влияние на других военнопленных, удерживая их от совершения подобных проступков»²⁹⁸.

Из штаба корпуса жандармов начальникам жандармских полицейских управлений железных дорог 8 августа 1915 г. был направлен циркуляр, в соответствии с которым местному железнодорожному полицейскому начальству было предоставлено право налагать на военнопленных дисциплинарные взыскания, согласно тому порядку, который применялся в отношении подчиненных этому начальству нижних чинов, подобно тому, как таковое право наложения взысканий предоставлено в отношении военнопленных, находившихся на сельскохозяйственных и других работах местному губернскому начальству²⁹⁹.

Помимо железнодорожного строительства и в других местах, где использовался труд военнопленных, к концу 1915 г. ситуация становилась все более напряженной, о чем свидетельствуют многочисленные обращения в адрес управленческих структур. Так, 21 декабря 1915 г. из Главного гражданского управления сообщалось, что «из Шлиссельбургского и Новолadoжского уездов на работы по углублению канала Императора Александра II прислано 248 человек военнопленных нижних чинов австрийцев, славян, которые размещены до устройства бараков в городе Шлиссельбурге. <...> Надзор набирается из служащих Министерства путей

²⁹⁷ Обращение архангельского губернатора в Департамент полиции от 27 августа 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 249–250.

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ Циркуляр штаба корпуса жандармов от 8 августа 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 265.

сообщения нижних чинов, и в настоящее время набрано 150 человек; пленных же на означенные работы ожидается до 5000 человек»³⁰⁰.

В начале 1916 г. волна забастовок и отказов от работы среди военнопленных прокатилась по всей империи. На станции Пинюг Вятской губернии партия из 50 военнопленных, работавших на очистке путей, 16 декабря 1915 г. вышла на работу лишь в составе 17 человек, а 17–19 декабря отказывались все «под предлогом частью болезни, частью сильного холода, бывшего в те дни утром 27°, а днем 25° по Рео-мюру, несмотря на то, что все военнопленные за счет Управления дорог тепло одеты и размещены в палатках»³⁰¹. На следующий день через переводчика было объявлено, что за отказ от работы они подлежат ответственности «вплоть до расстрела», однако никто не пожелал выйти на работу. Лишь 20 декабря вся партия вышла на работу, за исключением одного человека, который упорно отказывался, ссылаясь на болезнь, но был признан фельдшером совершенно здоровым. Проведенным дознанием было установлено, что этот пленный «пользуется большим влиянием среди всех пленных»³⁰². В итоге за отказ от выхода на работу на станции Пинюг подвергнуты аресту на гауптвахте один военнопленный на 5 суток, двое других – по 15 суток каждый, а Игнатий Шуба «за агитацию среди пленных не выходить на работу по распоряжению командующего войсками Казанского военного округа заключен в вятскую губернскую тюрьму, где будет содержаться до окончания войны»³⁰³.

На заводе Гусь-Хрустальный во Владимирской губернии, где было сосредоточено до 400 пленных австрийцев, 6 февраля 1916 г. пятеро рабочих, «обыкновенно работающие в гуте с 8 час. вечера до 6 час. утра, отказались идти на работу, заявив, что им очень мало платят»³⁰⁴. Выяснилось, что контора ассигновала на каждого пленного по 80 коп. в сутки, но из этой суммы удерживалось: 41 коп. за харчи, 25 коп. в

³⁰⁰ Извещение Главного гражданского управления от 21 декабря 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 296.

³⁰¹ Рапорт начальника Вятского губернского жандармского управления о забастовке на станции Пинюг // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 307.

³⁰² Там же.

³⁰³ Сообщение начальника Вятского отделения Пермского жандармского полицейского управления от 16 февраля 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 333.

³⁰⁴ Рапорт начальника Владимирского губернского жандармского управления от 2 марта 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 336–336 об.

казну, 3 коп. на охрану, 3 коп. на одежду, а остальные 8 коп. выдавались на руки, и то не полностью, так как вычиталось за праздничные дни³⁰⁵. В дальнейшем появлялись новые требования со стороны пленных.

В Пермской губернии ситуация была не менее напряженной. Пермский губернатор еще 21 декабря 1915 г. доносил в Департамент полиции, что «на вновь строящейся железной дороге Казань-Екатеринбург брожение, выразившееся в отказе их от работы, требованиях увеличения заработной платы и обратной отправки в концентрационные лагеря, вызывание для прекращения их командирования в помощь чинам жандармского полицейского надзора отряда конных стражников»³⁰⁶.

Начальник Пермского губернского жандармского управления 10 марта 1916 г. доносил, что в Красноуфимском уезде «проживает до 4000 военнопленных, которые находятся на постройках линии железных дорог Казань-Екатеринбург и Западно-Уральской, а также на работах в других предприятиях. Наблюдение за военнопленным возложено на эвакуированного с театра военных действий прапорщика Кондратьева. В течение 1915 г. были неоднократные самовольные отлучки пленных с работ, были даже попытки побегов. Кроме того, иногда военнопленные из немцев и мадьяр группами, приблизительно от 10-15 человек, отказывались выходить на работу»³⁰⁷.

Департамент полиции, получая многочисленные сообщения с мест, осознавал масштаб проблемы и 18 июня 1916 г. обратился в Главное управление Генерального штаба с просьбой «оказать содействие к усилению надзора за пленными в случае недостаточности такового в месте производства ими всякого рода работ, в том числе и сельскохозяйственных, путем командирования по просьбе подлежащей губернской власти, ополченцев, применительно к ст. 8 правил о порядке предоставления пленных для исполнения казенных и общественных работ»³⁰⁸. Однако даже

³⁰⁵ Рапорт начальника Владимирского губернского жандармского управления от 2 марта 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 336–336 об.

³⁰⁶ Донесение пермского губернатора в Департамент полиции от 21 декабря 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 297–297 об.

³⁰⁷ Донесение начальника Пермского губернского жандармского управления от 10 марта 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 339–339 об.

³⁰⁸ Отношение Департамента полиции в ГУГШ от 18 июня 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 451.

эта мера не решала проблему, поскольку ополченцы не имели четкого правового статуса и специальной подготовки для несения караульной службы.

Между тем из-за увеличивавшегося дефицита рабочих рук к лету 1916 г. военнопленные стали предметом напряженной борьбы между сельским хозяйством, армией, промышленностью и частными лицами. За подписью начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М.В. Алексеева 25 мая 1916 г. была направлена телефонограмма в Генеральный штаб генералу М.А. Беляеву: «Государь император изволил выразить желание, чтобы все вновь взятые пленные скорее отправлялись в тыл и немедленно привлекались к работам войсковым, сельским или в шахтах»³⁰⁹. Однако распоряжение императора было исполнено только частично, поскольку военнопленные, помимо работ войсковых, сельских или в шахтах, занимались значительно большим числом направлений деятельности.

Так, командующий Северным фронтом 31 мая 1916 г. сообщил о крайней необходимости предоставления 5000 пленных славян для лесных и позиционных работ на этом фронте³¹⁰. Телеграммой из Никополя от 12 июля 1916 г. ходатайствовали о скорейшей высылке на завод, работавший для обороны, 400 военнопленных, иначе бездействовала бы вторая доменная печь³¹¹. Московский городской голова Челноков 21 августа 1916 г. телеграфировал: «В самом начале наступления Юго-Западного фронта сего года городское управление обратилось в ГУГШ с ходатайством об отпуске 500 военнопленных, знающих сапожное ремесло, из числа взятых в последних боях... До сего времени городское управление никакого ответа не получило, между тем для пленных заготовлено необходимое помещение... Пленные необходимы для работы на армию по починке поношенной обуви, поступающей в распоряжение городского управления с фронта»³¹². Министр торговли и промышленности в свою очередь напоминал генералу Алексееву, что «Вверенному мне

³⁰⁹ Телефонограмма генерала Алексеева генералу Беляеву от 25 мая 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 166.

³¹⁰ Сообщение командующего Северным фронтом от 31 мая 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 10, ч. 60. Л. 166 об.

³¹¹ Телеграмма из Никополя от 12 июля 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 10, ч. 60. Л. 167.

³¹² Телеграмма Московского городского головы Челнокова от 21 августа 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 10, ч. 60. Л. 220.

Министерству из числа вновь арестованных военнопленных, с высочайшего соизволения, предоставлено до 25000 человек, которые должны быть распределены... главнейше между каменноугольными, железорудными и металлургическими предприятиями, работающими всецело для нужд обороны»³¹³.

Штаб Верховного главнокомандующего 2 сентября 1916 г. получил ходатайство о предоставлении 1000 военнопленных для заготовки дров для артиллерийского завода при станции Сухона, указывая, что «нормальное безостановочное действие электрической станции и завода находится в прямой зависимости от наличия запаса топлива... Между тем свободных русских рабочих-рубщиков найти невозможно. Пленных рабочих, свободных от работ, – по сообщению Генерального Штаба – в настоящее время также не имеется»³¹⁴.

Министерство земледелия ходатайствовало о предоставлении 3000 военнопленных для разгрузки интендантских хлебных грузов на пристанях Волжско-Камского района в Перми, в Самаре, в Рыбинске, в Симбирске, в Ярославле, в Казани, в Нижнем Новгороде³¹⁵.

В 1916 г. поступали также наряды на 4000 пленных для постройки линии Луга-Валдай и Петроград-Новгород, на 2000 пленных для постройки линии Орша-Унеча, на 1000 пленных для построек в морской крепости императора Петра Великого, на 2000 пленных для работы по железнодорожным мосту в Киеве, 15000 пленных для железнодорожных, лесных, работ. Всего нарядов для работы войсковых, полевых, на шахтах и железнодорожных на 256000 пленных³¹⁶. Таким образом, различными ведомствами было заявлено требование на 341 тыс. военнопленных при имевшихся 169 тыс.³¹⁷ Только от Министерства земледелия поступило нарядов на 257 тыс. пленных³¹⁸.

³¹³ Письмо Министра торговли и промышленности генералу Алексееву, июль-август 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 10, ч. 60. Л. 233.

³¹⁴ Ходатайство Акционерного общества о 1000 пленных для заготовки дров от 2 сентября 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 10, ч. 60. Л. 237–237 об.

³¹⁵ О распределении военнопленных на сельскохозяйственные и окопные работы // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 50. Л. 112.

³¹⁶ Там же. Л. 120–121.

³¹⁷ Там же. Л. 125 об.

³¹⁸ Там же. Л. 166.

По сведениям штаба Верховного главнокомандующего, наряды фронта в отношении военнопленных составляли лишь 10% нарядов, даваемых Главным управлением Генерального штаба, «вряд ли в интересах армии... еще более умалять права фронтовых военных властей в этом отношении»³¹⁹. Использование военнопленных на фронтовых работах имело в частности целью освободить местное население от принудительных нарядов на рытье окопов и на другие работы в прифронтовой полосе.

Штаб 17 ноября 1916 г. телеграфировал в Бердичев о необходимости «поставить непременно условием тем учреждениям и лицам, коим пленные предоставляются Вашим распоряжением, чтобы указанные пленные были использованы только для тех работ, на которые они испрашивались, и чтобы они не представляли из себя отдельных беспризорных людей или групп, а непременно составляли бы известные рабочие партии, должным образом охраняемые»³²⁰. Возникший дефицит явился причиной использования личных связей и даже злоупотреблений. Так, в мае 1916 г. было обнаружено, что председатель Киевской уездной земской управы, член Государственной думы Демченко самовольно забрал с Демиевского снарядного завода и из земских мастерских 62 военнопленных и использовал их в своем имении «Бабки». Главный начальник Киевского военного округа потребовал немедленного возврата пленных на изоляционно-пропускной пункт в Дарницю³²¹ и привлечения виновного к уголовной ответственности.

Попытки навести порядок в распределении военнопленных привели к созданию в соответствии с «Положением» от 24 декабря 1916 г. при Военном министерстве Особой междуправительственной комиссии для централизованного распределения военнопленных. В циркуляре разъяснялось, что «согласно постановлению Особого совещания для объединения всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла, для распределения военнопленных на работы при Военном министерстве ныне

³¹⁹ Письмо вр. исп. дела Наштаверх Д.С. Шуваеву от 15 ноября 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 10, ч. 60. Л. 266–267.

³²⁰ Телеграмма Гурко в Бердичев от 17 ноября 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 10, ч. 60. Л. 268.

³²¹ Докладная записка о незаконном использовании военнопленных // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 10, ч. 60. Л. 233.

учреждена Особая междуведомственная комиссия, коя производит упомянутое распределение всех военнопленных по ведомствам согласно заявленным таковыми на военнопленных потребностям, в соответствии с важностью работ»³²². Однако даже создание такой комиссии не прекратило поток частных ходатайств.

Система использования военнопленных в российской промышленности, несмотря на все попытки центрального регулирования, оставалась глубоко противоречивой. С одной стороны, правительство осознавало острейшую необходимость в рабочих руках и упрощало процедуры, снимая ограничения по численности и процентным квотам, изменяя порядок оплаты. С другой стороны, на местах губернаторы, опасаясь социальных взрывов, саботажа и шпионажа, вводили собственные жесткие правила, требовали усиленной охраны и даже препятствовали допуску пленных на предприятия.

Промышленники, в свою очередь, стремились минимизировать расходы на охрану и максимально эксплуатировать пленных, что вело к забастовкам и побегам. Полиция и жандармерия были перегружены и не могли обеспечить надежный надзор, а наемные сторожа, не имея четкого правового статуса и достаточной подготовки, часто оказывались беспомощными перед организованным сопротивлением. Ведомственная разобщенность между Военным министерством, Министерством внутренних дел, Министерством торговли и промышленности, земствами и местными властями приводила к тому, что никто не нес окончательной ответственности за судьбу тысяч пленных, работавших на оборону государства. Эта неэффективность управленческой системы, проявлявшаяся на всех уровнях, наглядно демонстрировала, что поспешное нормативное регулирование, не подкрепленное ни кадровыми ресурсами, ни четким разграничением полномочий, неизбежно порождало хаос на местах, что в конечном счете не могло не сказаться на общем ходе военных усилий России.

³²² Разъяснение о создании Особой междуведомственной комиссии, октябрь-ноябрь 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 10, ч. 60. Л. 243.

2.3. Военно-промышленный кризис и проблемы надзора при использовании военнопленных на частных промышленных предприятиях России в 1915–1916 гг.

К середине 1915 г. российская промышленность, переведенная на военные рельсы, столкнулась с острейшим дефицитом квалифицированной и чернорабочей силы. Мобилизация миллионов мужчин в действующую армию создала на предприятиях катастрофическую нехватку рабочих рук, а эвакуация заводов из прифронтовой полосы еще больше усугубила положение. В этих условиях правительство все настойчивее обращалось к ресурсу, который до того использовался лишь фрагментарно, – к труду военнопленных. Однако стихийное и бесконтрольное привлечение пленных к работам на частных заводах грозило возникновением проблем не только производственного, но и политического характера, поскольку могло вызвать недовольство рабочих и создавало риск диверсий. Именно эти обстоятельства вынудили Совет министров 17 марта 1915 г. утвердить «Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях»³²³, призванные упорядочить процесс и установить четкие рамки надзора. Правила представляли собой новый этап, открывавший доступ к этому ресурсу для частного капитала, но под строгим контролем государства.

Предшествовало обсуждению в Совете министров этого положения образованное при Главном управлении Генерального штаба междуведомственное совещание под председательством исполнявшего обязанности начальника штаба, генерала от инфантерии М.А. Беляева. Оно состоялось в его служебном кабинете 23 февраля 1915 г.

В пункте первом «Правил об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях» было сказано о том, что «независимо от предоставления военнопленных для работ казенных и общественных, <...> работ на железных дорогах, частных обществ и работ сельскохозяйственных, в распоряжение

³²³ Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях // ГАРФ. Ф. 102. 1915 г. Оп. 73. Д. 10, ч. 10 (2). Л. 8–9 об.

земств, на основании основных правил, утвержденных Советом министров 16 сентября 1914 г., 10 октября того же года и 17 и 28 февраля 1915 г., допускается отпуск вывезенных с театра войны военнопленных для работ в частных предприятиях горной, горно-заводской и фабрично-заводской промышленности и других крупных промышленных предприятий, имеющих государственное или общественное значение, с соблюдением нижеследующих правил»³²⁴.

Разработанные по согласованию Военного министерства, Министерства внутренних дел и Министерства торговли и промышленности, Правила впервые детально регламентировали использование пленных в горной, горнозаводской и фабрично-заводской промышленности, имеющей «государственное или общественное значение». Ключевые положения документа сводились к следующим: отпуск пленных производился партиями не менее 25 человек на каждое предприятие; общая численность пленных не должна была превышать 15% общего числа рабочих на данном предприятии (с возможностью увеличения этой квоты по особому разрешению Совета министров)³²⁵

Предприятия, желавшие получить в свое распоряжение для работ военнопленных, должны были подавать о том заявление фабричным инспекторам, окружным инженерам или соответствующим им должностным лицам. Затем это заявление должно было поступить на усмотрение местному губернатору, который направлял его затем со своим заключением в Главное управление Генерального штаба³²⁶.

К заявлению, согласно пункту 5, прилагалось письменное согласие «предпринимателя на подчинение указанным в настоящих правилах условиям, на которых данное предприятие могло бы пользоваться трудом военнопленных»³²⁷.

³²⁴ О междуведомственном совещании для обсуждения вопроса о возможности и порядке применения труда военнопленных для работ на различного рода частных предприятиях // ГАРФ. Ф. 102. 1915 г. Оп. 73. Д. 10, ч. 10 (2). Л. 8.

³²⁵ Там же.

³²⁶ Там же.

³²⁷ Там же. Л. 8 об.

Одним из ключевых был пункт 8, касавшийся проблем надзора за военнопленными: «Доставка военнопленных и их конвоя к месту работ и расходы по обратной доставке военнопленных для сдачи военного имущества, а равно содержание военнопленных, как-то: помещение, продовольствие, отопление, снабжение их одеждой, обувью, бельем и потребными рабочими инструментами, а также содержание охраны, – относятся на счет предприятий. Довольствие военнопленных должно производиться по возможности наравне с довольствием нижних чинов. Помещение для пленных, соответственно окарауливаемое, обязательно должно быть предоставлено отдельно от других рабочих»³²⁸.

Содержание военнопленных должно было осуществляться по местным расценкам и не менее 1/3 низшей оплаты, установленной для соответствующих работ. Деньги должны были зачисляться в особый фонд, на личные счета каждого военнопленного. «Из остающейся затем части заработной платы пленных покрываются все расходы предприятия, возлагаемые на него настоящими правилами. Из этой же последней части заработной платы предприятию предоставляется выдавать военнопленным, обнаружившим усердие в работе, на улучшение довольствия денежный отпуск, – не свыше, однако, 20 коп. за каждый рабочий день на человека»³²⁹.

Особое место в системе правил занимала статья 13, касавшаяся проблем надзора: «Общее руководство охраною работающих в частных предприятиях военнопленных принадлежит губернскому начальству; таковая охрана осуществляется местною полицией, в помощь коей, распоряжением губернского начальства, нанимаются в мере действительной потребности, особые сторожа, за счет средств данного предприятия. Таковые расходы покрываются из удерживаемых предприятием 2/3% заработной платы пленных»³³⁰. Министерство внутренних дел уже 21 июня 1915 г., по соглашению с военными Министерством, предоставило губернаторам

³²⁸ Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях. Л. 8 об.

³²⁹ Там же. Л. 8 об. – 9.

³³⁰ Там же. Л. 9.

право делать по их усмотрению отступление от установленных правил в тех случаях, когда это требуется местными условиями, и где Правила являются в чем-либо стеснительными, как например в отношении размещения пленных или их окарауливания³³¹.

Эта краткая формулировка, однако, оставляла без ответа три принципиальных вопроса: каков статус наемных сторожей – являются ли они должностными лицами или вольными наемниками, имеют ли они право носить и применять огнестрельное оружие и каковы их отношения с полицией (могут ли они задерживать пленных, составлять протоколы и т.п.).

Циркуляр губернаторам за подписью военного министра В.А. Сухомлинова с предписанием изучить новые правила и дать по ним указания на местах был разослан 9 апреля 1915 г.³³² Однако в тексте документа не содержалось ответов на ряд практических вопросов, и Департамент полиции вынужден был обратиться за разъяснениями в Главное управление Генерального штаба. В ответе от 12 мая 1915 г. Главное управление указало, что «надлежит руководствоваться тем же порядком, который принят в настоящее время в практике подлежащими ведомствами при применении труда военнопленных к казенным и общественным работам, сообразуясь с указаниями по сему предмету основных Правил 16 сентября 1914 года»³³³. Эта отсылка к более раннему акту, касавшемуся преимущественно казенных и общественных работ, была явно недостаточной, поскольку в частной промышленности условия, в том числе и финансовые, были иными, а ответственность за охрану лежала на самих владельцах производства. Так, например, оставалось неясным, кто должен нести расходы на вооружение сторожей, как часто должна проводиться проверка их работы и каковы пределы их полномочий при попытках побега или бунта.

³³¹ Цирюляры, записки и переписка об отпуске военнопленных в частные промышленные предприятия, страхование военнопленных и по другим вопросам использования военнопленных на разных предприятиях // РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 409. Л. 17 об.

³³² Сопроводительное письмо Военного министра от 19 апреля 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 1186. Л. 64–64 об.

³³³ Ответ ГУГШ от 12 мая 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 1186. Л. 77.

В мае 1915 г. Департамент полиции вновь обратился в Главное управление Генерального штаба, отмечая необходимость при ознакомлении губернаторов с правилами разъяснить статью 13, в которой не были предусмотрены права и обязанности сторожей, нанимаемых в помощь полиции³³⁴. В результате от имени министра внутренних дел 5 июня 1915 г. был разослан циркуляр губернаторам, в котором содержалось следующее разъяснение: «Принимая во внимание, что упомянутые сторожа не могут нести самостоятельно полноценной полицейской службы, так как им не присвоено каких-либо прав и обязанностей, коими по закону пользуются нижние полицейские чины, и, в частности, им не предоставлено право ношения оружия, — я, во избежание могущих возникнуть на местах недоразумений и осложнений при пользовании службой таких сторожей, признаю возможным разрешить предоставление этих сторожей только в том случае, если они будут наняты по указанию полиции»³³⁵.

В промышленных предприятиях, в которых полицейской охраны не существовало, или она была недостаточной, допуск военнопленных на работы мог быть разрешен лишь при условии учреждения за счет предприятий соответствующих полицейских должностей³³⁶. Это требование вызвало резкое недовольство промышленников, особенно на Урале, где рудники в своем большинстве были мелкими и их владельцы не могли позволить себе содержать целые штаты полицейских.

Однако не только в этом регионе страны, но и в самом ее центре реальные условия вступали в противоречие с предписанными нормами. Переписка в июне-августе 1915 г. Департамента полиции и министра внутренних дел с московским губернатором Н.Л. Муравьевым, Московским жандармским управлением и командующим Московским военным округом послужила основанием для специального

³³⁴ О привлечении военнопленных к исполнению казенных и общественных работ // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 65.

³³⁵ Циркуляр Министра внутренних дел губернаторам и градоначальникам от 5 июня 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 86–86 об.

³³⁶ Там же. Л. 86 об.

дела, сохранившегося в фонде полиции. Документы отражают ряд взаимосвязанных эпизодов, каждый из которых обнажает ту или иную грань надзорной проблемы.

По сообщению Московского жандармского управления, в апреле 1915 г. Коломенская уездная земская управа ходатайствовала о присылке военнопленных для сельских работ. Не получив ответа, управа к середине мая отказалась от своего ходатайства, но 2 июня в Коломну неожиданно прибыла партия из 100 человек. Поставленная перед фактом, управа, «не зная как быть с прибывшими», попыталась сбыть их, распорядившись отправить большую часть на цементный завод в селе Колыбереве, а остальных – на фабрику Щербакова в село Озеры³³⁷. Однако в этот план вмешался уездный исправник, категорически запретив эту отправку, и пленные были размещены в пустующих казармах в самой Коломне «почти без всякой охраны, если не считать двух-трех городских, окарауливающих трое ворот, из которых одни поломаны»³³⁸.

Из последующей переписки следовало, что на цементном заводе в Колыбереве уже работала партия пленных из 100 человек, разрешение на которую было получено от Военного министерства³³⁹. Однако Департамент полиции высказывал опасения по поводу того факта, что завод находился в полуверсте от полотна Московско-Казанской железной дороги и располагал большим запасом динамита, которым пленные «могут воспользоваться с преступными целями, тем более, что сношения их со служащими на заводе и, следовательно, знакомыми с заводскими порядками лицами, могут быть ими легко использованы»³⁴⁰. Губернатор, однако, в своем письме от 26 июля 1915 г. заверил Департамент полиции, что 100 работав-

³³⁷ По вопросу о допущении военнопленных к работам на Коломенском машиностроительном заводе // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 259. Л. 1.

³³⁸ Там же. Л. 2 об.

³³⁹ Там же. Л. 4.

³⁴⁰ Там же. Л. 3.

ших на цементном заводе военнопленных «все без исключения славяне и не внушают никаких подозрений», к тому же они содержатся «в строго казарменном режиме и охраняются вооруженной стражей в количестве 10 человек»³⁴¹.

В то же время совершенно иная позиция была занята московским губернатором в отношении Коломенского завода: «Что касается допущения военнопленных на работы на Коломенском машиностроительном заводе, то к этому я отношусь совершенно отрицательно и уже отклонил ходатайство администрации завода об отпуске для работы на завод 250 военнопленных³⁴². До этого директор завода заявил о намерении довести число пленных до 1000 человек, заменив ими сначала чернорабочих (обрубщиков сталелитейной мастерской), а затем, при условии наличия среди них специалистов, поставив их к станкам. Размещение планировалось в школьных зданиях, а затем в специальных бараках у станции Голутвино³⁴³.

Губернатор считал допуск пленных на этот завод невозможным по трем причинам: завод выполнял крупные оборонные заказы для Военного и Морского ведомств; в апреле 1915 г. там произошла серьезная забастовка, и среди рабочих сохранялось «несколько повышенное настроение, носящее явно враждебный характер по отношению к подданным воюющих с нами государств»; имелись также сведения, что в случае привлечения пленных рабочие могут вновь прекратить работы³⁴⁴.

Причиной этого запрета, а также в целом возникшей переписки, послужившей для формирования этого дела в Департаменте полиции, вероятно, послужило несогласие Министерства внутренних дел с решением военного ведомства относительно участия губернаторов в вопросах распределения военнопленных по промышленным предприятиям.

³⁴¹ О привлечении военнопленных к исполнению казенных и общественных работ // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. 1914. Д. 84 а. Л. 202.

³⁴² Там же. Л. 202 об.

³⁴³ По вопросу о допущении военнопленных к работам на Коломенском машиностроительном заводе // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 259. Л. 3.

³⁴⁴ Там же. Л. 16–17.

Московский губернатор Н.Л. Муравьев прямо заявил об этом в своем письме в Департамент полиции: «Принимая во внимание телеграмму Главного управления Генерального штаба от 23 июня номер 19549, коей устанавливается новый порядок отпуска военнопленных для работ в частных промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, а именно лица, желающие воспользоваться трудом военнопленных, обращаются со своим ходатайством непосредственно в штаб округа, минуя губернатора, я счел своим долгом поставить в известность главного начальника Московского военного округа о нежелательности допущения военнопленных на Коломенский машиностроительный завод»³⁴⁵. В июльском письме к министру внутренних дел московский губернатор заявлял, что допуск на работу военнопленных по новым правилам, помимо контроля губернатора, мог бы создать осложнения вплоть до забастовок включительно³⁴⁶.

Помимо Департамента полиции и штаба военного округа московский губернатор довел свою позицию шифрованной телеграммой до министра внутренних дел: «Не получив по этому поводу (решения Главного управления Генерального штаба со ссылкой на Совет министров. – *Г.Г. Воронин*) соответствующих распоряжений Министерства и, признавая, что указанный порядок коренным образом изменит действовавшие до сего времени правила и может внести серьезное осложнение, прошу указаний Вашего сиятельства до получения которых затрудняюсь руководствоваться сообщением»³⁴⁷. По распоряжению директора Департамента полиции копия губернаторской телеграммы от 5 августа 1915 г. была направлена министрам военному, торговли и промышленности и финансов³⁴⁸.

Таким образом, ситуация вокруг Коломенского завода вышла на уровень центральной власти. В своем сообщении министру внутренних дел московский губернатор заявлял о «непозволительной медленности» завода в выполнении оборонных

³⁴⁵ О привлечении военнопленных к исполнению казенных и общественных работ // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. 1914. Д. 84 а. Л. 202 об.

³⁴⁶ Там же. Л. 200 об.

³⁴⁷ Там же. Л. 203.

³⁴⁸ По вопросу о допущении военнопленных к работам на Коломенском машиностроительном заводе // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 259. Л. 8.

заказов. При этом им были высказаны подозрения в «злоумышленной затяжке», а также заявлено о том, что «дело финансируется Международным банком, большинство акций которого в руках Лессинга», а поведение директора Мещерского «не внушает доверия»³⁴⁹. Губернатор тем самым демонстрировал, что согласование с ним вопросов о раздаче пленных является вовсе не простой формальностью, указывающей на лишнюю инстанцию в деле этого распределения. Он был в курсе не только происходивших событий, но и предвидел их далеко идущие последствия. В подтверждение своих оценок Н.Л. Муравьев настаивал на командировании специалистов для ревизии завода с дополнительным включением в состав специальной комиссии представителей местных учреждений – предводителя дворянства, председателя уездной управы, городского голову и представителя военно-промышленного комитета – «для успокоения местного населения»³⁵⁰.

Таким образом, весь этот эпизод демонстрирует, что надзор за военнопленными оказался тесно переплетен с более широким комплексом проблем: недоверием к частному управлению, конфликтами между рабочими и администрацией, подозрениями в саботаже и даже шпионаже, а что еще не маловажно – в разобщенности ведомств, отвечавших за надзор: вместо наемных сторожей, охрану осуществляли городовые, взамен отдельного помещения были предоставлены фактически не охраняемые полуразрушенные казармы. Более того, губернатор отклонил ходатайство о предоставлении пленных на завод, несмотря на то, что телеграмма Генерального штаба отменяла обязательное согласование с губернатором, позволяя предприятиям обращаться напрямую в штаб округа³⁵¹. Таким образом, Н.Л. Муравьев сознательно пошел на превышение формальных полномочий, руководствуясь своими собственными соображениями социальной стабильности и безопасности. В результате ситуация с Коломенским заводом, начавшись 2 июня, сохранялась в неразрешенном виде как минимум до конца августа 1915 г.

³⁴⁹ По вопросу о допущении военнопленных к работам на Коломенском машиностроительном заводе // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 259. Л. 23–24.

³⁵⁰ Там же. Л. 10.

³⁵¹ Там же. Л. 18.

Обобщая коломенские события, можно выделить несколько моментов, характерных для системы управления этими вопросами в то время, делавшими надзор за военнопленными в промышленности уязвимым. Земская управа, полиция, военное ведомство и губернатор действовали без общей координации, демонстрируя разобщенность. Пленные прибывали на место своего нового расположения без предупреждения, а управы пытались отказаться от своих собственных ходатайств. Однако, несмотря на это, партии пленных все равно присылались, а значит – отсутствовали опасения относительно возможных последствий таких действий. Даже после введения правил 17 марта 1915 г. процедура оставалась громоздкой и допускала параллельные возможности решения проблемы (например, прямое обращение в штаб округа, как это произошло с цементным заводом).

Коломенский эпизод стал классическим примером этого системного кризиса: пленные прибывали без предупреждения, размещались в полуразрушенных казармах, охранялись двумя-тремя городскими, а затем, в зависимости от национальности и настроений местных рабочих, либо допускались к работе, либо изолировались. Губернаторы, имея формальные полномочия, часто действовали вопреки центральным циркулярам, руководствуясь собственной интуицией и политическими соображениями. Тамбовский губернатор открыто признавал, что аресты мало помогают, и рекомендовал розги как «наиболее рациональное» средство.

Решения проблем с предоставлением военнопленных на частные предприятия сопровождалось также недостатком полицейских кадров, о чем свидетельствует факт охраны 100 пленных тремя городскими. Наемные сторожа, предусмотренные статьей 13, на практике либо не нанимались, либо не выполняли в полном объеме поставленные перед ними задачи, потому что эти задачи не вытекали из точного определения их функций. Губернатор в своем ответе о цементном заводе сообщал о 10 вооруженных стражниках, но это было исключением, а не правилом. Неопределенность правового статуса охраны приводил к тому, что практически на каждом предприятии, поставленные в деле надзора задачи решались по-своему.

Московский губернатор также выражал озабоченность новым порядком отпуска военнопленных, поскольку теперь предприятия могли обращаться напрямую

в штаб округа. По его мнению, в условиях возможных антиправительственных беспорядков в Московской губернии такой контроль был бы особенно необходим³⁵². Костромской губернатор в письме от 27 июня 1915 г. занял еще более жесткую позицию: он воздержался от оповещения промышленных предприятий о новых правилах, признавая участие военнопленных в фабричных мероприятиях нежелательным по соображениям чисто политического характера, поскольку это вызвало бы недовольство рабочих и озлобило местное население, а также создало бы трудности с окарауливанием, так как в предприятиях губернии почти не было полицейских чиновников³⁵³. Эти примеры показывают, что губернаторы, опасаясь социальных взрывов, нередко действовали вопреки центральным предписаниям, сознательно тормозя использование военнопленных на своих территориях.

Однако достижение единообразия как с точки зрения установления нормы сторожей к числу работников на предприятии, так и порядка в надзоре за военнопленными, тоже могло принести отрицательные результаты. Примером может служить инициатива пермского губернатора, пытавшегося установить общие принципы организации порядка надзора.

В своей инструкции он предлагал предприятиям осуществлять наем стражи из расчета одного сторожа на 15 военнопленных. Считал оптимальным вариант иметь сторожей из числа нижних воинских чинов, «соответствующих по своему развитию и общей подготовке должности полицейского стражника, преимущественно из раненых, способных по степени ранений нести сторожевую службу; допускается прием и таких раненых, которые уволены в отпуск для поправления здоровья»³⁵⁴.

Жалованье губернатор предлагал платить по 30 руб. в месяц, обмундирование должно было отличаться однообразием и приобретаемым сторожами за свой

³⁵² Письмо московского губернатора Управляющему Министерством Внутренних Дел от 1 июля 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 200–200 об.

³⁵³ Письмо костромского губернатора в Главное управление по делам местного хозяйства от 27 июня 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 198–198 об.

³⁵⁴ Полицейским, уездным и горным исправникам Пермской губернии // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 232.

счет: «Шинель из серого сукна, по образцу шинелей железнодорожных сторожей, с желтыми металлическими пуговицами; ременный пояс с металлической бляхой; нагрудная бляха с вырезанной надписью "сторож охраны пленных"; шаровары из черной материи; фуражка защитного цвета со знаком герба губернии, как у стражников, и с установленной для нижних чинов кокардой вверху; шинель из сукна черного цвета, по образцу, установленному для городских»³⁵⁵.

Выход на работы поодиночке или очень малыми партиями не должен вовсе допускаться, помещение обязательно должно было предоставлено отдельное от других рабочих, причем необходимо было предоставить полную возможность ввести казарменный порядок содержания и строгую дисциплину. Для этого губернатор предлагал «установить дежурства сторожей днем и ночью как внутри помещения, так и снаружи; распределить посты сообразно с наличием наличных сторожей и с техническими условиями помещений; ввести утреннюю и вечернюю поверку военнопленных и при сменах дежурств сдачу их по счету»³⁵⁶.

С точки зрения организации надзора, этот документ, отличающийся излишней детализацией, показательный пример того, как региональные власти пытались решить проблему охраны военнопленных. Кадровый состав, количественные нормативы, концентрация пленных в группах не менее 15 человек, фиксированное жалование, жесткий режим с утренними и вечерними поверками, организация круглосуточного дежурства внутри и снаружи помещений, сдача пленных по счету при смене караула свидетельствуют о стремлении создать единообразную и надежную систему надзора, которая бы минимизировала риски побегов и злоупотреблений. Однако на деле продуманность плана создала для предпринимателей серьезные экономические препятствия: высокая стоимость охраны, необходимость соблюдать норму по соотношению с пленными, привели к тому, что идеально прописанная на бумаге система надзора оказалась малоэффективной в реальных условиях

³⁵⁵ Полицейским, уездным и горным исправникам Пермской губернии // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 232 об.

³⁵⁶ Там же. Л. 233.

военной экономики. Инструкция, требующая и строгого надзора, была практически неисполнима в таких условиях.

Циркуляр пермского губернатора был разослан 1 июня 1915 г., а уже 25 июня от его имени в адрес полицейских, уездных и горных исправников поступил новый документ следующего содержания: «Не настаивая на строгом выполнении циркуляра, предоставляю вам делать вызываемые необходимостью, по роду работ и условиям местности, отступления от него по вашему усмотрению как в отношении размещения военнопленных, так равно и их окарауливания, доведя до моего сведения о допущенных отступлениях»³⁵⁷.

Пермский губернатор не был единственным представителем власти на местах, проявившим излишнее усердие в заботе об «окарауливании» военнопленных. Министр внутренних дел приказал предоставить справку по поводу заметки, опубликованной 26 июля 1915 г. в московской газете «Русское слово» под названием «Труд пленных. Из Екатеринбурга», в которой сообщалось следующее: «Губернатор издал чрезвычайно стеснительные правила об охране пленных, работающих в частных промышленных предприятиях. Биржевой комитет опротестовал эти правила, указав губернатору, что они противоречат мероприятиям центрального правительства, и что при буквальном исполнении их расходы по содержанию пленных не могут окупиться их трудом»³⁵⁸.

Еще до публикации в газете Екатеринбургский биржевой комитет, являвшийся выборным органом предпринимателей и представителей торгового капитала, защищавшего их интересы, 18 июля 1915 г. сообщил губернатору, о заявлениях, поступивших от частных промышленных предприятий о чрезвычайно стеснительных предписаниях губернатора от 1 июля 1915 г. В частности, речь шла о минимальное количество сторожей для охраны военнопленных: «1 сторож на 15 военнопленных является чрезмерно высоким, вызывающим без особой надобности

³⁵⁷ Полицейским, уездным и горным исправникам Пермской губернии // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 235.

³⁵⁸ Труд пленных. Из Екатеринбурга // Русское слово. 1915. № 172. 26 июля.

весьма крупные расходы на содержание охраны, эта норма сторожей является особенно неприемлемой для тех предприятий, в которых работы военнопленными производятся в одном определенном месте (работы в карьерах, на рудниках и др.)»³⁵⁹.

Биржевой комитет также ставил под сомнение распоряжение о запрете выводить на работы военнопленных поодиночке и небольшими партиями, что лишало предприятия возможности пользоваться трудом военнопленных для выполнения таких работ, которые требовали незначительного количества рабочих рук. Нарекание вызывало и положение о том, чтобы «военнопленные всегда были на виду у сторожей и не выходили из сферы их наблюдения»³⁶⁰. Промышленные предприятия, несмотря на огромный недостаток рабочих, подавали заявления в биржевой комитет с отказами от использования труда военнопленных, поскольку они платили за охрану из своих средств и такие затраты на сторожа (жалованье, питание, иногда оружие) могли даже превышать стоимость труда пленного.

В ответе губернского правления в адрес биржевого комитета было сказано, что циркуляр носил пробный характер, что уже 9 июля последовало разрешение местным полицейским чинам (исправникам) отступать от этих правил, если того требуют реальные условия работы и местности. Таким образом, губернатор не отменял и не пересматривал свой циркуляр, но предоставил полиции на местах право его не применять там, где он мешал производству. Отвечая за порядок и опасаясь побегов, саботажа и шпионажа, губернатор тем самым пытался уйти от возможной ответственности.

Центральная власть, столкнувшись с острой нехваткой рабочих рук в военной промышленности, стремилась упростить процедуры надзора. Уже 23 июня 1915 г. Совет министров в особом журнале предоставил военному министру право устанавливать собственной властью, по соглашению с министром иностранных

³⁵⁹ Письмо Екатеринбургского биржевого комитета екатеринбургскому губернатору // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 230.

³⁶⁰ Там же.

дел, необходимые изменения и дополнения Правил 17 марта 1915 г.³⁶¹ Совет Съезда представителей промышленности и торговли 27 июня 1915 г. образовал при Центральном военно-промышленном комитете Отдел по обеспечению частных промышленных заведений рабочим составом, в частности занимался распределением пленных по общему, установленному штабом, порядку. Пленные отпускались на работы в частные промышленные заведения из лагерей, ближайших к месту расположения предприятий. По мере отпуска пленных на работу лагеря должны были пополняться.

Поскольку Военное министерство только отпускало определенное количество пленных, предприятиям для отбора специалистов предоставлялась возможность командировать своих агентов на пункты, из которых непосредственно выделялись пленные. Такие пункты были созданы во всех военных округах³⁶².

Ввиду того что пленные не получали на руки реальных денег, у них наблюдалось очевидное отсутствие экономических стимулов, что в свою очередь отражалось на низкой производительности труда. С лета 1915 г. промышленники Урала и Юга России регулярно заявляли о необходимости отмены вычетов, отмечая, что существующая система не позволяет выполнять заказы для обороны. В итоге Особое совещание по обеспечению промышленных предприятий рабочей силой 5 мая 1916 г. приняло решение об отмене 25% вычета из заработной платы военнопленных в специальный фонд.

Центральный военно-промышленный комитет ходатайствовал о совершенной отмене этого вычета перед военным министром, а тот сделал соответствующее представление министру иностранных дел на изменение ст. 9 Правил 17 марта 1915 г. в следующей редакции: «Просимые частными предприятиями военнопленные могут быть им предоставляемы исключительно для работы за плату, размеры коей

³⁶¹ Особый журнал Совета Министров от 23 июня 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 1186. Л. 247.

³⁶² Циркуляры, записки и переписка об отпуске военнопленных в частные промышленные предприятия, страхование военнопленных и по другим вопросам использования военнопленных на разных предприятиях // РГИА. Ф. 32. Оп. 1 Д. 409. Л. 6 об.

устанавливаются соответственно существующим местным ценам для каждой категории работ, <...> по внесении в расчетную книжку каждого рабочего-военнопленного, выдавать военнопленным на руки»³⁶³. Итоговое постановление об отмене было издано 28 апреля 1916 г., а 5 мая 1916 г. предприятия были оповещены специальным циркуляром об этом решении. Таким образом, отмена вычетов была вынужденной мерой, продиктованной экономической необходимостью, которая, однако, не смогла полностью решить проблему нехватки рабочих рук в российской промышленности.

До этого были упразднены ограничительные нормы о минимальной численности партии (25 человек) и предельном проценте пленных (15% от общего числа рабочих), что позволяло предприятиям получать военнопленных по мере действительной надобности. Эти изменения должны были облегчить промышленникам доступ к дешевой рабочей силе³⁶⁴.

Однако даже после этих явных снижений возможного напряжения в отношениях военнопленных и работодателей проблемы охраны и дисциплины оставались нерешенными. В ответ на запросы с мест 23 июля 1915 г. была утверждена «Инструкция об употреблении оружия десятниками и сторожами, коим поручен надзор за военнопленными, отпущенными на работы». Инструкция детально определяла случаи, когда охрана могла применять оружие: «а) для отражения всяческого вооруженного нападения на них со стороны военнопленных; б) для отражения нападения хотя и не вооруженного, но сделанного несколькими военнопленными, или даже одним из них, но при таких обстоятельствах или условиях, когда никакое иное средство защиты не было возможно; в) для обороны других лиц от внезапного нападения кого-либо из военнопленных; г) при открытом со стороны военнопленных возмущении, или совместном нападении нескольких из них; при побеге же отдельных лиц оружие может быть употреблено только в том случае, когда, несмотря на

³⁶³ Циркуляры, записки и переписка об отпуске военнопленных в частные промышленные предприятия, страхование военнопленных и по другим вопросам использования военнопленных на разных предприятиях // РГИА. Ф. 32. Оп. 1 Д. 409. Л. 12.

³⁶⁴ Отделение Промышленного Труда. Чинам фабричной инспекции. 27 августа 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 254–254 об.

предостережение или оклик, сделанные во время побега, военнопленный будет продолжать таковой»³⁶⁵. В каждом случае применения оружия сторож или десятник обязан был немедленно донести об этом начальству³⁶⁶. Эта инструкция, хотя и давала охранникам формальное право на оружие, не решала главной проблемы – нехватки самих охранников и их низкой квалификации.

Циркуляром от 31 июля 1915 г. губернскому начальству было предоставлено право налагать через полицию дисциплинарные взыскания на военнопленных за неподчинение, отказ от работ и т.п.³⁶⁷ Однако на практике это право сталкивалось с непреодолимыми препятствиями.

Ведомственная разобщенность продолжала давать о себе знать. Министр торговли и промышленности в письме от 3 июня 1915 г. жаловался на то, что горно-промышленные предприятия не могут получить пленных из-за того, что местные власти требуют предварительной уплаты сумм на содержание стражи, хотя в правилах такого требования нет. Он просил разъяснить властям, что «подобные, указанные выше, не предусмотренные Правилами требования не должны быть предъявляемы промышленникам»³⁶⁸. А в письме от 23 июня 1915 г. министр торговли и промышленности возражал против требования об учреждении предприятиями полицейских должностей, указывая, что отпуск пленных диктуется не выгодами промышленников, а «заботами правительства о том, чтобы добыча угля и руды могла достигнуть наибольшего количества, что является теперь вопросом государственной необходимости»³⁶⁹. Эти и другие разногласия между ведомствами делали систему управления использованием военнопленных крайне громоздкой и неэффективной.

³⁶⁵ Инструкция об употреблении оружия десятниками и сторожами, коим поручен надзор за военнопленными, отпущенными на работы. 23 июля 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 206–206 об.

³⁶⁶ Там же.

³⁶⁷ Циркуляр Департамента полиции от 31 июля 1915 г. № 3028 // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 249.

³⁶⁸ Письмо Министра Торговли и Промышленности от 3 июня 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 91–92.

³⁶⁹ Письмо Министра Торговли и Промышленности князю Щербатову от 23 июня 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 162–163.

Особый интерес представляет позиция Главного управления Генерального штаба, которая была изложена в ответе на запрос о командировании воинских команд для усиления надзора. В письме от 1916 г. Генеральный штаб заявлял, что «военное ведомство совершенно лишено возможности пойти навстречу упомянутому ходатайству местного губернского начальства. В данное время наличное число ратников ополчения внутри Империи едва хватает для выполнения возложенной на них охраны железных дорог, несения гарнизонной службы и охраны военнопленных в пунктах их постоянного водворения. Ввиду сего, предоставление военнопленных для работ в распоряжение гражданских ведомств только и представляется возможным при условии принятия на себя этими ведомствами всех забот по организации должной охраны отпущенных им пленных на работах»³⁷⁰. Это означало, что военные полностью снимали с себя ответственность за охрану пленных на работах, перекладывая ее на гражданские власти и предприятия.

В марте 1916 г. начальник Владимирского губернского жандармского управления докладывал в штаб Московского военного округа о многочисленных инцидентах. На заводе Гусь-Хрустальный 24 февраля восемь пленных, работавших на лесопилке, не вышли на работу, заявив, что они больны, «хотя по свидетельству врача были здоровы»³⁷¹. Того же числа 140 военнопленных потребовали, чтобы контора отпускала им для довольствия во время поста мясо, а не рыбу³⁷², а 28 февраля 39 пленных необходимо было перевести в другое помещение, но они приказа не исполнили, так что «пришлось перевести силой при помощи полиции»³⁷³.

В Судогодском уезде Владимирской губернии пленные устроили драку из-за неправильного расчета за работу, побив одного из своих и выругав сторожа³⁷⁴. В

³⁷⁰ Ответ Главного управления Генерального штаба о невозможности выделения войск для охраны пленных, 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 1.

³⁷¹ Там же.

³⁷² Рапорт начальника Владимирского губернского жандармского управления в Штаб Московского военного округа от 2 марта 1916 г. Л. 336–336 об.

³⁷³ Там же.

³⁷⁴ Там же. Л. 336 об.

Муроме Владимирской губернии два пленных бежали из помещения, примыкавшего к железной дороге, причем один так и не был найден³⁷⁵. Начальник жандармского управления докладывал, что пленные пользуются самой большой свободой, плохо окарауливаются, а приезжавшая из Москвы комиссия признала помещения удовлетворительными, не вникая в реальные условия. «Такое отношение к военнопленным может в недалеком будущем изменить добродушное к ним отношение народа, что весьма нежелательно»³⁷⁶, – предупреждал он.

Не менее остро стоял вопрос о материальном положении самих пленных. Согласно справке, составленной представителями датского посольства в Петрограде, заработная плата военнопленных состояла из поденной платы, но после вычетов за пищу, одежду и охрану «90% пленных в одном лагере являются должниками заводских предпринимателей на сумму более 100 рублей. Пленные в этом отношении не получают ни копейки на руки»³⁷⁷. Авторы справки отмечали, что «работодатели могут этим использованием военнопленных отчасти употреблять их как средство для размыкания забастовок, отчасти же понижать заработную плату, и нужно в этом отношении упомянуть, что большинство австро-венгерских пленных состоит из крестьян и рабочих, и на них действует угнетающе, что принуждают действовать против своих товарищей по сословию»³⁷⁸. Предлагалось урегулировать жалованье, чтобы пленные не делались должниками и получали поденную плату не менее 50 копеек³⁷⁹. Эти данные свидетельствуют о том, что использование труда пленных имело не только экономическую, но и социальную остроту, создавая взрывоопасную ситуацию на заводах.

Главное управление Генерального штаба 29 декабря 1915 г. сообщило Департаменту полиции, что полагает возможным предоставить дисциплинарную власть

³⁷⁵ Рапорт начальника Владимирского губернского жандармского управления в Штаб Московского военного округа от 2 марта 1916 г. Л. 337.

³⁷⁶ Там же.

³⁷⁷ Справка о положении военнопленных в России, составленная представителями датского посольства в Петрограде // ГАРФ. Ф. 6281. Оп. 1. Д. 27. Л. 4.

³⁷⁸ Там же.

³⁷⁹ Там же. Л. 6.

начальникам полиции в отношении сторожей, назначаемых для надзора за пленными³⁸⁰. Это было важное решение, поскольку до того статус сторожей оставался неопределенным, и у полиции не было рычагов воздействия на них в случае небрежного исполнения обязанностей. Однако и это не решило главной проблемы – катастрофической нехватки кадров для охраны. В июне 1916 г. пермский губернатор сообщал, что с наступлением лета сторожа стали массово уходить, привлеченные более высокой платой на сельхозработах, и даже предложение жалованья в 40–45 рублей в месяц не помогало. Поставить полицейских стражников было невозможно из-за их собственной перегруженности. Губернатор просил разрешить усиливать охрану ополченцами, согласно статье 8 правил о казенных и общественных работах³⁸¹. Департамент полиции 18 июня 1916 г. поддержал эту просьбу, обратившись в Главное управление Генерального штаба с ходатайством о командировании ополченцев для охраны пленных³⁸². Но военное ведомство к этому времени уже было крайне ограничено в людских ресурсах, и это ходатайство при всем желании не могло быть удовлетворено в полной мере.

Национальный фактор играл огромную роль в этих конфликтах. Славяне считались «безопасными», немцы и австрийцы – подозрительными. Как отмечала исследователь Т.В. Федорова, «если пленным полякам, чехам и румынам доступ в города был свободен, то немецкие и венгерские офицеры обязаны были получать всякий раз специальное разрешение коменданта лагеря или начальника конвойной команды»³⁸³. Губернаторы использовали это различие, допуская славян на одни предприятия и категорически отказывая в допуске на другие, где рабочие были настроены враждебно.

³⁸⁰ Главное управление Генерального штаба в Департамент полиции от 29 декабря 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 299.

³⁸¹ Письмо пермского губернатора в Департамент полиции от 7 июня 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 449–450.

³⁸² Департамент полиции в Главное управление Генерального штаба от 18 июня 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 451.

³⁸³ Федорова Т.В. Проблема социально-бытовых условий содержания австро-венгерских военнопленных на территории Восточной Сибири во время Первой мировой войны // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2014. № 4-2 (84). С. 235.

Однако такая политика была чревата произволом и не давала объективных гарантий. Показательно постановление пермского вице-губернатора от 15 августа 1915 г. по делу о немецкой администрации Новолялинской бумажной фабрики, которая «стала явно выказывать свое дружелюбие военнопленным, как-то: общались с военнопленными на немецком языке, давать им самую легкую работу и вообще им была предоставлена на фабрике полная свобода; сторожа же, охраняющие военнопленных, на фабрику даже не допускались»³⁸⁴.

Губернатор оштрафовал инженера Стрема на 100 рублей, предупредил администрацию, что при повторении будут приняты меры «вплоть до воспреещения им жительства в пределах губернии», и распорядился через две недели удалить с фабрики всех военнопленных немцев и впредь не допускать их туда³⁸⁵. Этот случай демонстрирует еще одну проблему, которая с первых дней войны являлась в числе тех, которые необходимо было учитывать: власти опасались не только побегов и бунтов, но и возможного шпионажа или саботажа, особенно когда немецкие подданные-работодатели вступали в контакты с пленными-соотечественниками.

Кризис надзора за военнопленными на частных промышленных предприятиях в 1915–1916 гг. явился симптомом системного разрушения имперской управленческой модели в условиях мировой войны. Пытаясь решить проблему дефицита рабочих рук, правительство столкнулось с невозможностью адаптировать старый управленческий аппарат к возникавшим условиям. Новые правила разрабатывались месяцами, ведомства, так или иначе отвечавшие за надзор пленных, – военное, внутренних дел и торговли, – действовали как соперники, перекладывая друг на друга ответственность за охрану, финансирование и дисциплину.

Губернаторы, полиция и предприниматели на местах вынуждены были действовать вопреки министерским циркулярам, и эта практика порождала произвол, когда, например, московский губернатор сознательно блокировал допуск пленных на оборонный завод, идя на превышение полномочий, а пермский, расписав до

³⁸⁴ Постановление исполняющего должность пермского губернатора от 15 августа 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 245–245 об.

³⁸⁵ Там же.

мельчайших деталей форму и число проверок, тут же разрешал отступать от собственной инструкции, признавая ее нежизнеспособность.

Главным препятствием оказался не дефицит инструкций, а острая нехватка людей, способных ответственно нести службу, полиция была перегружена различными обязанностями, военное ведомство отказывалось выделять ополченцев, мотивируя это необходимостью охраны железных дорог и гарнизонов, а предприниматели, особенно на мелких рудниках Урала, просто не имели средств содержать штаты вооруженной стражи и отдельные казармы. Экономические оковы, налагаемые правилами надзора, делали использование пленных для многих предприятий невыгодным, а система вычетов из заработка лишала военнопленных малейшей экономической заинтересованности и порождала сопротивление в виде отказов от работы и побегов.

В итоге государственной системе не удалось приспособиться к новым обстоятельствам, она не только не обеспечила надежного надзора и побеги с беспорядками превратились в обыденность, но и подорвала доверие к власти в глазах и предпринимателей, и рабочих, и самих пленных. Ведомственная разобщенность, кадровый голод и неспособность принимать быстрые решения явились одним из факторов складывавшегося общественного недоверия.

2.4. Специфика надзора при использовании труда военнопленных в аграрном секторе

Параллельно с лагерной изоляцией существовала и, возможно, более важная сфера «распределенного надзора». В тылу наблюдался острейший дефицит рабочих рук, поскольку в 1915–1916 гг. только из деревни было мобилизовано до 6 млн человек. В этой ситуации военнопленные стали критически важным ресурсом для экономики. К концу 1916 г. на сельскохозяйственных работах в России было занято до 600 тысяч военнопленных.

Как уже отмечалось, Совет министров Российской империи в заседании 21 августа 1914 г. впервые в условиях начавшейся войны рассмотрел вопрос «О работах, подлежащих выполнению трудом военнопленных». Этот документ является ключевым источником для понимания начального этапа политики использования военнопленных в экономике. Министрам, имевшим непосредственное отношение к рассматриваемым вопросам, было предложено изучить проблему и изложить на заседании свои соображения о привлечении военнопленных к исполнению казенных и общественных работ по их ведомствам. Однако труду, связанному с полевыми работами в помещичьих и крестьянских хозяйствах, места в этом перечне тогда не нашлось. Война только началась, и масштабы мобилизации в полной мере еще не осознавались. Основная проблема виделась в инфраструктурных проектах: в строительстве дорог, расширении каналов, которые требовали больших масс рабочих.

Главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин в своем выступлении на заседании сделал акцент на лесных работах, а не на полевых. Это было связано с тем, что лесозаготовки традиционно относились к юрисдикции этого министерства, а сельское хозяйство — к ведению земств и частных лиц. Сложилась парадоксальная ситуация, при которой документ, заложивший основу для использования труда военнопленных, не давал оснований для их привлечения в сельское хозяйство, поскольку пока еще никто не ожидал, что война примет затяж-

ной характер и может случиться продовольственный кризис. Решение о сельскохозяйственном использовании пленных было принято под давлением обстоятельств лишь спустя полгода, 28 февраля 1915 г. Тогда произошло утверждение Особого журнала Совета Министров о правилах отпуска пленных на сельхозработы.

В фонде Департамента полиции сохранилась телеграмма от екатеринославского губернатора В.А. Колобова, полученная 17 января 1915 г., т.е. за месяц до этого заседания. Она была направлена министру внутренних дел: «В связи с резко ощущающимся недостатком рабочих рук в настоящее время возникает вопрос об использовании для сельскохозяйственных работ труда военнопленных, причем делу этому признается желательным придать широкую и планомерную организацию под общим наблюдением и ведением земских учреждений»³⁸⁶. Совет министров на своем заседании высказался отрицательно относительно применения труда военнопленных на частных предприятиях, однако ситуация резко изменилась и появилась необходимость «поддержания сельского хозяйства, переживающего трудные дни, благодаря массовому отвлечению военными обстоятельствами рабочих сил из деревень и городов»³⁸⁷.

«Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы», утвержденные 28 февраля 1915 г., явились правовой основой для их трудового использования³⁸⁸. Согласно этому документу, военнопленные могли быть предоставляемы сельским хозяевам исключительно на работы за плату, размер которой за время нахождения военнопленных на работе устанавливался земской управой. Из этой платы не менее половины должна была выдаваться на руки военнопленным, а остальная часть поступать в возмещение расходов по их содержанию и на покрытие издержек по их охране³⁸⁹.

³⁸⁶ О привлечении военнопленных к исполнению казенных и общественных работ // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. 1914. Д. 84 а. Л. 55-56.

³⁸⁷ Там же.

³⁸⁸ Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы: Высочайше утверждены 28 февраля 1915 г. // Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по 1 января 1916 г. Петроград, 1916. С. 341–342.

³⁸⁹ Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы: Высочайше утверждены 28 февраля 1915 г. С. 142.

В соответствии с «Правилами», работодатель заключал договор с военным ведомством и был обязан обеспечить содержание пленных и недопущение побегов. Функция надзора практически полностью перекладывалась на местные органы Министерства внутренних дел – уездную полицию. Таким образом, на местах происходила своего рода «приватизация» надзора. Контроль за пленными, который был для государства вопросом безопасности, для уездного исправника становился лишь одной из множества рутинных и часто второстепенных обязанностей.

На основе этих правил рассредоточение пленных по мелким хозяйствам делало надзор практически невозможным. Уже в апреле-мае 1915 г. начали поступать тревожные сигналы с мест. Так, Курское губернское жандармское управление донесло 15 мая 1915 г., что в Фатежском уезде «крайне неосторожно распределены среди помещиков и отдельных крестьян присланные туда Курским губернским земством военнопленные. Распыление доходит до 2-3, а иногда и 1-го человека на имение... благодаря чему за ним нет должного наблюдения со стороны военного начальства и местной полиции»³⁹⁰.

Начальник штаба верховного главнокомандующего 27 апреля 1915 г. направил телеграмму в адрес военного министра и в Главное управление Генерального штаба, в которой сообщал о том, что «среди нижних чинов армии вызывает естественное беспокойство, принятый в некоторых местностях империи порядок размещения военнопленных по селениям и деревням»³⁹¹. В соответствии с этим были выданы указания начальникам внутренних военных округов о принятии мер к недопущению способа расквартирования пленных по обывателям, поодиночке или группами.

Военный министр генерал от кавалерии В.А. Сухомлинов в свою очередь 9 мая 1915 г. обратился по этому поводу к министру внутренних дел Н.А. Маклакову: «Не признанно ли будет Вами выдать указание местному губернскому начальству,

³⁹⁰ Донесение начальника Курского губернского жандармского управления от 15 мая 1915 г. // ГАРФ. 102. Оп. 71. Д. 1186. Л. 74.

³⁹¹ О привлечении военнопленных к исполнению казенных и общественных работ // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. 1914. Д. 84 а. Л. 69.

чтобы отпущенные в их распоряжение партии пленных, особенно при назначении таковых группами на работы в отдельные мелкие хозяйства, ни в коем случае не помещались бы на жительство по обывательским семействам, а обязательно расквартировывались бы партиями в особо отведенные для того домах, с соблюдением, при том казарменного строя жизни»³⁹².

Еще одна проблема просматривалась в донесении из Курска. В нем особо подчеркивалось, что «во многих экономиях пленным предоставлены считающиеся у крестьян привилегированными места кучеров, старших садовников и т.п., а также им выдается значительно обильнее и разнообразнее в сравнении с русскими рабочими пища (иногда чай и сахар)»³⁹³. Такое льготное положение, по мнению жандармов, «дает им повод не только предъявлять к работодателям наглые требования о дальнейших льготах: об увеличении заработной платы, об уменьшении рабочего дня и т.п., но и отказываться от работ при неисполнении сих требований»³⁹⁴.

В другом докладе из Курской губернии сообщалось, что в Ново-Оскольском уезде 20 австрийских военнопленных отказались от работы, «в виду не получения ими в рабочие дни мяса и булок», хотя помещик Шевцов «продовольствовал военнопленных одинаково с другими рабочими и шел навстречу их требованиям об улучшении пищи, предлагая на каждого человека в месяц 3 фунта сала, 2 фунта сахара и 1/8 чая, а вместо булок муки, из которой они могли делать белый хлеб или галушки»³⁹⁵. Этот случай показывал, что даже относительно хорошие условия не гарантировали дисциплины, а отсутствие у работодателей реальной власти над пленными делало их бессильными перед требованиями и отказами.

Из доклада уполномоченного И.Ф. Белика в Совет «Всероссийского попечительства о пленных славянах», подготовленного в 1915 г., следовало, что крестьяне

³⁹² О привлечении военнопленных к исполнению казенных и общественных работ // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. 1914. Д. 84 а. Л. 69 об.

³⁹³ Донесение начальника Курского губернского жандармского управления от 15 мая 1915 г. // ГАРФ. 102. Оп. 71. Д. 1186. Л. 74.

³⁹⁴ Там же. Л. 74 об.

³⁹⁵ Там же. Л. 89.

часто жаловались, что военнопленные, заработав несколько рублей, не хотят работать. Это случалось везде, где работали военнопленные, а больше всех зарабатывали ремесленники как по городам, так и по деревням³⁹⁶.

Особую тревогу вызывало то, что пленные, «соприкасаясь бесконтрольно с крестьянами, имеют возможность распространять среди них ложные слухи как о войне, так и о якобы идеальном положении рабочих в Германии»³⁹⁷. Начальник Курского губернского жандармского управления признавал, что «хотя мною и принимаются меры к агентурному наблюдению за расселенными в губернии военнопленными, но благодаря вышеуказанному отношению к их рассредоточению уездных земств, выполнение этого наблюдения является крайне затруднительным»³⁹⁸.

Главное управление по делам местного хозяйства являлось гражданским хозяйственным учреждением, не обладавшем полицейскими полномочиями и не имевшем аппарата принуждения. Отказы от работы, побег, агитация и любые другие дисциплинарные вопросы являлись прерогативой контроля со стороны полиции и военного ведомства. Военное министерство выделяло для работ пленных, но не контролировало их использование, Главное управление по делам местного хозяйства знало о возникших проблемах, но не представляло возможностей их разрешения, Департамент полиции имел полномочия по наведению порядка, но в условиях разбросанности военнопленных на большой территории при проведении сельскохозяйственных работ, был ограничен в людских ресурсах для немедленного разрешения ситуаций.

Из того же доклада уполномоченного И.Ф. Белика следовало, что военнопленным по деревням живется значительно лучше, по сравнению с городом. «Сибиряки, народ богатый и добрый. Поступают военнопленные служить по обоюдному соглашению с хозяином. Хозяин должен военнопленного одеть, а на прокорм-

³⁹⁶ Доклад уполномоченного Ив. Фед. Белика в Совет Всероссийского попечительства о пленных славянах // РГИА. Ф. 909. Оп. 1. Д. 425. Л. 11.

³⁹⁷ Донесение начальника Курского губернского жандармского управления от 28 мая 1915 г. // ГАРФ. 102. Оп. 71. Д. 1186. Л. 89.

³⁹⁸ Там же.

ление получает паек военнопленного в размере 22 коп. Если военнопленный хорошо работает, хозяин не берет от него ничего, оставляет ему 22 коп. и часто сам дает ему больше, чем условились»³⁹⁹. Из того же доклада следовало, что бывали, правда, редкие случаи, что крестьянин не сдерживал условий и не давал пленным денег, тогда пленный жаловался воинскому начальнику, который улаживал всякие недоразумения⁴⁰⁰.

По существовавшим правилам предоставление военнопленных на сельскохозяйственные работы осуществлялось по ходатайству воинских управ через губернаторов непосредственно в Военное министерство, а последующую охрану и надзор осуществляли чины местной полиции. На практике в плане надзора в деревнях военнопленные были подчинены власти русского унтер-офицера и австрийского офицера из пленных, но зачастую видели его только раз или два в месяц, когда являлись на поверку.

Таким образом, пока в Петрограде ведомства распределяли и спорили о полномочиях, на местах полиция не справлялась с проблемами, а помещики и крестьяне самостоятельно разрешали возникавшие вопросы. Вот почему обнаруженные в Курской губернии «послабления режима военнопленных» вызвали растерянность Главного управления по делам местного хозяйства, которое отвечало только за работы по земскому и городскому хозяйству и не смогло разрешить возникшую ситуацию. Между тем разбросанная на большой территории сельскохозяйственная работа с участием военнопленных, по мнению Департамента полиции, могла составить серьезную угрозу существовавшему надзорному порядку: «Если обнаружившиеся уже в Курской губернии неправильности по содержанию военнопленных, работающих в частных экономиях, проявятся и в других губерниях, то естественным образом могут возникнуть волнения среди пленных, командированных на работы по этим и иным отраслям земского и городского хозяйства»⁴⁰¹.

³⁹⁹ Доклад уполномоченного Ив. Фед. Белика в Совет Всероссийского попечительства о пленных славянах // РГИА. Ф. 909. Оп. 1. Д. 425. Л. 11.

⁴⁰⁰ Там же.

⁴⁰¹ О привлечении военнопленных к исполнению казенных и общественных работ // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. 1914. Д. 84 а. Л. 103.

Сложившаяся неопределенность в ответственности различных ведомств, вызванная сложностями военного времени, в итоге порождала опасения властей по поводу возможных бунтов среди пленных. С лета 1915 г. с целью ускорения процесса получения военнопленных для полевых работ Совет министров изменил порядок их отпуска. Теперь заинтересованным организациям следовало обращаться непосредственно в штаб соответствующего военного округа, лишь поставив в известность губернатора о своем обращении⁴⁰².

Поступавшие с мест тревожные для Министерства внутренних дел сигналы вынудили его 15 мая 1915 г., по соглашению с военным министром, издать циркуляр, который кардинально менял порядок размещения пленных на сельскохозяйственных работах⁴⁰³. Предписывалось «всякого рода, даже самых небольших партий пленных, отпускаемых военным ведомством для означенных работ, отнюдь не размещать на жительство по обывательским семействам, а обязательно расквартировывать в особо отведенных для того домах, с соблюдением при том казарменного строя жизни»⁴⁰⁴. При невозможности такого размещения ходатайства об отпуске пленных должны были отклоняться. Это означало фактический запрет на использование пленных в мелких крестьянских хозяйствах, где они не могли быть размещены казарменно.

Однако этот циркуляр, призванный усилить надзор, вступал в явное противоречие с практикой размещения военнопленных в сельской местности. Так, вятский губернатор 4 мая 1915 г., еще до выхода циркуляра, телеграфировал Военному министру: «При объезде губернии, из результатов многочисленных заявлений местных людей и должностных лиц, я убедился в крайней необходимости отпуска пленных на сельскохозяйственные работы в крестьянских хозяйствах, оставшихся без работников вследствие призыва запасных и новобранцев»⁴⁰⁵. Он просил разрешить отпуск пленных «мелкими партиями в отдельные крестьянские хозяйства,

⁴⁰² Таланин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири. С. 101.

⁴⁰³ Циркуляр Департамента полиции от 15 мая 1915 г. // ГАРФ. 102. Оп. 71. Д. 1186. Л. 71.

⁴⁰⁴ Там же.

⁴⁰⁵ Телеграмма вятского губернатора от 4 мая 1915 г. // ГАРФ. 102. Оп. 71. Д. 1186. Л. 80.

особенно семейства призванных, в предупреждение разорения этих хозяйств», и брал на себя организацию охраны⁴⁰⁶. Однако ходатайство было отклонено «в виду указаний, приведенных в телеграмме начальника штаба верховного главнокомандующего»⁴⁰⁷.

Саратовское губернское земское собрание после появления новых правил от Департамента полиции ходатайствовало об отмене циркуляра. В телеграмме от 22 июня 1915 г. губернатор князь А.А. Ширинский-Шихматов сообщал, что «применение этой меры в самое горячее время накануне уборки урожая угрожает чрезвычайно тяжелыми последствиями всему населению губернии. Оно поставит средних сельских хозяев и особенно крестьян в полную невозможность пользоваться трудом пленных, а так как рабочих рук, вследствие мобилизации осталось очень мало, то значительная часть хлеба может остаться необранной на полях»⁴⁰⁸. Кроме того, по мнению губернатора, распоряжение Департамента «создает антагонизм между различными группами населения, ибо мелкие собственники и крестьяне, не зная действительно причин решения дешевой рабочей силы, будут возмущены остановлением пленных на работах в крупных экономиях»⁴⁰⁹. Состоявшееся 5 июня Саратовское губернское земское собрание, поручило губернской управе «телеграфом ходатайствовать перед Вашим сиятельством немедленно отменить циркуляр Департамента полиции 15 мая»⁴¹⁰.

Начальник Главного управления по делам местного хозяйства сообщил содержание телеграммы камышинского предводителя дворянства, который заявил, что казарменный порядок содержания пленных в сельском хозяйстве представлялся невозможным, поскольку он лишь приведет к изъятию пленных у семей, призванных на войну и вызовет крупные недоразумения и осложнения, особенно ввиду ожидаемого ныне обильного урожая. Свою точку зрения он аргументировал тем,

⁴⁰⁶ Телеграмма вятского губернатора от 4 мая 1915 г. // ГАРФ. 102. Оп. 71. Д. 1186. Л. 80.

⁴⁰⁷ Ответ военного министра. // ГАРФ. 102. Оп. 71. Д. 1186. Л. 83.

⁴⁰⁸ Телеграмма саратовского губернатора от 22 июня 1915 г. // ГАРФ. 102. Оп. 71. Д. 1186. Л. 142.

⁴⁰⁹ Там же. Л. 142 об.

⁴¹⁰ Телеграмма саратовского губернатора от 22 июня 1915 г. Л. 143.

что военнопленные, «предоставляемые для полевых работ в крестьянских хозяйствах, очевидно, не могут составлять значительных партий, уходя вместе с хозяевами из семьи для полевых работ иногда на значительное расстояние от села, пленные в этих случаях не могут возвращаться в него для ночевки»⁴¹¹. Мелкие хозяйства, в которые отпускались пленные, лишились бы необходимой для них рабочей силы и тем самым потеряли бы возможность своевременно произвести уборку урожая. Предводитель дворянства предлагал в подобных случаях отступить от общего правила, установленного циркуляром.

Месяц спустя, 14 июня 1915 г., после издания циркуляра от 15 мая 1915 г., заместитель министра внутренних дел генерал-майор В.Ф. Джунковский в ответ на реакцию с мест направил новый циркуляр для губернаторов, в котором отмечал, что военнопленные «нередко пользуются, в отступление от действующих в отношении пленных правил и указаний, своевременно преподанных Министерствами внутренних дел и Военным, льготным, по сравнению с местными нашими рабочими, положением»⁴¹². В дополнение к циркуляру от 15 мая 1915 г. губернаторам предписывалось организовать через чинов полиции «строжайшее наблюдение за порядком расквартирования и содержания всех без исключения военнопленных в местах производства ими всякого рода работ, а военнопленных, уличенных в каких бы то ни было вызывающих действиях, надлежит немедленно передавать подлежащему военному начальству для наложения на них соответствующих дисциплинарных взысканий»⁴¹³.

Давление с мест вынудило центральные власти пойти на компромисс и 11 июня 1915 г. последовало разъяснение Министерства внутренних дел: «Признавая в государственных интересах крайне необходимыми работы военнопленных на казенных общественных и промышленных предприятиях, а также сельскохозяйственных, прошу для безостановочного правильного исполнения этих работ делать

⁴¹¹ Письмо начальника Главного управления по делам местного хозяйства // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. 1914. Д. 84 а. Л. 183-183 об.

⁴¹² О привлечении военнопленных к исполнению казенных и общественных работ // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. 1914. Д. 84 а. Л. 105.

⁴¹³ Там же. Л. 105 об.

по вашему усмотрению отступления от установленных правил, если это требуют местные условия и если означенные правила в чем-либо стеснительные, например, относительно размещения пленных или окарауливания»⁴¹⁴. Таким образом, к середине 1915 г. сложилась парадоксальная ситуация, при которой центральные власти, с одной стороны, пытались ужесточить надзор через циркуляры, а с другой – вынуждены были разрешать местным властям делать отступления от этих же циркуляров под давлением экономической необходимости. Ситуация неопределенности лишь усугубляла проблемы с дисциплиной и надзором.

Одновременно уже военное ведомство, Главное управление Генерального штаба, 18 июня 1915 г. направило начальникам военных округов секретный циркуляр, в котором по пунктам растолковало действия военных властей в связи с отказами военнопленных от работы, т.к. подобные действия ставили работодателей, «не пользовавшихся по отношению к находящимся в их распоряжении военнопленным никакой властью», в затруднительное положение, поскольку они не могли «принять каких-либо репрессивных мер против отказавшихся от работ пленными и вынуждены, в силу этого, отправлять таковых пленными обратно в распоряжение военного ведомства»⁴¹⁵.

Предписывалось: 1) объяснять, что труд военнопленных, в каком бы виде он ни применялся, обязателен и что отказ исполнять возложенные на него обязанности будет рассматриваться как открытое противодействие распоряжению правительства; 2) отказавшихся от работы военнопленных, по возвращении их в ведение военного начальства, надлежит выделять в особые группы и содержать на строгом режиме, с применением к ним особо строгих правил содержания в дальнейшем на все время пребывания их в плену; 3) принять меры к установлению, для военнопленных более или менее одинаковые жизненные условия, но не лучше тех, в каких находятся русские рабочие, работающие совместно с военнопленными; 4) в целях ознакомления с действительной обстановкой содержания наших военнопленных на

⁴¹⁴ Телеграмма МВД от 11 июня 1915 г. // ГАРФ. 102. Оп. 71. Д. 1186. Л. 141.

⁴¹⁵ Циркуляр главным Начальникам военных округов // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. 1914. Д. 84 а. Л. 124.

работах, главным образом сельскохозяйственных, командировать находящихся на излечении больных и раненых офицеров, которые еще недостаточно оправились, чтобы нести строевую службу, но по состоянию своего здоровья могут выполнить такое служебное поручение; 5) командируемые офицеры должны проверить порядок содержания военнопленных и, в случае необходимости, его изменить, чтобы ни в одном пункте работ военнопленные не назначались старшими над русскими рабочими, но в каждой партии работающих в данном пункте, обязательно должен быть назначен один из военнопленных старшим, который имел обязанность наблюдать за порядком в этой партии пленных; 6) командируемые офицеры должны «быть удовлетворены ординарными прогонными деньгами»⁴¹⁶.

Документ имеет важное значение с точки зрения определения переломного момента в политике военных властей с точки зрения организации надзорной политики в отношении военнопленных. Через меры, направленные на предупреждение от отказов от работы, намечалось решить целый комплекс возникших проблем: от стандартизации условий содержания, решения проблемы отсутствия дисциплинарной власти у работодателей, предотвращения угрозы распространения слухов, способных изменить настроение населения, до жесткого принуждения к труду с элементами репрессий, системного решения кризисных вопросов через многоступенчатые инструкции. Использование выздоравливающих офицеров в качестве инспекторов ставило задачу одновременного повышения контроля при экономии кадрового и финансового ресурсов.

Исполняющий должность начальника Генерального штаба М.А. Беляев спустя лишь несколько дней после отправки секретного циркуляра командующим округов, 21 июня 1915 г., сообщил товарищу министра внутренних дел В.Ф. Джунковскому, что «в соответствии с просьбой Вашей по поводу ходатайств пермского, уфимского, вятского и тобольского губернаторов, мною преподаны необходимые указания окружному начальству Казанского и Омского военных округов, в том

⁴¹⁶ Циркуляр главным Начальникам военных округов // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. 1914. Д. 84 а. Л. 124.

смысле, чтобы были приняты все необходимые меры к облегчению сельским хозяевам возможности пользоваться трудом военнопленных в настоящее особо острый период нужды в рабочих руках»⁴¹⁷. Это был вынужденный компромисс, признававший, что жесткая централизованная схема не работает в новых экономических условиях. Однако он создавал новую проблему: теперь каждая губерния могла устанавливать собственные правила размещения и охраны пленных, что вело к еще большему разнообразию ситуаций и, как следствие, к новым конфликтам.

Таким образом, к середине 1915 г. сложилась парадоксальная ситуация: центральные власти, с одной стороны, пытались ужесточить надзор через циркуляры, а с другой – вынуждены были разрешать местным властям делать отступления от этих же циркуляров под давлением экономической необходимости. Это создавало правовую неопределенность, которая лишь усугубляла проблемы с дисциплиной и надзором.

В новой Памятной записке от 30 июня 1915 г. Министерство внутренних дел подвело итог опыту использования военнопленных на сельскохозяйственных работах и зафиксировало назревшие проблемы, требовавшие пересмотра в сфере надзорной политики. Упомянутые нормы размещения небольших партий пленных не на обывательских квартирах, а обязательно в особо отведенных для того домах, с соблюдением при том казарменного строя, с привлечением, помимо десятников и сторожей, еще и полицейских чинов, которым бы эти десятники и сторожа были подчинены, на практике вызвало критику, причины которой были отмечены губернским начальством.

Екатеринославский губернатор указывал на необходимость отпуска пленных мелкими партиями на сельскохозяйственные работы в крестьянские хозяйства семейств призванных, оставшихся без работников. Саратовский губернатор представил по телеграфу ходатайство губернского земского собрания «о необходимости отпуска военнопленных незначительными группами для удовлетворения нужд даже незначительных крестьянских хозяйств по уборке хлебов, ввиду хорошего

⁴¹⁷ Письмо М.А. Беляева от 21 июня 1915 г. // ГАРФ. 102. Оп. 71. Д. 1186. Л. 149.

урожая и полного отсутствия на местах рабочих рук»⁴¹⁸. При этом губернатор отметил, что использование труда пленных лишь в больших экономиях породит неприязнь между различными группами населения⁴¹⁹.

В результате Министерствами внутренних дел и Военным было предложено местным властям, чтобы они «по своему усмотрению делали отступления от установленных правил для безостановочного и правильного исполнения работ, если это требуется местными условиями и если эти правила в чем-либо стеснительны, например, относительно размещения пленных или их охраны»⁴²⁰.

В связи с жалобой казанского губернатора на продолжавшиеся отказы военнопленных от работ и предъявление ими преувеличенных и невыполнимых требований, предлагалось передать пленных надзору губернатору, чтобы отказывавшихся работать по неуважительным причинам подвергать наказаниям немедленно и по возможности в районе производимых работ, а также устанавливать для пленных одинаковую оплату труда в данной местности и отменить распоряжение Генерального штаба о том, что при отправке пленных назад к военным, последние после этого работодателям не возвращались. Наконец, не разрешать командировавшимся для наблюдения за пленными офицерам лично делать какие-либо распоряжения⁴²¹.

Установление единой оплаты труда являлось важным пунктом, поскольку, получив определенную свободу, военнопленные могли выяснять размеры оплаты в других хозяйствах и отказывались от работы при условиях более низкого жалования у хозяина, в имении которого они трудились. Показательна и переписка о слухах, будто военнопленные в Хвалынском уезде Саратовской губернии находятся в привилегированном положении. В «совершенно секретном» письме сообщалось, что для проверки этих слухов был командирован советник губернского

⁴¹⁸ Памятная записка // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. 1914. Д. 84 а. Л. 127 об.

⁴¹⁹ Там же.

⁴²⁰ Там же. Л. 128.

⁴²¹ Там же.

правления, расследованием которого «выяснилось, что сведения эти не соответствуют действительности. К военнопленным предъявляются те же требования, что и в других уездах»⁴²².

Таким образом, созданная к лету 1915 г. разветвленная система правового регулирования труда военнопленных на практике столкнулась с серьезными проблемами, которые были отмечены в записке. В ответ на это Министерство внутренних дел и военное ведомство разрешили местным властям делать отступления от правил, если те мешают работам. Такого рода вынужденные шаги с одной стороны свидетельствовали о гибкости организаторов надзора, а с другой – о слабости осуществлявшегося централизованного контроля.

Процесс отказа от такого контроля из центра происходил поэтапно, с отступлением по отдельным позициям в пользу решения проблемы надзора через передачу полномочий частным лицам и местным органам власти. Губернаторы, не имея права непосредственно наказывать пленных, пытались издавать обязательные постановления в порядке «Положения о чрезвычайной охране». Так, в июне 1915 г. управляющий Харьковской губернией Масальский запросил разрешение издать такое постановление, чтобы подвергать аресту пленных «за неисполнение законных требований земских управ, полиции, стражи, также за самовольное оставление работ, за подстрекательство других к оставлению работ, за демонстративно дерзкие выходки по отношению к чинам полиции и к стране, за бесчинство и озорство и за распространение среди населения ложных слухов»⁴²³. Он прямо заявлял о том, что «в правилах отпуска военнопленных на сельскохозяйственные и другие работы нет указания на право административных властей за разные проступки налагать на военнопленных взыскание административным порядком»⁴²⁴, и просил телеграфного

⁴²² Переписка о привилегированном положении военнопленных в Хвалынском уезде, 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 1.

⁴²³ Телеграмма управляющего Харьковской губернией от 25 июня 1915 г. // ГАРФ. 102. Оп. 71. Д. 1186. Л. 151–152.

⁴²⁴ Там же. Л. 151.

на этот счет распоряжения: «Могу ли издать такие постановления без которых очень трудно поддерживать порядок и дисциплину среди пленных рабочих»⁴²⁵.

Однако директор Департамента полиции, рассмотрев это ходатайство, наложил резолюцию, что «возбужденный действительным статским советником Кошуро-Масальским вопрос, по моему мнению, представлялось бы соответственным разрешить в отрицательном смысле, так как военнопленные состоят в Военном ведомстве и, в случае неудовлетворительного поведения, должны быть возвращаемы военному начальству для наложения взысканий»⁴²⁶. Тем самым центральное полицейское ведомство подтвердило, что дисциплинарная власть над пленными остается за военными, а губернаторы не могут вводить собственные наказания. Это ограничение, однако, не решало проблему оперативного реагирования на проступки на местах и оставляло работодателей беззащитными перед требованиями и отказами пленных.

Более того, в Правилах не имелось указаний о том, кто и каким образом применяет и налагает на пленных в случае неповиновения их или нарушения установленного на работах порядка, благодаря чему гражданская власть лишена возможности принимать решительные меры, которые признавались бы ею безусловно необходимыми. Орловский губернатор, в частности, сообщал, что, по разъяснению штаба Московского военного округа от 27 мая 1915 г., гражданским властям следовало сообщать в штаб округа о необходимости передачи в ведение военного начальства непригодных пленных, а «о принятии каких-либо других принудительных мер по отношению к таким пленным там не указывается»⁴²⁷. На принятие решения штабом округа требовалось некоторое время (по мнению орловского губернатора, – «значительное». – *Г.Г. Воронин*). В итоге, «пленный продолжает находиться в распоряжении гражданской власти, которая не знает, как поступить с ним. Оставлять на работах – представляется опасным, налагать какое-либо взыскание не

⁴²⁵ Телеграмма управляющего Харьковской губернией от 25 июня 1915 г. Там же. Л. 152.

⁴²⁶ Резолюция директора Департамента полиции от 25 июня 1915 г. // ГАРФ. 102. Оп. 71. Д. 1186. Л. 153.

⁴²⁷ Письмо орловского губернатора в Главное управление Генерального штаба // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 191.

может, а местные военные власти отказываются принимать таких пленных в свое ведение, так как они не значатся у них на учете»⁴²⁸.

Лаишевский воинский начальник из Казанской губернии в конце июня 1915 г. следующим образом трактовал этот надзорный механизм на основе, по его словам, «существующих правил, разновременно данных указаний и предписаний». «Со дня передачи военнопленные всецело находятся под наблюдением и иждивением лиц, взявших их, а военное начальство снимает с себя всякую ответственность. В случае же самовольного оставления военнопленными экономий, где они работали (что можно объяснить только плохим надзором за ними) и задержания их полицией, военнопленные должны возвращаться не в вверенное мне управление, а обратно тем лицам, у которых они работали, и названные лица, в случае каких-либо недоразумений с военнопленными, обращаются непосредственно к той земской управе, от которой они получили военнопленных»⁴²⁹. Воинский начальник демонстрировал тем самым желание переложить ответственность на земства и помещиков, которые были непосредственно заинтересованы в сохранности рабочих рук.

Более того, применение тюремного режима по отношению к отказывавшимся от работ на практике не давало желаемых результатов, т.к. сельские хозяева или общественные учреждения при сдаче пленных одновременно оставались без нужных им рабочих, поскольку Генеральный штаб прием от сельских хозяев военнопленных разрешал, но выдачу взамен других не допускал⁴³⁰.

Позиция в отношении надзора уездного воинского начальника, естественно, во многом отличалась от представлений на этот счет военного министра. А.А. Поливанов в письме от 13 июля 1915 г. к министру внутренних дел Н.Б. Щербатову отвечал на вопрос о том, «к кому из представителей военного ведомства, в случаях не подчинения военнопленных установленным правилам или отказа от работ, подлежащие местные общественные установления и заинтересованные частные лица

⁴²⁸ Письмо орловского губернатора в Главное управление Генерального штаба. Л. 191 об.

⁴²⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 194.

⁴³⁰ Там же. Л. 171.

должны обращаться для применения к таким военнопленным необходимых мер строгости»⁴³¹.

Ответ представлял собой точную последовательную схему взаимодействия (в случаях неподчинения военнопленных установленным правилам или отказа от работ) гражданских, в лице работодателей, полицейских и военных властей. Работодателям следовало отправлять таких нарушителей, «при письменном заявлении, непосредственно или через ближайший полицейский стан в подлежащую земскую управу, для передачи местному воинскому начальнику, который и имеет право применять в отношении виновных необходимые, предусмотренные воинскими уставами меры воздействия»⁴³². Министр относился к военнопленному как к государственной собственности, поэтому право наказания он сохранял за военным ведомством, а гражданские структуры в лице земств, полиции, работодателей выступали в качестве пользователей и обслуживающего персонала этой системы.

Эволюция надзора за военнопленными, используемыми в сельском хозяйстве, представляла в итоге не просто переход от лагерной изоляции к распределенному контролю работ на местах, а сложную, состоявшую из ряда элементов бюрократическую модель, в которой функции наблюдения, принуждения и административного урегулирования оказались сознательно разведены между военным и гражданскими ведомствами. Право применения дисциплинарных мер сохранялось исключительно за местным воинским начальником, а работодатели и полиция выступали лишь в роли информаторов, направлявших письменные заявления через земские управы.

Примечательно, что полиция, вопреки предположениям о прямом полицейском надзоре, была лишена карательных функций и ее роль сводилась лишь к транзитному звену в бюрократической цепочке, а возможный произвол на местах должен был исключаться через жесткую письменную регламентацию всех действий. В результате была создана своеобразная система, в которой разбросанная на огром-

⁴³¹ Письмо А.А. Поливанова – Н.Б. Щербатову // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 195.

⁴³² Там же. Л. 195 об.

ных территориях и отсюда, отличавшаяся своеобразными чертами система контроля, сочеталась с централизованным бюрократическим управлением с правильно оформленными документами и строгим движением по инстанциям от работодателя к воинскому начальнику через полицию и земство.

К началу 1916 г. ситуация с надзором стала критической. По всей стране от землевладельцев сыпались жалобы на «полное нежелание» пленных работать, их «чрезвычайную распущенность» и самовольные уходы из хозяйств⁴³³. Особенно остро проблема стояла в хлеботородных губерниях: Оренбургской, Екатеринославской, Тамбовской, Саратовской, Херсонской и Пензенской. В Пензенской губернии, например, пленные пользовались настолько широкой свободой, что могли беспрепятственно гулять по городу и даже кататься в экипажах, ничем не отличаясь от местных жителей⁴³⁴, а в Уфе у частных лиц военнопленные использовались в качестве прислуги, истопников, рассыльных, дворников, швейцаров и т.п.⁴³⁵.

Слабый надзор порождал у пленных чувство безнаказанности и приводил к массовым отказам от работ, которые летом 1916 г. приняли «эпидемический характер». В докладной записке херсонского землевладельца А.Д. Сиротинского детально описывалась эта деморализация: пленные симулировали болезни, портили обувь и одежду под предлогом невозможности работать, вымогали мясо и увеличенную плату, избивали стражников и приказчиков, а также подстрекали местных крестьян к введению 8-часового рабочего дня⁴³⁶. Помещик отмечал полный хаос в нормах, регулировавших труд пленных, и на трагическую ошибку – подчинение их не военному надзору, а земским управам, которые не обладали никакой дисциплинарной властью⁴³⁷. Более того, многие чины полиции, включая исправников, попросту не знали о существовании циркуляров, дававшим им право применять меры

⁴³³ Письмо начальника Главного управления по делам местного хозяйства – директору Департамента полиции Е.К. Климовичу // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 426.

⁴³⁴ Там же. Л. 426 об.

⁴³⁵ Начальник Генерального штаба – товарищу министра земледелия А.А. Риттиху // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 439 об.

⁴³⁶ Докладная записка о военнопленных, посланных правительством на сельскохозяйственные работы // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 431.

⁴³⁷ Там же. Л. 430 об.

воздействия, и узнавали о них лишь спустя полгода⁴³⁸. Это неведение в течение многих месяцев убеждало пленных в их полной безнаказанности.

Центральные власти в очередной раз попытались навести порядок. Циркуляр МВД от 6 апреля 1916 г. (№ 14) предписывал, что питание пленных не должно быть лучше, чем у русских рабочих, «они обязаны работать в праздники, а за нерадивость их можно арестовывать на хлебе и воде до 7 суток»⁴³⁹.

Однако этого оказалось недостаточно, и в мае 1916 г. в Петрограде состоялось совещание губернаторов, созванное Министерством внутренних дел. На нем обсуждалась проблема двоевластия и потери влияния губернской власти в регионах. Газета «Речь» 10 июня 1916 г. сообщила о принятых на совещании решениях, свидетельствующих о трансформации системы надзора, осуществленной накануне июньского пика сельскохозяйственных работ. В частности, обсуждался вопрос об отпущенных военным ведомством для осуществления работ военнопленных, которые «во многих случаях предъявляли незаконные требования». Газета воспроизводила принятое на совещании решение: «Принимая во внимание, что использование труда военнопленный в сельскохозяйственной области и притом в самых широких размерах представляется в переживаемое время, при отсутствии рабочих рук, делом особой государственной важности, <...> приняты самые решительные меры к прекращению самовольного ухода и отказа военнопленных от работ, Министерство внутренних дел признало безусловно необходимым расширение предоставленных ныне губернскому начальству дисциплинарных прав по отношению к отпущенным для производства тех или иных работ военнопленным»⁴⁴⁰. Таким образом, по соглашению с Военным министерством был издан новый циркуляр (№ 29603)⁴⁴¹, который предоставил губернаторам права командира полка по Дисциплинарному уставу 1869 года: «простой арест до месяца, строгий (хлеб и вода) до

⁴³⁸ Докладная записка о военнопленных, посланных правительством на сельскохозяйственные работы // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 431.

⁴³⁹ Губернаторам // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 376–377.

⁴⁴⁰ Военнопленные // Речь. 1916. № 157. 10 июня.

⁴⁴¹ Губернаторам // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 413–413 об.

20 суток, усиленный (темный карцер) до 8 суток, а также смешанный арест и в крайнем случае – трехмесячное тюремное заключение»⁴⁴².

Смысл принятого решения сводился к тому, что губернатору предлагалось опубликовать обязательное постановление, о чем в свое время просил управляющий Харьковской губернией, которое вводило бы на его территории трехмесячное тюремное заключение как крайнюю меру для военнопленных-отказников. Военное министерство и Министерство внутренних дел с одной стороны не хотели принимать единый жесткий закон для всей империи, перекладывая ответственность и процедуру введения этой меры на губернаторов, чтобы те действовали по обстановке на местах. С другой стороны, губернаторы регулярно жаловались на то, что они не обладают достаточными полномочиями, чтобы оперативно решать вопросы, связанные с отказами военнопленных от участия в сельскохозяйственных работах. Теперь такие полномочия в осуществлении административно-карательных мер им были предоставлены.

Однако если простой, строгий и усиленный арест в общей сложности до одного месяца налагался без суда и представлял собой административное наказание, то самая крайняя мера в виде трехмесячного тюремного заключения на основе постановления губернатора означала переход из разряда дисциплинарных взысканий в уголовно-правовую плоскость, поскольку это уже был судебный приговор, спорный с точки зрения Женевской конвенции.

Газета «Речь», являясь практически органом партии конституционных демократов, т.е. оппозиционным изданием, поместила на своих страницах информацию о совещании губернаторов без своих комментариев, вероятно, показывая, что принятое решение говорит само за себя и не нуждается в дополнительном освещении.

К 1916 г. система надзора за военнопленными, распределенными по сельскохозяйственным работам, превратилась в одну из острых проблем, обнажив разрыв между бюрократическими предписаниями и нараставшими проблемами тыла. Новая особенность этого времени заключалась в том, что военнопленные уже были

⁴⁴² Губернаторам // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 403–403 об.

внедрены в крестьянские хозяйства, что практически делало невозможным реальный действенный контроль. Между тем, Россия находилась в тяжелейшей экономической ситуации, и государство пыталось выработать порядок, который обеспечил бы «наиболее целесообразное» использование труда военнопленных в ходе предстоящих летних полевых работ.

Военный министр А.А. Поливанов был уверен в необходимости заблаговременной и планомерной подготовки к использованию пленных в сельском хозяйстве, поэтому 19 декабря 1915 г. обратился к министру внутренних дел А.Н. Хвостову с предложением о создании межведомственного совещания. Инициатором созыва его выступило Министерство земледелия, которое было крайне заинтересовано в рабочей силе для предстоящих летних полевых работ. Поливанов подчеркивал в переписке с министром внутренних дел, что отпуск пленных на сельхозработы должен быть строго соразмерен с реальными потребностями в них всех других ведомств, чтобы не нанести ущерб оборонным и другим первостепенным работам: «Признавая, со своей стороны, вопрос о широком привлечении к означенным работам пленных, несомненно, требующим в интересах государства заблаговременного разрешения, и, притом, способом, могущим обеспечить наиболее целесообразное, в этом направлении, использование рабочей силы пленных, — мною признается созыв, в сих видах, такового совещания весьма желательным»⁴⁴³.

Межведомственный орган был создан под председательством генерала от инфантерии М.А. Беляева, с участием представителей ключевых министерств: Земледелия, Торговли и промышленности (отвечало за заводы и фабрики), Внутренних дел, Путей сообщения (отвечало за перевозки пленных к местам работ). Создание Особого совещания являлось очередной попыткой перехода от стихийного использования военнопленных к плановому распределению этого важнейшего государственного ресурса, от которого зависело не только продовольственное снабжение страны, но и решение многочисленных проблем, связанных с оборонными нуждами. Создание этой структуры было попыткой вывести решение проблемы на

⁴⁴³ Копия письма военного министра от 19 декабря 1915 года за № 25807 на имя министра внутренних дел // ГАРФ. Ф. 102. 1915. Оп. 73. Д. 10, ч. 60. Л. 2.

межведомственный уровень, подчинить ведомственные интересы общегосударственным.

В свою очередь уже под председательством начальника Главного управления по делам местного хозяйства 12 января 1916 г. состоялось совещание, на котором в том числе были приняты следующие положения: «1). Просить Военное ведомство сохранить всех военнопленных, находящихся ныне на сельскохозяйственных работах, – на этих работах в течение всего предстоящего полевого периода, о чем и сообщить губернаторам для сведения земских управ и сельских хозяев. 2). Просить Военное ведомство дополнительно направить на сельскохозяйственные работы еще 200000 военнопленных, то есть то их количество, которое не хватает до доведения числа ныне находящихся на работах (160000), до числа бывших на работах в прошлом году (360000)⁴⁴⁴.

Документ отражает противостояние между военными и гражданскими властями за контроль над трудовыми ресурсами военнопленных. Военное ведомство стремилось использовать их преимущественно для оборонных нужд, земства и губернаторы – для спасения сельского хозяйства, находившегося на грани краха из-за нехватки рабочих рук.

Последующая борьба проходила с переменным успехом. «Особое совещание по объединению всех мероприятий, касающихся снабжения армии флота и организации тыла» 17 августа 1916 г. приняло решение «об обязательном отобрании всех военнопленных, отпущенных для сельскохозяйственных работ в крестьянские хозяйства», но Совет министров в заседании 24 декабря 1916 г. пересмотрел, по инициативе Министерства внутренних дел, этот вопрос и отменил принятое постановление.

Новое решение сводилось к необходимости выработки на основе уже накопленного опыта вопросов, связанных с предупреждением побегов пленных, установления инспекционного надзора за содержанием и использованием их труда. Сове-

⁴⁴⁴ Положения, принятые на совещании 12 января 1916 г. под председательством начальника Главного управления по делам местного хозяйства // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 312.

щение должно было сформулировать общие положения на основе соглашения Министерства военного, Земледелия и Внутренних дел вопрос о снабжении пленными крестьянских хозяйств⁴⁴⁵.

Таким образом, к середине 1916 г. система надзора оказалась в тупике. Полиция зачастую бездействовала из-за незнания инструкций или нехватки людей, земства не имели карательной функций, а военные отказывались от помощи. Пленные, чувствуя безнаказанность и сталкиваясь с жестоким обращением, саботировали работы, что в условиях острой нехватки рабочих рук ставило под угрозу сбор урожая и продовольственное снабжение страны.

Отсутствие единых норм содержания и оплаты труда пленных вело к тому, что в одних местах они жили в привилегированных условиях, а в других – в крайней нужде. Это не только порождало конфликты, но и создавало ситуацию, при которой военнопленные стремились попасть на работы в более благополучные хозяйства, отказываясь от труда в худших условиях. Эта разница также подрывала дисциплину и вела к требованиям улучшения положения и отказам от работы. По определению исследователя Н.В. Суржиковой, надзор за пленными вне лагерей превратился в одну из самых сложных и противоречивых проблем военного времени⁴⁴⁶.

В аграрном секторе сезонное использование труда военнопленных отличалось в 1915–1916 гг. и в 1916–1917 гг., пройдя путь от организационного становления к обостренному конфликту, когда столкнулись интересы промышленности и деревни, а рост платы и вычетов из заработка пленных лишь усилили напряженность.

Если первый сезон был временем поиска приемлемой системы организации труда военнопленных и преодоления возникавших на этом пути трудностей в об-

⁴⁴⁵ По вопросу о выработке и установлении порядка проведения необходимых мер к возможно полному использованию рабочей силы военнопленных для сельскохозяйственных работ // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. 1915. Д. 10, ч. 60. Л. 6.

⁴⁴⁶ Суржикова Н.В. Российский плен 1914–1917 гг.: проблема институциональной атрибуции // Идеи и идеалы. 2014. № 3 (21). Т. 6. Часть 2. С. 8.

ласти надзора, то во втором сезоне уже отчетливо проявился конфликт между интересами государства, промышленности, сельских хозяев и самих пленных. Основная проблема состояла не просто в привлечении их к труду в деревне, а в том, что стоимость этого труда в условиях нараставшего продовольственного кризиса становилась все более тяжелым бременем для всех сторон.

Материалы второй главы показали, что опыт содержания и использования труда военнопленных в России в 1914–1916 гг. продемонстрировал не частный сбой лагерной или трудовой политики, а общий кризис государственного управления в условиях затяжной войны. Государство пыталось одновременно решить проблему изоляции огромных масс пленных и восполнить дефицит рабочих рук, однако не располагало для этого необходимым количеством кадров, способных обеспечить необходимый для этого надзор за военнопленными. Отсутствовала и единая структура в системе управления, готовая принять на себя всю ответственность при решении стоявших в этой области задач.

В результате предписания из центра запаздывали, ведомства соперничали, а местные власти и предприниматели действовали исходя из собственных страхов, интересов и возможностей. Надзор же оставался формальным или плохо организованным, условия содержания и труда – неравными, а сопротивление пленных, побег и саботаж превратились в обыденную практику.

В итоге к середине 1916 г. система надзора зашла в тупик, а к 1917 г. государственная политика в области военного плена превратилась в наглядное проявление общего кризиса системы управления. Она не только не решила экономических задач, но и подорвала доверие к власти через обострение социального климата в тылу.

ГЛАВА III

ИНСТИТУТ НАДЗОРА ЗА ВОЕННОПЛЕННЫМИ В РОССИИ ЧЕРЕЗ ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ И КРИЗИС УПРАВЛЕНИЯ (1915–1917 гг.)

3.1. Влияние общественных представлений о военнопленных в России на систему надзора

С проблемой надзора за военнопленными вне лагерной системы в годы Первой мировой войны был тесно связан, по определению исследователя И.А. Еремина, «гуманитарный аспект»⁴⁴⁷ их пребывания на различных территориях Российской империи.

В условиях Первой мировой войны российская провинция столкнулась не с воображаемым врагом, о котором можно было узнать из устных рассказов или из публикаций в печати, а с реальным, находившимся в тесной близости. Уже в первые месяцы войны в глубоком тылу Российской империи появились военнопленные из армий, воевавших против России государств, и местные жители получили возможность вступления с ними в непосредственное общение. Некоторая часть населения в итоге руководствовалась не приказами властей и не описанием зверств врага на фронте, а собственными представлениями.

По этому поводу крупнейшая российская газета того времени «Новое время» заявляла с открытой иронией в адрес властей: «После того как мы набили пленными все наши сибирские, зауральские города, где уже не рады жители этому новому "нежелательному" элементу, теперь мы стали их рассовывать по сибирским селам и деревням, и при том в полной уверенности, что именно там им место, что они помогут нашему крестьянину и в обработке весной земли, и в домашнем его обиходе <...> и чуть ли даже не возлагаем на них надежды, что они познакомят нашего сибирского крестьянина с лучшей крестьянской жизнью»⁴⁴⁸.

⁴⁴⁷ Еремин И.А. Отношение властей и населения Западной Сибири к военнопленным, размещенным на территории региона в годы Первой мировой войны // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2022. № 2 (51). С. 88.

⁴⁴⁸ Новое время. 1915. № 13996. 27 февраля.

С момента получения разрешения на использование военнопленных в промышленном и сельскохозяйственном производстве значительную роль в развитии представлений населения о военнопленных стал играть совместный труд, усложнивший отношения и создавший условия, при которых население стало зачастую относиться к пленным более мягко, чем власти, официально провозгласившие борьбу с «немецким засильем». Однако, в соответствии с письмом орловского губернатора в адрес министра внутренних дел, антинемецкая кампания, подхваченная периодической печатью, все же породила в крестьянской среде свои особые представления. «Постоянно возникают невероятные слухи о предательской деятельности иностранных подданных, живущих в пределах губернии, о появлении аэропланов, о найме и подкупе должностных лиц и о том, что многие помещики за большие деньги продали неприятелю свои имения»⁴⁴⁹.

По словам губернатора, крестьяне плохо разбирались в национальностях и почти не делали различий между немцами, австрийцами, иностранными подданными славянского происхождения, именуя их одним общим термином «иностранец». Исходя из этих соображений, губернатор настаивал на том, что «в целях охраны спокойствия в крестьянской среде, отнюдь не затрудняя и не сокращая отпуски военнопленных на работы, необходимо иметь возможность направлять военнопленных только в те местности, где прибытие их не внушает опасений»⁴⁵⁰.

О разнообразии возникавших ситуаций можно также судить по письму в Департамент полиции начальника Терского жандармского управления. В Благодаринский уезд Ставропольской губернии было направлено около 3 тыс. военнопленных австрийцев и германцев и из них около 100 человек уездная земская управа назначила в немецкую колонию Довсун. Это обстоятельство произвело, по словам жандармского офицера, удручающее впечатление на крестьян уезда и вызвало массу всяких кривотолков. Главным образом они сводились к тому, что «потому у нас плохи дела на войне, что наше начальство немцам очень потворствует: не только

⁴⁴⁹ О привлечении военнопленных к исполнению казенных и общественных работ // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. 1914. Д. 84 а. Л. 207.

⁴⁵⁰ Там же. Л. 208.

не выгоняют тех, которые жили в России до войны, но еще и в немецкую колонию немцев же назначают, – стало быть теперь нам не на кого надеяться, и самое лучшее перебить всех панов и повыгонять их из России, а земли их и имущество разделить между мужиками»⁴⁵¹. На основе полученной информации об этих настроениях ставропольский губернатор принял решение об удалении немецких военнопленных в другое место.

В свою очередь харьковский губернатор в августе 1915 г. направил письмо в Департамент полиции по поводу обращения правления товарищества «Ротермунд и Вейссе» с просьбой поддержать его ходатайство о командировании в имение военнопленных германцев для окончания уборки хлеба. Часть пайщиков этого общества являлась подданными Германии, другие, хотя и русские подданные, но немецкого происхождения. В результате, по словам губернатора, «окрестное крестьянское население настроено весьма враждебно против этого предприятия», поэтому использование труда немецких военнопленных, «может еще более раздражить местное крестьянское население, даже вызвать беспорядки»⁴⁵².

Вообще при распределении военнопленных землевладельцы изъявляли желание взять на работу в основном пленных славян. Это было связано с тем что такие пленные быстрее привыкали к местным условиям жизни, осваивали русский язык. В отношении же венгров, австрийцев и немцев среди сельских жителей присутствовала не только определенная антипатия, но и убеждение в том, что они отличаются «особой злобностью», так как заинтересованы в ухудшении российского хозяйства, поэтому пожары, гибель скота, ломка орудий и прочее, почти без сомнений приписывались крестьянами представителям этих национальностей и влияло на систему надзора.

Таким образом, война вносила многообразие политического и экономического характера, способные изменить настроение населения от любопытства и жалости (особенно к славянам и офицерам), до острого неприятия при вызывающем

⁴⁵¹ О привлечении военнопленных к исполнению казенных и общественных работ // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. 1914. Д. 84 а. Л. 241.

⁴⁵² Там же. Л. 242.

поведении и при возникновении конкуренции со стороны военнопленных, а также на основе распространяемых слухов в крестьянской среде. В этих условиях официальные власти вынуждены были выступать регуляторами новых тенденций в этих отношениях, а также предусматривать особенности надзора.

Томский исследователь А.Н. Талапин на основе оценок и высказываний членов Томской городской Думы на думских заседаниях предпринял попытку реконструкции образа врага в глазах представителей дореволюционной городской российской провинции. Наиболее типичные негативные оценки военнопленных в общем виде сводились к следующему: «Это враги, которых пришлось поселить в городе, заняв нужные для жителей помещения, в т.ч. учебные заведения; <...> пленные – это дармоеды, содержащиеся в убыток городу даже при условии компенсации расходов государством, <...> а труд пленных – лишь малая компенсация того ущерба, который они нанесли; <...> при этом пленные эпидемически опасны для населения самим фактом существования»⁴⁵³.

На наш взгляд исследователем была верно определена и причина самой яркой критической характеристики пленных, связанной с их недисциплинированностью, слишком свободным поведением в местах размещения, которое казалось вызывающим. «Отсутствие дисциплины или плохая дисциплина <...> это прямая критика политики российских властей, а не собственно пленных, которым лишь позволяли так себя вести»⁴⁵⁴. Именно этим проблемам уделялось активное внимание официальной прессы, стремившейся освободить систему надзора от сложившихся общественных представлений.

Выходивший в Санкт-Петербурге с 1907 по 1917 годы журнал «Вестник полиции» был одним из изданий, подчиненных Министерству внутренних дел. Этот еженедельный иллюстрированный журнал, посвященный «всесторонней разработке теоретических и практических вопросов полицейского дела», ставил своей

⁴⁵³ Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны в городе Томске глазами гласных городской думы (1914–1917) // Четвертые Ядринские чтения. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Революции и Гражданской войны в России. Омск, 30–31 октября 2017 года. Омск, 2017 С. 205–206.

⁴⁵⁴ Там же. С. 207.

главной задачей оказание помощи лицам, посвятившим себя службе в полиции. Таким образом, его основным читателем был действующий полицейский: урядник, пристав, чиновник сыскной полиции. Примечательно, что нумерация страниц в журнале была сквозной в течение одного года, поэтому ссылки на отдельные публикации выглядят необычно.

А.Б. Храмцов – один из немногих современных авторов, оценивший журнал в качестве исторического источника, отметил, что «Вестник полиции» представлял читателям многоплановые по содержанию сведения, глубоко и всесторонне разрабатывал «проблемы не только полицейской службы, обеспечения безопасности и правопорядка, но и организации общественной жизни в стране в целом»⁴⁵⁵.

Будучи официальным органом Министерства внутренних дел, «Вестник полиции» не являлся точным отражением реальности, ее зеркалом, а представлял собой попытку ее идеологического изменения, а в вопросах, связанных с военнопленными Первой мировой войны, был инструментом формирования через полицию сознания жителей страны, столкнувшихся с необычным для себя появлением многочисленных представителей других национальностей не только в столичных городах, но и в самых отдаленных уголках страны.

Именно поэтому публикуемые в нем материалы о военнопленных являются для нас столь ценными – они раскрывают не столько реальное положение дел, сколько то, как власть хотела бы видеть эту ситуацию с точки зрения сохранения за собой контроля над ней, и как она пыталась воздействовать на умы своих служащих, сталкивавшихся с беспрецедентной ситуацией вражеского присутствия в тылу.

На начальном этапе войны, уже вскоре после появления первых партий военнопленных из представителей воевавших против России государств, «Вестник по-

⁴⁵⁵ Храмцов А.Б. Журнал «Вестник полиции» как исторический источник (1907–1917 гг.) // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2014. № 2 (26). С. 48.

лиции» опубликовал статью с примечательным названием «Мы и военнопленные»⁴⁵⁶. В ней отмечалось, что германские и австрийские войска проявляют «возмутительно-зверское отношение и к нашим раненым, и к гражданскому населению». Военнопленные из этих стран были эвакуированы вглубь российских территорий и вот здесь, по мнению автора публикации, оказалось, что некоторая часть населения стала «пылать любовью к пленным врагам, да еще пытается публично демонстрировать эти свои, по меньшей мере, антипатриотические симпатии. Очевидно, что такой образ действий не может не вызвать общее глубокое возмущение и горячее осуждение»⁴⁵⁷.

Публикация в журнале призывала местные администрации принять необходимые меры, зависевшие от местных условий, к прекращению такого рода бестактных выходок. Главным же способом решения этих проблем выступала необходимость ужесточения надзора за военнопленными, т.е. они «должны быть поставлены в такие условия, дабы они были лишены возможности к совершению таких действий, которые могут оскорбить наше национальное чувство или причинить нам какой-либо ущерб»⁴⁵⁸. Автор статьи в «Вестнике полиции» среди таких условий называл запрет для военнопленных «собираться в публичных местах группами, свободно общаться с публикой, дозволять вызывающие действия, и прочее»⁴⁵⁹.

Пожалуй, самый распространенный образ, который обозначался на страницах журнала, – это особый тип пленного, который, пользуясь «русским добродушием», нарушает установленные нормы и представляет для страны реальную угрозу. Он определялся в качестве опасного врага, пользовавшегося «излишней свободой», для того, чтобы распространять «разные тревожные слухи», заниматься шпионажем.

Материалом, иллюстрирующим эти возможные действия, можно считать заметку «Изолируйте пленных», представлявшую собой эмоциональное письмо некоего «Подп. А. Я.», со всей очевидностью фронтового офицера, который заявлял:

⁴⁵⁶ Мы и военнопленные // Вестник полиции. 1914. № 45. 7 ноября. С. 778.

⁴⁵⁷ Там же.

⁴⁵⁸ Там же.

⁴⁵⁹ Там же.

«Неужели русские люди, русские женщины не понимают, как тяжело, как больно знать нам, что "чувствительные дамы и девицы вешаются на шею пленным немцам, венграм, австрийцам и туркам, а московские саврасы возят этих пленных по театрам, ресторанам и кафе-шантанам"?»⁴⁶⁰. Причина такой популярности некоторых из военнопленных объяснялась в заметке тем, что венгры и австрийцы выступали в различных российских городах в качестве «учителей музыки, языков, утонченных манер и страсти нежной»⁴⁶¹.

Автор публикации в журнале обращался к властям с требованием ужесточить режим проживания военнопленных в российском тылу, а результатом изоляции от населения должна была стать невозможность повторения упомянутых явлений⁴⁶².

Эта публикация в ведомственном журнале Министерства внутренних дел, не является прямым доказательством массового «увлечения» российских женщин иностранными пленными. Однако сам факт размещения такого письма в «Вестнике полиции» говорит о том, что тема была острой и тревожной для властей, опасавшихся отказа от строгостей надзора. Подтверждением может служить доклад уполномоченного И.Ф. Белика в Совет Всероссийского попечительства о пленных славянах, в котором были отражены схожие настроения: «Местное уфимское общество встретило очень радушно австрийских офицеров, балуют и катают их со своими женами и дочерьми. Некоторые из австрийских офицеров ведут себя так нахально и дерзко, что и в их враждебном настроении к России и славянству нечего сомневаться. Двое австрийских офицеров высмеивая на улице православного батюшку, который ходил с иконой, плюнули в его сторону, когда он проходил мимо них»⁴⁶³.

Похожие настроения отражались и в опубликованном под заглавием «Запрещение общения с военнопленными» письме самарского губернатора председателю Особого комитета Самаро-Златоустовской железной дороги. В документе речь шла

⁴⁶⁰ Изолируйте пленных // Вестник полиции. 1915. № 10. С. 321.

⁴⁶¹ Там же.

⁴⁶² Там же.

⁴⁶³ Доклад уполномоченного Ив. Фед. Белика в Совет Всероссийского попечительства о пленных славянах // РГИА. Ф. 909. Оп. 1. Д. 425. Л. 10 об.

о том, что на железнодорожных станциях, особенно на станции Самара, находившаяся на платформах публика, контактировала с военнопленными, выражала им сочувствие, а также «приобретает у них вещи и проч., и даже были случаи поднесения им цветов»⁴⁶⁴. Губернатор предлагал издать особое постановление, которое пресекало бы контакты населения с военнопленными, запрещало бы «посторонним лицам находиться около поездов с пленными, вести с ними разговоры и приобретать принадлежавшие им вещи»⁴⁶⁵. Эта публикация содержала прямое указание на неэффективность изоляции военнопленных, а одним из проблемных мест называлась железная дорога, служившая для их массовых перевозок вглубь страны.

Еще более неожиданным среди подобных мест представлял лазарет с сестрами милосердия. Раненый солдат через журнал для полиции жаловался: «Когда приходит очередь гулять русским, то или им не выдают платья, или же сестры сопровождать не желают. А с пленником сестры ходят. Они и одевают пленных, и оправляют костюм»⁴⁶⁶. Таким образом, получалось, что сестры милосердия добровольно предпочитали врагов своим, что однозначно воспринималось как предательство. Хотя врач лазарета объясняла все гораздо проще: «Пленные, вообще говоря, культурнее русских, почему и может казаться, что отношение некоторых лиц из лазаретного персонала к ним лучше»⁴⁶⁷.

Однако не только на железнодорожных станциях и в лазаретах, но и в местах проживания военнопленных городские власти «вынуждены» были принимать экстренные меры. В заметке «Обоянские "гражданки"» говорилось об обращении городского головы города Обояни к женскому населению, некоторые представители которого во время прогулок около домов, в которых проживали пленные офицеры, оказывали им знаки внимания, вызывавшие негодование граждан города. Городской глава обозначил такое поведение как «антипатриотические выпады» и требовал прекращения этих «позорных действий»⁴⁶⁸.

⁴⁶⁴ Запрещение общения с военнопленными // Вестник полиции. 1915. № 17. С. 547.

⁴⁶⁵ Там же. С. 547

⁴⁶⁶ В саратовских лазаретах // Вестник полиции. 1915. № 11. С. 355.

⁴⁶⁷ Там же.

⁴⁶⁸ Обоянские «гражданки» // Вестник полиции. 1915. № 33. С. 1059.

Журнал «Вестник полиции» регулярно обращался к «проблеме» российских женщин, проявлявших сочувствие к пленным. Они изображались как наивные, легкомысленные, даже готовые к предательству. Издание тем самым пыталось продемонстрировать образ безответственного тыла, требовавшего дисциплинирующего вмешательства со стороны полиции.

Парадоксальным, но постоянным мотивом заметок становится также описание вполне благоустроенной жизни пленных, что вызывало справедливое возмущение воевавших на фронте и усугубляло социальную напряженность. «Комфортная жизнь» оказавшихся в российском плену солдат, а особенно – офицеров, выступала не просто в качестве повода для негодования, но нужна была для единения тыла через противопоставление «сытого» и довольного своим положением врага и «голодающего» русского солдата.

Первая объемная публикация в журнале на эту тему появилась в конце декабря 1914 г. под названием «Как обращаются с германскими пленными у нас»⁴⁶⁹. В ней приводились «кое-какие прошедшие в печати сведения», но, в основном, без ссылок на конкретные издания. В информации о Москве говорилось об общественном недоумении на почве излишней снисходительности, допускаемой в иных случаях по отношению к находившимся в Москве военнопленным германским и австрийским офицерам. «Переодетые в штатское платье пленные офицеры посещают не только театры, как, например, Большой, но их можно встретить и в кафе-шантанах, и в первоклассных ресторанах вроде «Яра». Вообще русское добродушие по отношению к врагам переходит в Москве границы элементарной этики»⁴⁷⁰.

Рассказывалось также о приглашении главного врача одного из госпиталей на обед, устраиваемый в его честь выздоровевшими ранеными австрийскими офицерами. Мероприятие не состоялось только благодаря вмешательству высшего начальства, признавшего подобную затею нетактичной⁴⁷¹.

⁴⁶⁹ Как обращаются с германскими пленными у нас // Вестник полиции. 1914. № 52. 26 декабря.

⁴⁷⁰ Там же.

⁴⁷¹ Там же.

Далее, со ссылкой на пользовавшуюся ежегодными субсидиями из сумм секретного министерского фонда⁴⁷² ежедневную консервативно-монархическую газету «Северное слово», издаваемую в Вятке служащим Министерства внутренних дел Михайловым, сообщалось о выявленных проверкой в Слободском уезде Вятской губернии в одном из помещений Белохолуницкого завода устраиваемых двумя музыкантами из военнопленных концертов. На них собиралось от 10 до 15 человек. Журнал сообщал о мерах последовавшего на это событие воздействия. «Учительница земского училища Князева, принимавшая в этих вечерах участие как исполнительница была устранена от должности на все время чрезвычайной охраны»⁴⁷³. Остальные участники были разосланы по разным селениям.

В статье «Вековое зло» «Оренбургская газета», характеризовавшаяся патристическими настроениями и организованной ей дискуссией по переименованию Оренбурга в «Граньгород», утверждала, что стекавшиеся со всех концов в Оренбург «Рихарды, и Генрихи», очень часто «занимают здесь то же привилегированное положение владетелей в своей вотчине, как и до войны в какой-нибудь Риге»⁴⁷⁴.

«Вестник полиции» сообщал также, без ссылки на конкретное издание, о концертах военнопленных в Костроме: «купили здесь гармонию за три рубля, кларнет привезли из Австрии (знали, должно быть, что пригодится) и поют, и наигрывают разные песенки»⁴⁷⁵. Так ли живут наши пленные в Германии? – задавал вопрос автор статьи в журнале.

Этим объясняется представленный в «Вестнике полиции» обобщенный образ военнопленного в заметке из Астрахани «Комфорт у пленных»: «Австрийское офицерство <...> устроилось в самой Астрахани с полным комфортом: живут на частных

⁴⁷² Правая печать и субсидии // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 15151. 16 октября.

⁴⁷³ Как обращаются с германскими пленными у нас // Вестник полиции. 1914. № 52. 26 декабря.

⁴⁷⁴ Там же.

⁴⁷⁵ Там же.

квартирах, свободно, как хотят проводят время, имеют денщиков из своих же австрийских солдат, получают по Женевской конвенции "жалованье" и чувствуют себя как дома»⁴⁷⁶. В других номерах издания эта тема получила развернутое звучание.

Монархические партии не ограничивались публикациями в печати и напрямую обращались к властным структурам. Например, 7 октября 1914 г. руководитель «Союза русского народа» Марков 2-й от имени Главного совета организации направил министру внутренних дел просьбу от провинциальных отделов «пока не поздно», принять необходимые меры к тому, «чтобы военнопленные были повсеместно изолированы и находились под действительным надзором»⁴⁷⁷. В письме также отмечалось, что «существующий порядок содержания военнопленных, помимо вредного воздействия их на дух и настроение запасных, представляет также опасность для стратегических путей сообщения и важных государственных и общественных сооружений и открывает, кроме того, широкое поле деятельности для заграничного шпионажа»⁴⁷⁸.

Между тем, «Вестник полиции» в начале 1915 г. публиковал официальные данные о поездке представителей Министерства внутренних дел Ларионова, Цветкова и генерала Левашова для обследования быта военнопленных в местах их размещения. Проверяющие посетили северный, южный и восточный районы России и на месте ознакомились с состоянием дел. Из представленных докладов министру внутренних дел Н.А. Маклакову следовало, «что военнопленные не пользуются никакими излишними правами и привилегиями, но и не терпят никаких лишений»⁴⁷⁹. Только в одной из губерний восточной России «ревизором было замечено излишне предупредительное отношение к военнопленным, но после соответствующего указания, сделанного им администрации, вопрос этот был урегулирован в надлежащем смысле»⁴⁸⁰.

⁴⁷⁶ Комфорт у пленных // Вестник полиции. 1915. № 11. С. 355.

⁴⁷⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. 1914. Д. 97. Л. 1 об.

⁴⁷⁸ Там же.

⁴⁷⁹ Обследование быта военнопленных // Вестник полиции. 1915. № 2. С. 60.

⁴⁸⁰ Там же.

Проблема комфортной жизни военнопленных сохранилась на страницах «Вестника полиции» вплоть до 1917 г., наполняясь новым содержанием, смысл которого можно свести к опасениям властей, что пленные «развращаются» и плохо влияют на порядок. На страницах издания внушалось, что наведение порядка в надзоре за пленными необходимо в чисто государственных интересах, поскольку они оставались врагами, которые не упустят случая причинить вред. Возможности вредной деятельности журнал находил в самых необычных сферах. Так, заметка «Занятия военнопленных» раскрывала еще одну грань активности военнопленных. Согласно информации, доведенной до сведения министра внутренних дел, «размещенные в некоторых губерниях империи военнообязанные и военнопленные, <...> обладая достаточными средствами, занимаются с коммерческой целью изысканием и скупкой предметов, являющихся памятниками русской старины»⁴⁸¹. Пленные якобы пользовались плохой осведомленностью местного населения об исторической и культурной ценности принадлежавших им предметов искусства. Таким образом наносился прямой ущерб не только несведущим соотечественникам, «но и для науки изучения России, от которой бесследно уходят памятники древности»⁴⁸².

В докладе уполномоченного И.Ф. Белика в Совет Всероссийского попечительства о пленных славянах, был приведен такой пример: «Приехавшие пленные офицеры из Перемышля, богатые в наличные деньги. На моих глазах один уфимский торговец, владелец лучшего магазина "Петроград" (раньше "Берлин") заключил с австрийским офицером торговое товарищество о скупке в Уфе яиц и отправлять их в Петроград с барышом 100%. Разговор вели на немецком языке. Офицер вступил в товарищество с 400 рублями, которые сейчас ему наличными передал»⁴⁸³.

На фоне нараставшего к концу 1916 г. экономического кризиса в России, прежний образ военнопленного, представленный в журнале, дополнялся новыми

⁴⁸¹ Занятия военнопленных // Вестник полиции. 1915. № 23. С. 738.

⁴⁸² Там же.

⁴⁸³ Доклад уполномоченного Ив. Фед. Белика в Совет Всероссийского попечительства о пленных славянах // РГИА. Ф. 909. Оп. 1. Д. 425. Л. 10 об.

актуальными для текущего времени чертами. Теперь он еще представлялся обладателем значительных финансовых средств или конкурентом, отнимавшим работу у местных жителей, скупавшим старину. В этих условиях ужесточение надзора необходимо было не только для безопасности, но и для социальной защиты населения от экономической активности пленных.

Показательным вариантом приносимого военнопленными вреда представляется сюжет из саратовского лазарета, где раненые пленные германцы и мадьяры размещались в лучших помещениях, «кровати у пленных с сетками, с двумя матрацами, мягкие, а русским раненым начальство даже и досок под матрацы не давало. Белье с пленных меняется чуть ли не через три дня, а русские получают чистое белье значительно реже»⁴⁸⁴. Это была уже не просто «жалоба» на хорошую жизнь врага, а документальное свидетельство прямой дискриминации собственных военнослужащих, зафиксированное официальным журналом.

Повседневная жизнь военнопленных изображалась с явными преувеличениями в сторону их независимости от местных властей. Сообщение из Вологды содержало такую информацию: «В печати появились известия о том, что высланные немцы ведут себя в Вологде несдержанно, и изданные административные обязательные постановления, как-то: запрещение посещать рестораны, появляться вечером, ходить группами и говорить по-немецки, – постановления, "свято соблюдаемые обывателями", свободно нарушаются немцами»⁴⁸⁵.

В журнале подчеркивалось, что на основе обязательного губернаторского постановления «германским и австрийским подданным воспрещается: посещать рестораны и гостиницы первый разряда, пивные, театры, кинематографы и публичное увеселения, появляться группами свыше трех человек, выходить из дому позже девяти часов вечера, причем за недонесение отвечают и другие проживающие вместе немцы, менять квартиру без разрешения полиции, приближаться ближе 300 шагов к железной

⁴⁸⁴ В саратовских лазаретах // Вестник полиции. 1915. № 11. С. 354.

⁴⁸⁵ Военнопленные в Вологде // Вестник полиции. 1915. № 4. С. 118.

дороге, выходить за черту населенного пункта водворения, проявлять нескромное обращение с женщинами, разговаривать в публичных местах по-немецки»⁴⁸⁶.

Вологодский вице-губернатор Фукс отмечал, что по каждому частному заявлению о нарушении военнопленными обязательных постановлений составлялись протоколы. Однако при этом он с явным сожалением констатировал, что таких заявлений поступало немного, и большинство взысканий было наложено по представлениям самой полиции⁴⁸⁷.

Еще одна проблема, получившая освещение в журнале «Вестник полиции», затрагивала экономические отношения в условиях войны и участие в них военнопленных. Тематика журнальных заметок постепенно расширялась, рисуя образ военнопленного как активного участника трудового процесса, что ставило перед властями и конкретно перед полицией новые задачи.

С одной стороны, это была проблема трудовой дисциплины и самоорганизации пленных. Так, во второй половине апреля 1915 г. в журнале была опубликована небольшая заметка, перепечатанная из газеты «Саратовский листок». Из нее следовало, что в селе Аркадак, Балашовского уезда, Саратовской губернии 120 из 215 военнопленных «отказались отправиться на работы, заявив о нежелании работать вообще»⁴⁸⁸. Однако еще более важным обстоятельством выступало то, что местные полицейские власти послали запрос в адрес властей, с просьбой выслать необходимые инструкции относительно их действий в этой ситуации.

Министерство внутренних дел, признавая недопустимыми такого рода факты, было вынуждено запрашивать у губернаторов информацию о масштабах проблемы и мерах по ее предотвращению. Этот сюжет является яркой иллюстрацией того, как система надзора не поспевала за вызовами, которые сами пленные ей создавали. В данном случае речь шла о принципиальном отказе от участия в сельскохозяйственном труде, но помимо этой проблемы повсеместно возникали примеры индивидуальных отказов работать.

⁴⁸⁶ Военнопленные в Вологде // Вестник полиции. 1915. № 4. С. 119.

⁴⁸⁷ Там же.

⁴⁸⁸ Вестник полиции. 1915. № 17. С. 549.

Для полноты картины, редакция публиковала и материалы о положении наших соотечественников в плену. Эти сведения должны были не только информировать, но и вызывать сочувствие к «своим» и, как следствие, неприязнь к «чужим», которые якобы живут в тылу лучше.

В № 22 журнала в 1915 г. была опубликована заметка «Помощь военнопленным»: «Согласно сведениям, <...> русские военнопленные, находящиеся в Германии и Австро-Венгрии, испытывают острую нужду в белье, сухарях, чае, сахаре и табаке»⁴⁸⁹. Этот контраст – «сытые» враги в России и голодные русские солдаты в Германии – становился мощным инструментом, при помощи которого через страницы «Вестника полиции» до его читателей доносился негативный образ врага, пусть уже и оказавшегося в состоянии плена, но по-прежнему требовавшего осуществления по отношению к нему строгого надзора.

Таким образом, материалы «Вестника полиции» создают многомерный и сложный образ военнопленного: от комфортно живущего оппонента до хитроумного предпримчивого дельца и даже забастовщика. Несомненно, что этот образ не был реальным срезом действительности, он был необходим для военной и ведомственной системе надзора для определения направлений действий при решении конкретных административных задач. Публикации в журнале позволяют при этом выявить наиболее острые из них на разных этапах войны.

Публикуя подробные рассказы о «комфорт» пленных и «забастовках», «Вестник полиции» оправдывал в глазах своих читателей необходимость ужесточения полицейского надзора. Эти материалы служили также указателем на то, что может являться причиной недовольства гражданскими и военными начальниками на местах, не способными навести порядок. Таким образом, в руках редакции журнала образ врага становился не просто иллюстрацией, а действенным орудием мобилизации полицейских сил, призванных обеспечивать безопасность тыла.

Вопросы, связанные с особенностями взаимоотношений населения России с военнопленными, затрагивались, естественно, не только в ведомственной печати,

⁴⁸⁹ Помощь военнопленным// Вестник полиции. 1915. № 22. С. 706.

оказывавшей влияние на одного из важных элементов осуществления надзора – сотрудников Министерства внутренних дел. Исследователь Д.Н. Аверин, изучавший особенности использования труда военнопленных в Тобольской губернии, отмечал, что гражданское население относилось к ним лояльно. «В периодической печати тех лет практически нет статей с негативными отзывами о военнопленных. Можно сказать, что если не возникало конфликтов на почве оплаты труда или содержания военнопленных, то отношение к ним было хорошим»⁴⁹⁰.

Вопрос об оплате труда требует дополнительного разъяснения. Департамент полиции 2 августа 1915 г. разослал губернатором циркуляр об изменении порядка отпуска военнопленных на работы. В документе отмечалось, что в представлениях своих по этому поводу некоторые губернаторы отмечают, что на некоторых предприятиях появление военнопленных представляется нежелательным по соображениям особого характера, так как они могут вызвать не только справедливые недовольство, но и озлобление той части местного населения, «которое приобретает средства к жизни исключительно работами на фабрике и заводе и в привлеченных к таким работам военнопленных увидит конкурентов»⁴⁹¹.

Столичные и провинциальные газеты регулярно обращались к этим проблемам, иногда вызывая особое внимание военных и полицейских органов. Так, по поводу публикации в газете «Новое время» в самом конце февраля 1915 г., т. е. перед началом весенних работ в сельском хозяйстве страны, в Департаменте полиции возникло целое дело, включившее в себя обширную переписку, связанную с совершенствованием надзорной практики.

Такое внимание к публикации в газете, так же, как и к статьям в «Вестнике полиции» было вполне естественным, поскольку затронутые в «Новом времени» проблемы являлись ключевыми для военных и полицейских органов. Главный смысл этой публикации был определен самим «Новым временем» следующими

⁴⁹⁰ Аверин Д.Н. Первая мировая война. Военнопленные в Тобольской губернии // Исторические исследования: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань, 2016. С. 2.

⁴⁹¹ Письмо костромского губернатора 27 июня 1915 г. в Главное управление по делам местного хозяйства по поводу новых правил передачи просьб о выдаче военнопленных штабами округа // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. 1914. Д. 84 а. Л. 198–198 об.

словами: «Действительность уже готовит нам в этом отношении полное разочарование и, вдобавок ко всему этому, такие неприятности, которых мы и не ожидали»⁴⁹².

Наиболее тревожным для властей оказались факты женского сочувствия военнопленным, требующего определенного административного контроля. Статья «Нового времени» была опубликована после прохождения военной цензуры, но с удалением большого отрывка, посвященного именно этой проблеме. В гранках с вычеркнутым текстом, сохраненных в деле Департамента полиции, поднималась проблема социально-бытового взаимодействия военнопленных с жителями сибирских деревень, отмечалось, что иностранцы, активно включились в досуг местной молодежи, особенно активно участвуя в сельских вечерках, внося в них новые элементы, что вызывало неподдельный интерес публики.

Ситуация, когда пленные предлагали свою помощь солдаткам – женам фронтовиков, подвергалась резкой критике. Автор статьи в газете считал такие контакты двусмысленными и способными подорвать репутацию женщин в глазах сельской общины: «Крестьяне не верят своим глазам, видя на возу солдатку и пленного какого-нибудь драгуна, и только хлопают руками, удивляясь этой нахальности и тому, что это "допускает начальство"»⁴⁹³.

Главная опасность, по мнению публициста «Нового времени», заключалась не столько в реальных действиях, сколько в неминуемом расползании слухов о поведении солдаток в тылу. Распространение такого рода сведений могло повлечь деморализацию армии, поэтому широкое применение получило требование ужесточить контроль в преддверии массового притока военнопленных. «Уже теперь в этом отношении в сибирских деревнях – крупное недовольство. Что будет тогда, когда обнаружится это в широком размере повсюду, когда с наступлением весны пленные разойдутся по всей Западной Сибири и займут ее всю и всю ее встревожат»⁴⁹⁴.

⁴⁹² Пленные в Сибири. Из-за Уралья (корреспонденция «Нового Времени») // Новое время. 1915. № 13996. 27 февраля.

⁴⁹³ О недопустимой распущенности и размещении военнопленных в местах расквартирования // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 216. Л. 11.

⁴⁹⁴ Там же. Л. 11 об.

Примечательно, что для военной цензуры, находившейся в ведении Военного министерства, на первом месте было душевное равновесие нижних чинов, находившихся в окопах. Военные власти требовали ужесточить дисциплину в тылу из-за того, что пленные вели себя развязно, в частности, по отношению к женщинам, беспокоило и налаживание пленными отношений с местным населением. Для полицейских же чинов приведенные примеры, которых на самом деле было не столь много, вызвали тревогу своей критикой социального порядка в тылу. Зато, благодаря этим фактам, вызвавшим общественный резонанс, появилась возможность ужесточить полицейский режим, направленный на все население, а не только на пленных.

В дальнейшем военная цензура продолжала вырезать из текстов публикаций места, связанные с отношением российского женского населения с военнопленными, а 2-е отделение Департамента полиции завело специальное дело под названием «О недопустимой распущенности и размещении военнопленных в местах расквартирования».

По мнению автора статьи в «Новом времени», проблема надзора усложнялась тем, что военнопленные, водворенные в Оренбургской, Тобольской и Томской губерниях, размещались не только по городам, но и в сельской местности, причем зачастую сотнями человек в крупных селах и десятками – в небольших деревушках вдоль Сибирской железной дороги⁴⁹⁵.

Всем им выдавалось суточное денежное содержание в размере около пяти рублей в месяц, что, по мнению наблюдателей, не только позволяло «устроиться сносно в продовольственном отношении», но и ставило их в более выгодное положение по сравнению с приютившими их крестьянами, поскольку пленные имели возможность ежедневно употреблять к чаю или кофе масло, являвшееся для значительной части сельского населения в условиях военного времени труднодоступным продуктом. Этот вывод газетной статьи был подтвержден состоявшимся позднее совещанием в Томске, констатирующим, что «продовольственное обеспечение

⁴⁹⁵ Донесения томского и тобольского губернаторов о масштабах размещения военнопленных в сельской местности вдоль железнодорожных магистралей // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 219. Л. 23.

пленных за счет казенных средств ставит их в более выгодное положение по сравнению с местными крестьянами, страдавшими от нехватки продуктов»⁴⁹⁶.

Размещение производилось по крестьянским избам – по два-три человека на дом, а иногда и более, однако хозяйственная отдача от такого соседства оказалась минимальной: пленные, по свидетельствам современников, «долго спят, поздно встают, долго пьют чай и кофе с маслом, "по заграничному", готовят себе разные кушанья», демонстрируя полное нежелание включаться в сельскохозяйственные работы⁴⁹⁷.

Особое раздражение у крестьян вызывало категорическое заявление пленных о том, что они не согласны пахать и сеять, производить удобрение земли и вообще помогать в каких-либо работах, даже за высокую поденную плату, поскольку были вполне обеспечены казенным содержанием и не видели необходимости «ихним врагам мозолить руки»⁴⁹⁸. Таким образом, на фоне острого дефицита рабочих рук, вызванного мобилизацией мужского населения, присутствие в деревне военнопленных, которые не только не восполняли трудовые потери, но и демонстративно отказывались от любой помощи крестьянским хозяйствам, становилось поводом для нарастания недовольства.

По поводу публикации в «Новом времени», имевшей, как уже отмечалось, резонансные последствия, 17 апреля 1915 г. Департамент полиции обратился к томскому губернатору с просьбой сообщить для доклада министру внутренних дел, сведения по содержанию этой газетной статьи⁴⁹⁹. В своей телеграмме в Петроград 8 мая 1915 г. управляющий губернией С.А. Володимиров кратко ответил: «Статья "Пленные в Сибири", безусловно, верна, но не полна и бледна»⁵⁰⁰.

⁴⁹⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 216. Л. 25.

⁴⁹⁷ Там же. Л. 25 об.

⁴⁹⁸ Рапорт оренбургского губернатора о настроениях среди военнопленных и их нежелании участвовать в сельскохозяйственных работах, мотивированном достаточностью казенного довольствия // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 219. Л. 32–32 об.

⁴⁹⁹ О недопустимой распущенности и размещении военнопленных в местах расквартирования // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 219. Л. 17.

⁵⁰⁰ Там же. Л. 22.

Заместитель министра внутренних дел В.Ф. Джунковский 21 мая 1915 г. направил военному министру В.А. Сухомлинову письмо, где, препровождая копию статьи газеты «Новое время» «Пленные в Сибири», просил о «зависящем распоряжении о прекращении недопустимой распушенности пленных, опасной для государственного порядка и общественной безопасности»⁵⁰¹.

Министру внутренних дел Н.А. Маклакову 15 мая 1915 г. прислал письмо самарский губернатор, который аргументировал свое сообщение заботой о нижних чинах, находившихся на фронте. Письма солдат содержали тревогу о том, что «они проливают кровь на войне и испытывают всевозможные лишения, а их враги (пленные) пользуются жизненными удобствами и покоем в их семьях, причем призванных, по-видимому, беспокоит мысль о возможном появлении в их семьях разврата»⁵⁰². Таким образом, военнопленные вызывали все большие проблемы, которые формировались вокруг неэффективного надзора.

В противоположность сообщениями из Томска и Самары отчет тобольского губернатора, присланный 18 июня 1915 г. в Департамент полиции, не содержал призывов к изменению сложившейся ситуации⁵⁰³. Однако в нем признавался факт массового размещения пленных в городах губернии – 20 тыс. и еще больше (23 тыс.) в селениях, а просьбы о прекращении притока пленных были отклонены военным командованием по указанию начальника Главного управления Генерального штаба генерала *от инфантерии* М.А. Беляева⁵⁰⁴.

При этом тобольский губернатор утверждал, что автор корреспонденции в «Новом времени» слишком обобщил один или несколько фактов, вероятно, имевших место. <...> На территории же губернии «размещение пленных (исключительно славян) по деревням производилось путем расквартирования по обывателям, причем домохозяйки-солдатки, не имеющие в семье работников, от постоя

⁵⁰¹ О недопустимой распушенности и размещении военнопленных в местах расквартирования // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 219. Л. 27–27 об.

⁵⁰² Там же. Л. 28 об.

⁵⁰³ Там же. Л. 33.

⁵⁰⁴ Там же. Л. 33–33 об.

пленных были освобождены. Сведений о сожительстве пленных с крестьянскими женщинами до сего времени ко мне не поступало...»⁵⁰⁵

Пленные как рабочая сила в Тобольской губернии были «необходимы для деревни», с их помощью удалось вспахать поля и посеять хлеб, «и, можно надеяться, произойдет и сбор урожая», хотя по качеству работы они, безусловно, уступали русским крестьянам⁵⁰⁶. Таким образом, проблема надзора решалась по-разному, но при всех различиях условий необходимо было учитывать экономическую неизбежность использования пленных. Отказ от использования труда военнопленных был невозможен даже при самом остром социальном недовольстве, что принципиально меняло ситуацию и делало ее неразрешимой в рамках существовавших правовых норм.

В политическом обзоре Восточно-Сибирского района, составленном в Иркутске в августе-сентябре 1915 г. для Департамента полиции, были отражены особенности отношения местного населения к военнопленным. В документе отмечалось, что, в отличие ситуации в Приамурском генерал-губернаторстве, в Иркутском военном округе наблюдалось враждебное отношение к пленным. Причиной тому в документе обозначалось то обстоятельство, что «население видит здесь чрезмерные заботы о них»⁵⁰⁷. В обзоре отмечались возможные последствия такой ситуации в условиях нараставшего политического кризиса. А.В. Ануфриев и Д.В. Козлов в своем исследовании отмечают: «Небольшие сибирские города были не в состоянии "переварить" массы пленных»⁵⁰⁸ Читинская дума сообщала: «Если в Читу будут посланы военнопленные в большем количестве, чем в прошлом году (35 тыс. чело-

⁵⁰⁵ О недопустимой распушенности и размещении военнопленных в местах расквартирования // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 219. Л. 33 об.

⁵⁰⁶ Там же.

⁵⁰⁷ Политический обзор Восточно-Сибирского района // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 219. Л. 37.

⁵⁰⁸ Ануфриев А.В., Козлов Д.В. Военнопленные Первой мировой войны и их место в культурном ландшафте городов Восточной Сибири // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики): материалы X Всероссийского научного симпозиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября 2020 г.) [Электронное издание]. Москва, Омск, 2020. С. 154.

век), то население будет поставлено в крайне тяжелое положение, так как в настоящее время ощущается более острый недостаток продуктов, чем это было несколько месяцев назад, подвоз же продуктов стал очень затруднителен»⁵⁰⁹.

К лету 1916 г. кризис надзора проявился и в северо-восточной части Европейской России в городе Котельниче Вятской губернии. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что директор канцелярии Министерства внутренних дел запросил вятского губернатора Н.А. Руднева о поведении военнопленных, вызывавшем якобы отрицательное отношение к ним местного населения. До министерства дошли сведения, что пленные «ведут себя крайне вызывающе и распространяют слухи, что русские скоро будут побеждены»⁵¹⁰. Однако в ответе вятского губернатора от 18 июня 1916 г., отмечалось, что выдвинутые обвинения не подтвердились – «установить какой-либо факт агитации или распространения со стороны военнопленных слухов о близком поражении русских войск не удалось»⁵¹¹.

Гораздо более серьезной оказалась другая проблема: в городе Котельниче находилось до 300 военнопленных, включая 40 офицеров, причем три четверти состава принадлежали австрийской службе, а остальные – германской. Надзор был поручен капитану Черкасову – делопроизводителю уездного воинского начальника, который «имеет за ними сравнительно слабый надзор, поверяет их лично редко, а поручал это делать унтер-офицеру котельнической местной команды Чуйкову»⁵¹². Результат оказался закономерным: «офицеры бродили по городу без всякого присмотра и держали себя слишком свободно, а нижние чины, отпускавшиеся в город командами по 5–10 человек, конвоировались только ратниками ополчения (большей частью одним стариком), ходили по тротуарам, раскуривали табак и громко смеялись, не давая дороги проходившей публике»⁵¹³.

⁵⁰⁹ Цит. по: *Ануфриев А.В., Козлов Д.В.* Военнопленные Первой мировой войны и их место в культурном ландшафте городов Восточной Сибири. С. 154.

⁵¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 219. Л. 42.

⁵¹¹ Там же. Л. 41.

⁵¹² Там же. Л. 41 об.

⁵¹³ Там же. Л. 40 об. – 41 об.

Хотя с 1 июня 1916 г. наблюдение стало более строгим, вятский губернатор признавал его недостаточным. История с пленными в Котельниче была доведена до председателя Совета министров Б.В. Штюрмера, который 24 июня 1916 г. обратился за разъяснениями к военному министру Д.С. Шуваеву, требуя принять «самые решительные меры к устранению таковых недочетов, с тем, чтобы военнопленные в Котельниче содержались во всем в полном соответствии с правилами, установленными действующим у нас Положением о военнопленных»⁵¹⁴.

Котельнический эпизод продемонстрировал механизм принятия экстренных решений по вопросу надзора. Однако их реализация зачастую упиралась в отсутствие достаточного числа офицеров для решения этих задач, передачу функций унтер-офицерам и ратникам ополчения, невозможность изолировать офицеров от нижних чинов – все это превращало военнопленных в бесконтрольную массу, чье присутствие в тылу становилось источником социального напряжения.

Рассмотрение предоставленных документов позволяет сделать вывод о том, что кризис надзора за военнопленными в 1915–1916 гг. носил системный характер, обусловленный фундаментальным противоречием между экономической необходимостью использования труда военнопленных и неготовностью административного аппарата к их интеграции в тыловую жизнь. Отношение же населения к военнопленным отличалось неоднородностью и колебалось от любопытства и сочувствия до открытого возмущения и враждебности, а власти видели в обоих проявлениях потенциальную угрозу «разлагающего» влияния на тыл. Наиболее конфликтными оказались провинциальные города, где пленные размещались в частных домах или вместе с русскими солдатами, а также госпитали, где они занимали места, предназначавшиеся для раненых российских солдат и офицеров.

Анализ материалов журнала «Вестника полиции» показывает, что система надзора в 1914–1917 гг. находилась под влиянием общественных представлений, которые вступали в противоречие с официальными циркулярами. С одной стороны,

⁵¹⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 219. Л. 39.

экономическая необходимость заставляла власти идти навстречу населению и использовать труд пленных, с другой – включение военнопленных в трудовую деятельность на местах постепенно стало восприниматься журналом как угроза моральному состоянию тыла и даже как угроза национальной безопасности.

Военное ведомство в свою очередь не могло выделить достаточного числа офицеров для надзора, полицейские силы были малочисленны и перегружены другими проблемами, а нормы довольствия и размещения, установленные «Положением о военнопленных», не всегда совпадали с реальными возможностями губерний, страдавших от нехватки продовольствия и рабочих рук.

Социальная паника, отражавшая реальные проблемы – нехватку продовольствия, опасения за поведение солдаток, наполненные тревогой письма с фронта, – одновременно могли служить инструментом давления губернаторов на центр в целях добиться расширения собственных полномочий, а в отдельных случаях и выделения ресурсов, что в конечном итоге также противодействовало установлению единых норм надзора.

Однако, несмотря на все страхи и многократные обращения к военному командованию и Министерству внутренних дел, власти не могли отказаться от труда пленных – именно поэтому томское совещание настаивало на принудительном привлечении их к работам, а тобольский губернатор прямо признавал, что без пленных не удалось бы провести весенний сев. В 1916 г., как показывает ситуация в Котельниче, надзорные проблемы так и не были решены, обретя хроническую форму.

3.2. Система военно-полицейского надзора в условиях нарастающего кризиса (1916–1917 гг.)

Система военно-полицейского надзора за военнопленными, созданная в Российской империи, начала давать сбои уже в первые месяцы военного конфликта, а ключевым фактором ее неэффективности стал беспрецедентный масштаб плена, создававший проблемы учета, являвшегося основой надзора. По данным такого учета пленных распределяли по лагерям, рабочим командам, сортировали по национальности, вероисповеданию, профессии, физическому состоянию, что позволяло не только управлять, но и следить за потенциально «неблагонадежными».

Таким образом, учет военнопленных в Первой мировой войне был не просто бюрократической процедурой, а стержнем всей системы надзора, делая его непрерывным и всепроникающим.

В работе уже приводились данные немецкого историка Р. Нахтигаль. Объединив приведенные им показатели, можно говорить об общем количестве, находившихся в российском плену в годы Первой мировой войны 2 млн 350 тыс. человек⁵¹⁵. Эти сведения в целом совпадают с данными, который приводит польский историк А. Миодовский, ссылавшийся на статистику Международного комитета Красного Креста. Он заявляет, что до большевистской революции на территории России находилось в общей сложности 2.342.378 военнопленных: 2.414.146 австро-венгров и почти четверть миллиона немцев и турок⁵¹⁶.

Генеральный штаб русской армии называл на 1 сентября 1917 г. общее число военнопленных 1.961.333 человек, из германских – 159.390, австрийских –

⁵¹⁵ Нахтигаль Р. Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 143.

⁵¹⁶ Miodowski A. Escapes from Russian Captivity by Prisoners of War Taken on the Eastern Front (August 1914 – February 1917) // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2021. Volume 34. Issue 2. Pages 303–321.

1.736.764, турецких – 64.509, болгар – 670 человек⁵¹⁷. Современная российская историографии придерживается этих показателей⁵¹⁸. При этом как отечественные, так и зарубежные исследователи отмечают, что, несмотря на множество сохранившихся источников, окончательный подсчет числа военнопленных затруднен по ряду причин объективного характера.

Составление информации было проблематичным уже на начальном этапе военных действий, на сборных пунктах – непосредственно на фронте. Так, в ноябре 1914 г. начальник штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта жаловался в штаб Верховного главнокомандующего, что «сведения о пленных из армий поступали несвоевременно и неполные», что не давало возможность составить какую-либо общую сводку⁵¹⁹.

В декабре этого же года начальник Главного управления Генерального штаба генерал от инфантерии М.А. Беляев в телеграмме в Ставку объяснял сложности выяснения точного количества военнопленных, взятых на полях сражения, следующим образом. «Все взятые нами пленные по характеру состояния, в котором они находятся к данному моменту могут быть подразделены на следующие семь категорий. Первая – размещенные в пунктах постоянного квартирования во внутренних военных округа. Вторая – состоящие в лечебных заведениях, также во внутренних округах. Третьи – привлеченные к разного рода принудительным работам по соответствующим сторонним ведомствам. Четвертая – находящиеся в лечебных заведениях, подведомственных начальникам военных округов, районах театра войны. Пятая – состоящие в лечебных заведениях в ведение начальства тыла действующей армии. Шестая – остающиеся по тем или иным причинам в распоряжение строевого начальства действующей армии, наконец, седьмая – находящиеся на передовой»⁵²⁰. Строгому учету были подвержены, с его слов, первые две категории. Имелись более-менее точные сведения на основании нарядов о третьей категории пленных.

⁵¹⁷ Россия в мировой войне в цифрах. (1914–1918 гг.). М., 1925. С. 41.

⁵¹⁸ Степанов А.И. Цена войны: жертвы и потери / Мировые войны XX века. В 4 книгах. Кн. 1. М., 2002. С. 629.

⁵¹⁹ О военнопленных // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 543. Л. 7 об.

⁵²⁰ О военнопленных // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 544. Л. 15–16.

Остальные четыре категории пленных, признавал А.М. Беляев, не поддавались никакому постоянному учету «за неимением о них каких-либо определенных данных»⁵²¹. Вследствие этого им предлагалось проведение однодневной повсеместной переписи военнопленных, которая и была назначена на 28 февраля 1915 г.

Однако проведение переписи лишь подтвердило несостоятельность системы учета военнопленных. По ее итогам, а также включая взятых в последующий период (в том числе и в Перемышле) на 25 марта 1915 г., пленных насчитывалось 10.614 офицеров и 594.310 нижних чинов, что было намного меньше цифр, которыми располагал штаб Верховного главнокомандующего, получавший сводки непосредственно с фронтов⁵²². Причем разница составила в 134.990 человек⁵²³.

Объяснить такое числовое несовпадение пытались установившемся в Галицийском генерал-губернаторстве порядком, когда пленных галичан освобождали на месте властью военного генерал-губернатора и отпускали по домам. Однако данные, полученные из Галиции, свидетельствовали, что таким образом было освобождено всего 4.290 человек⁵²⁴.

Количество пленных, умерших в госпиталях на театре военных действий, установить не удалось. В результате было решено остановиться на следующем данных (с учетом пленных, взятых после падения Перемышля): 10.734 – офицеров, 602.000 – нижних чинов. Эта информация и была доведена до Николая II, а затем и опубликована в печати⁵²⁵. Таким образом, официальная статистика военнопленных с самого начала не отличалась необходимой достоверностью. Цифры, публиковавшиеся в печати и доводившиеся до императора, в полной мере не отражали реальность, но выглядели с точки зрения военного командования правдоподобными и политически приемлемыми.

Попытки исправить ситуацию с учетом поступавших и размещенных во внутренних губерниях военнопленных предпринимались неоднократно. Тем не менее

⁵²¹ О военнопленных // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 544. Л. 16.

⁵²² Там же. Л. 57 об.

⁵²³ Там же.

⁵²⁴ Там же. Л. 69.

⁵²⁵ Там ж. Л. 69 об.

по ряду причин это не удавалось сделать. Так, на местах их учет изначально был возложен на военных начальников, которые представляли списки военнопленных в Главное управление Генерального штаба и Центральное справочное бюро о военнопленных. В этих списках должны были отмечаться все изменения, которые происходили в состоянии военнопленных: болезни, перевод в другой пункт поселения, назначения на работы и пр. Однако при сосредоточении в некоторых пунктах дислокации до 20 тыс. человек составление списков занимало продолжительное время. При отдаленности мест размещения пленных в Сибири и в Туркестане сам процесс доставления о них сведений в Петроград затягивался на два-три месяца. Зачастую случалось так, что в момент получения информации в центре, военнопленные были уже отправлены на работы в другой округ.

В мае 1916 г. было решено внедрить карточную систему регистрации пленных в Центральном справочном бюро⁵²⁶. Причем, принимая во внимание, что охрана пленных, находившихся на работах гражданских ведомств, обеспечивалась работодателями при содействии полиции, их регистрацию планировалось передать губернским администрациям в лице уездной полицейской власти⁵²⁷. Основываясь на данных заполненных военнопленными нескольких карточек уездный полицейский должен был доносить в штаб военного округа о состоявших у него на учете пленных к 1 и 15 числу каждого месяца и отправлять туда одну из заполненных карточек, вторая – отправлялась в губернскую администрацию, а оттуда – в Центральное справочное бюро.

Таким образом, учет военнопленных фактически переходил в сферу ответственности Министерства внутренних дел. В компетенции воинских начальников оставалась проверка посылок, получаемых военнопленными, а также учет их писем, которые только с их разрешения и печатью передавались в военную цензуру⁵²⁸. Такой порядок регистрации вводился для военнопленных, которые находились во

⁵²⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 550. Л. 18 об.

⁵²⁷ Там же. Л. 19.

⁵²⁸ Там же. Л. 20 об.

внутренних губерниях Российской империи. Те из них, которые были задействованы на работах на линии фронта, продолжали оставаться в компетенции военных начальников. Однако и там проблемы сохранялись, поскольку, согласно телеграмме военного министра в Ставку верховного главнокомандующего от 3 января 1917 г., «надлежащий учет и регистрация имеющихся у нас пленных до настоящего времени невозможна главным образом за отсутствием точных данных о военнопленных, находящихся на фронте»⁵²⁹.

Несовершенство учета военнопленных не было единственной проблемой. Уже на раннем этапе войны обнаружилась и правовая неготовность системы, поскольку разработанное «Положение о военнопленных» не было рассчитано на массовый приток пленных.

Показательно, что уже в конце декабря 1914 г. Главным управлением Генерального штаба было издано распоряжение командующим войсками военных округов о размещении военнопленных по казачьим станицам, поселкам и деревням с возложением надзора за военнопленными на местные казачьи и полицейские власти. При этом жители этих населенных пунктов должны были обеспечивать пленных продовольствием «за кормовой оклад при условии надзора за пленными местными казачьих и полицейских властей, а равно ополченских унтер-офицеров»⁵³⁰. Военные начальники, в свою очередь, отдали соответствующие распоряжения губернаторам.

Так, от временно исполняющего обязанности командующего Казанским военным округом 3 января 1915 г. губернатором была получена телефонограмма следующего содержания: «Решено по заполнении в самом непродолжительном времени всех подготовительных в городах мест для военнопленных размещать их среди населения, а потому прошу неотлагательно сообщить, какое число пленных, в каких поселках, деревнях, местечках, хуторах, усадьбах, станицах может быть размещено по обывателям с довольствием от населения за кормовой оклад при

⁵²⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 550. Л. 12.

⁵³⁰ О размещении военнопленных, взятых на полях сражений, по селам, деревням с назначением надзора за военнопленными на полицейских чинов // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 1232. Л. 15.

условии надзора за пленными местных полицейских властей. Кормовой оклад для губернии 24 коп.»⁵³¹

Телеграммы аналогичного содержания были направлены также другим губернаторам, и распоряжение командующих округов поставило их в крайне затруднительное положение. Например, иркутский генерал-губернатор телеграфировал министру внутренних дел: «Принимая внимание, что глава четвертая «Положения о военнопленных» возлагает заведывание ими на Военное министерство, ... что никаких указаний возможности передачи военнопленных в ведение гражданских властей, возложении надзора [за] ними на полицию в «Положении» не содержится, а также крайней недостаточности наличного состава полицейских чинов в крае даже для выполнения прямых обязанностей, затрудняясь исполнить просьбу командующего войсками, прошу Ваших указаний по телеграфу»⁵³².

Комментарии по поводу полученной телефонограммы свидетельствуют о том, что все: от командующего округом, до чинов полиции вполне понимали последствия такого решения в отношении организации контроля за военнопленными: «Военнопленные будут жить почти без всякого надзора; отряды стражников размещены по городам и распылять их по селениям для наблюдения за военнопленными не представляется возможным, так как при возникновении каких-либо беспорядков среди населения трудно немедленно их сосредоточить, дабы, не дав разогреться беспорядкам, тотчас же их прекратить»⁵³³.

При размещении военнопленных в селениях по обывателям было рекомендовано в связи с этим, чтобы «они помещались в особых избах исключительно группами, питались бы из котла и были обязаны за плату исполнять сельскохозяйственные работы в экономиях помещиков и бесплатно на полях призванных запасных и ратников ополчения; чтобы была организована особая стража из эвакуированных с

⁵³¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 1232. Л. 10.

⁵³² Там же. Л. 1 – 1 об.

⁵³³ Там же. Л. 10 об.

театра военных действий нижних чинов знакомых с правилами охраны и дисциплины, причем они были вооружены хотя бы одними револьверами»⁵³⁴. Кроме этого, было высказано пожелание о предоставлении главноначальствующим права подвергать военнопленных аресту до трех месяцев в административном порядке за нарушение дисциплины и организацию беспорядков.

На несоответствие с «Положением о военнопленных» распоряжений командующих войсками округов указывал в обращении в Военное министерство и министр внутренних дел⁵³⁵. Свое отношение по поводу размещения военнопленных «по казачьим станицам, поселкам и деревням с возложением надзора за военнопленными на местных казачьих и полицейских властей», наконец, высказало и Военное министерство в лице товарища министра А.П. Вернандера, который заявил, что «особые условия настоящей войны создали появление у нас настолько огромного количества военнопленных, забираемых нашими войсками на полях сражений, что Московский, Казанский, Омский, Туркестанский, Иркутский и Приамурский военные округа, назначенные районами окончательного размещения военнопленных, в настоящее время использованы уже до крайней степени и, по донесению начальства названных выше округов, дальнейшее размещение военнопленных в пределах этих округов порядком, указанным высочайше утвержденным "Положением о военнопленных", представляется совершенно невыполнимым»⁵³⁶.

Предложение о размещении военнопленных было принято, по его словам, в качестве исключительной, временной меры в пределах Омского, Казанского и Иркутского военных округов. Кроме того, он выражал надежду, что «в связи принятыми мерами в ближайшем будущем острота вопроса о размещении военнопленных будет совершенно парализована»⁵³⁷. К таким мерам он относил постройки барачных и земляных, приспособление для жилья сараев и других нежилых помещений, а равно широкое использование, с наступлением весны, лагерных построек. Кроме

⁵³⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 1232. Л. 11.

⁵³⁵ Там же. Л. 18.

⁵³⁶ Там же. Л. 49 – 49 об.

⁵³⁷ Там же. Л. 50.

этого, он указывал, что с принятием «Правил об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы», общее руководство охраной отпущенных на работы военнопленных, действительно, будет передано под наблюдение губернаторов и местной полиции⁵³⁸.

Однако к весне 1915 г. стало очевидно, что первоначальные исключительные меры не столько решали проблему, сколько ее откладывали. Признание Военным министерством невозможности размещать пленных в порядке, установленном «Положением о военнопленных», означало фактический пересмотр правовых основ военного плена.

В мае 1915 г. от Генерального штаба с инспекторской проверкой условий быта и порядком размещения военнопленных в Иркутском и Омском округах был командирован генерал А.Г. Сандецкий. В результате поездки им были предложены новые правила содержания военнопленных. Документы, датированные 4 и 6 июня 1915 г., зафиксировали еще одну попытку строгой регламентации повседневной жизни пленных и четкого распределения полномочий между военной и гражданской администрацией.

Согласно первому документу (от 4 июня 1915 г.), все военнопленные – генералы, штаб- и обер-офицеры, а также нижние чины – передавались в ведение местного уездного воинского начальника. Это означало перенос центра тяжести надзора с фронтовых структур на тыловые. Устанавливалась жесткая сословно-иерархическая дифференциация быта: генералам разрешалось жить на отдельных квартирах, тогда как штаб- и обер-офицерам предписывалось жить казарменно в особо отводимых городскими управлениями помещениях, как и нижним чинам⁵³⁹.

Нижние чины делились на роты, командование которыми поручалось прапорщикам, «признанным негодными к строевой службе», а за неимением таковых – унтер-офицерам, также по возможности из числа негодных к службе в строю. В ротах должен был быть установлен и постоянно поддерживаться порядок жизни

⁵³⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 1232. Л. 50.

⁵³⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 544. Л. 123.

«во всем согласно уставу внутренней службы»⁵⁴⁰. Этот пункт являлся прямым документальным подтверждением серьезной кадровой проблемы, поскольку армия, не имея возможности выделить строевых офицеров для надзора за многомиллионной массой пленных, делегировала эти функции лицам, неспособным к реальному командованию, что изначально ставило под сомнение эффективность планируемого контроля. Всем военнопленным воспрещались отлучки из мест, назначенных для жительства, посещение общественных мест, прогулки и разного рода увеселения.

Второй документ (от 6 июня 1915 г.) был адресован губернаторам и определял порядок взаимодействия военных и гражданских властей. Губернаторы обязывались ознакомить городскую и уездную полицию с установленным порядком содержания военнопленных. Полиция должна была о всех замеченных нарушениях со стороны военнопленных немедленно уведомлять уездного воинского начальника и доносить губернатору, который в свою очередь, после получения донесений от исправников немедленно должен был уведомлять командующего войсками округа⁵⁴¹.

Особое внимание уделялось надзору за военнопленными нижними чинами, направленными на работы (сельскохозяйственные, промышленные, по ходатайствам земств и городов). Губернаторы через уездную полицию обязывались наблюдать за тем, чтобы пленные размещались в подходящих помещениях и получали пищу согласно установленным правилам, а также не отлучались из своих помещений после возвращения с работ. Во всех командах пленных, направленных на работы, один из них назначался за старшего, который и отвечал за все нарушения порядка, неисполнение работ и неповиновение. Лица, взявшие к себе военнопленных для работ, обязывались о всех нарушениях порядка немедленно уведомлять местную полицейскую власть для донесения губернатору⁵⁴².

⁵⁴⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 544. Л. 123.

⁵⁴¹ Там же. Л. 124.

⁵⁴² Там же.

Однако в предпринятой в июне 1915 г. попытке нормативного упорядочения режима содержания военнопленных присутствовали очевидные противоречия. С одной стороны, детально прописанные правила демонстрировали стремление государства установить постоянный контроль над размещением и времяпрепровождением пленных, четко разграничить полномочия военных и гражданских властей. С другой стороны, реализация этих норм была заведомо невозможна из-за дефицита достаточного количества кадров и отсутствия казарм. Возложение на полицию и губернаторов обязанности следить за бытом и питанием пленных на работах, при недостаточности у них реальных рычагов воздействия на работодателей, превращало эти предписания в формальность.

Работодатели, в свою очередь были не в состоянии или не заинтересованы устанавливать должный надзор за военнопленными. Начальник штаба Верховного главнокомандующего сообщал в Генеральный штаб о том, что «содержание военнопленных, отпущенных на работы частным лицам, далеко не отвечает установленным правилам, вследствие отсутствия должного надзора военнопленные совершают побег и пользуясь отсутствием мужского населения учиняют буйства. Репрессии или вовсе отсутствуют или являются запоздалыми и слабыми, и не пресекают разрастающихся безобразий»⁵⁴³. Назначение «старшего» из числа самих пленных для того, чтобы он отвечал за дисциплину и невыполнение работ, неминуемо должно было привести к ослаблению системы, уже неспособной на основании собственных возможностей обеспечить надзор за военнопленными.

Действительно, еще одной фундаментальной проблемой, определившей неэффективность всей системы надзора, стал дефицит кадров. Мобилизация изъема из тыловых структур наиболее подготовленных и опытных людей из полиции и жандармерии, что, как уже отмечалось ранее, привело к их замене на нестроевые команды и солдат, не годных к строевой службе. Эта проблема усугублялась огромной территорией Российской империи и постоянно растущим числом военнопленных.

⁵⁴³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 547. Л. 123.

Этот кадровый дефицит создавал уязвимость системы, делая невозможным эффективный контроль даже при наличии формальных инструкций. Причем ситуация на стратегических объектах, таких как строительство Мурманской железной дороги, была не менее критичной. Так, О.В. Змеева, исследуя в своей статье социальный порядок на «Мурманстройке», отмечает, что руководство дороги в 1915–1916 гг. привлекало для обеспечения безопасности разнообразные группы стражников, однако их численность и качество подготовки явно не соответствовали масштабам задачи⁵⁴⁴. Стражники, набранные преимущественно из представителей кавказских национальностей, черкесов, лезгин и ингушей, почти не говорили по-русски, что затрудняло не только надзор, но и элементарное взаимодействие с пленными. В августе 1916 г. в докладе начальника управления сооружения железных дорог А.Ф. Трепова министру путей сообщения констатировалось, что охрана состояла из 942 горцев, т. е. на каждого стражника приходилось более 40 пленных⁵⁴⁵.

Серьезность проблем с кадрами для охраны военнопленных в России волновала в том числе и союзников. Так, большие опасения относительно надежности охраны военнопленных высказывала британская военная миссия в Лондоне, по сведениям которой 4000 пленных австрийцев, находившихся в Ашхабаде, «окарауливаются весьма слабо (50 старых нижних чинов не вполне хорошо вооруженных)»⁵⁴⁶. Об этом англичане сообщили 12 августа 1916 г. начальнику российского Генерального штаба.

Недостаток кадров неизбежно порождал коррупцию и злоупотребления, которые стали не исключением, а нормой повседневной жизни. На строительстве Мурманской железной дороги, где использовался труд десятков тысяч пленных, были выявлены массовые злоупотребления при начислении и выплате заработной

⁵⁴⁴ Змеева О.В. Социальный порядок на Мурманстройке. Часть 1. Этнические группы – акторы социальной системы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43. № 8. С. 72.

⁵⁴⁵ Новикова И.Н. «Россия – страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену...» // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 58.

⁵⁴⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 547. Л. 120.

платы. Инспектор Российского общества Красного Креста А.В. Романова, объезжавшая Мурманскую трассу, свидетельствовала: «...От пленных приходилось постоянно выслушивать жалобы на то, что они совсем не получают обещанных им денег. Общее правило расплаты не применяется всюду одинаково. На некоторых участках пленные не получают ничего за работу. Расчет обычно задерживается и начисляется произвольно. При перемещениях (довольно частых) от одного работодателя к другому, а также при поступлении в больницы пленные обыкновенно совершенно не получают заработанных ими денег»⁵⁴⁷.

Пленные жаловались на жестокость охраны, состоявшей преимущественно из «недисциплинированных, плохо понимавших русский язык, без нужды прибегавших к нагайке» и занимавшихся вымогательством денежных средств⁵⁴⁸. Результатом кадровых проблем и коррупции стала полная неэффективность надзора, одним из симптомов которой были массовые побегі. Первоначальные расчеты на то, что многомиллионная масса пленных будет надежно изолирована и контролируема, оказались несостоятельными.

Так, министр иностранных дел 12 мая 1915 г. сообщал начальнику штаба Верховного главнокомандующего об участвовавших случаях побегов военнопленных из Закаспийских областей в Персию, а также высказал подозрение о возможности существования способствующей им тайной организации⁵⁴⁹. По уточненным данным выяснилось, что основная масса побегов приходилась на три приграничных пункта – города Ашхабад, Мерв, Серахс, а количество бежавших составило на тот момент – до 170 славян, румын, поляков и евреев, 5 немцев и около 80 венгров⁵⁵⁰. В результате было рекомендовано туркестанскому окружному начальству

⁵⁴⁷ Свидетельство инспектора Российского общества Красного Креста А.В. Романовой, объезжавшей Мурманскую трассу. Цит. по: Дубровская Е.Ю. Социально-экономическое пространство сооружения Мурманской железной дороги: строители магистрали и население прилегающих территорий в годы Первой мировой войны // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2020. № 1 (11). Вып. 18. С. 33.

⁵⁴⁸ Новикова И.Н. «Россия – страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену...» // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 57.

⁵⁴⁹ О военнопленных // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 545. Л. 18.

⁵⁵⁰ Там же. Л. 31.

помимо усиления охраны (выставления цепи часовых, привлечения казачьих частей для охраны лагерей и пр.) вывод военнопленных из приграничных районов⁵⁵¹.

Историк А.В. Соколенко в своем исследовании по Дальнему Востоку, приводит число бежавших только из Приморского края в 1915–1916 гг.: 43 офицера и 27 нижних чинов, 50 из которых были задержаны. Он констатирует, что это был небольшой процент от числа всех военнопленных, содержащихся в регионе, и в то же время замечает, что бежавших с российской территории военнопленных вражеская разведка планировала использовать в разведывательно-диверсионно-подрывной деятельности против России, поэтому организация охраны, предотвращение побегов или поиск сбежавших военнопленных были очень важны для обеспечения безопасности государства⁵⁵².

«Решение проблемы охраны военнопленных требовало комплексного подхода»⁵⁵³, – приходит к выводу А.В. Соколенко, подразумевая совместные действия гражданских, военных властей и органов безопасности по пресечению побегов в Китай, поиску и задержанию бежавших.

Реагируя на жалобы со стороны военных о том, что гражданские власти не принимают достаточных мер к задержанию сбежавших военнопленных, исполнявший обязанности управляющего Министерством внутренних дел Н.В. Плеве, 7 октября 1915 г. направил срочную депешу местным органам власти и органам безопасности. От них требовалось сделать «распоряжения всем чинам полиции и жандармского надзора об оказании полного содействия военным властям по охране эшелонов в пути следования, а равно сельским и волостным властям принимать самые решительные меры к недопущению побегов и задержанию беглецов для предоставления их местному воинскому начальнику»⁵⁵⁴.

⁵⁵¹ О военнопленных // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 545. Л. 31.

⁵⁵² Соколенко А.В. Взаимодействие ведомств и органов Российской империи в охране, предотвращении побегов и поиске сбежавших военнопленных на Дальнем Востоке в период Первой мировой войны (август 1914 г. – революция 1917 г.) // Альманах современной науки и образования. 2016. № 7 (109). С. 95.

⁵⁵³ Там же. С. 97.

⁵⁵⁴ Там же.

Тем не менее, проблема побегов не теряла свою остроту и в декабре 1915 г. из Министерства внутренних дел сообщалось начальнику штаба Главверха М.В. Алексееву «об участвовавших побегах из местностей Сибири военнопленных австрийцев и германцев», а также о том, что в связи с этим «было сделано сношение с Иркутским, Степным и Приамурским генерал-губернаторами по вопросу об оказании возможно широкого содействия со стороны местных органов Министерства внутренних дел подлежащему начальству Омского, Иркутского и Приамурского военных округов в деле розыска означенных военнопленных»⁵⁵⁵. В очередной раз было отдано распоряжение «о неукоснительном поддержании неослабно строгого режима в отношении военнопленных» Туркестанскому окружному начальству⁵⁵⁶.

Историк И.Н. Новикова, исследуя проблему побегов военнопленных через Скандинавские страны, приходит к выводу, что бежали в основном со строек, прежде всего с Мурманской железной дороги, а «беглецами являлись, как правило, немцы и австрийцы»⁵⁵⁷. Среди причин побегов, она выделяет тяжелые условия работы, наличие денежных средств у военнопленных, близость проницаемой границы, а также плохую охрану. Оказывала помощь военнопленным в подготовке побегов и специальная организация в Швеции, которая для них нанимала финских проводников.

На то что побег становился в этом регионе серьезной проблемой указывает обращение в августе 1916 г. военного министра, генерала от инфантерии Д.С. Шуваева в Министерство путей сообщения, которое цитирует И.Н. Новикова в своем исследовании: «Бегство пленных с Мурманской железной дороги превратилось в постоянное явление и стало в последнее время массовым. Средств же задержать всех бегущих имеется недостаточно»⁵⁵⁸. Выражало беспокойство по этому поводу и губернское правление, считая, что розыск пленных «становится почти невозможным и обнаружение бежавших может быть лишь чистой случайностью... а надзор

⁵⁵⁵ О военнопленных // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 545. Л. 88.

⁵⁵⁶ Там же. Л. 91.

⁵⁵⁷ Новикова И.Н. «Россия – страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену...» // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 55.

⁵⁵⁸ Там же. С. 56.

за пленными настолько слаб, что они без всякой охраны разгуливают не только по селениям, лежащим близ железной дороги, но и по городу Кемь, свободно посещают... иностранные теплоходы»⁵⁵⁹.

Главкомандующий Западного фронта генерал-адъютант А.Е. Эверт также высказывал озабоченность в отношении возможных побегов «военнопленных, поставленных на работы в районе военных действий по укреплению позиций особенно в районах с польско-католическим и еврейским населением, где общность языка и веры в отношении первых и зачастую симпатии среди вторых в связи с близостью противника облегчают побег»⁵⁶⁰. В этих условиях он предлагал свое видение решения проблемы, полагая, что необходимо для военнопленных установить уголовную ответственность за побег по суду. Это противоречило ст. 9 «Положения о военнопленных», которая была сформулирована на основании ст. 8 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны (Вторая Гаагская конференция мира 1907 г.), на что ему было указано в ответе из Управления дежурного генерала по штабу Верховного главнокомандующего.

В апреле 1916 г. командующий войсками Туркестанского военного округа предоставил военному министру Д.С. Шуваеву докладную записку, в которой подробно изложил «трудные условия, которые встречает военное начальство туркестанского округа в борьбе с побегими». «Соприкасаясь с Афганистаном, Персией, Бухарой и Китаем, округ имеет на своих пикетах на границах минимальное количество войск и пограничной стражи, едва достаточных для прикрытия и охраны торговых, прорезающих границы путей, все остальные мелкие пути, пешеходные тропинки и горные проходы открыты для одиночных путников; этими путями и пользуются военнопленные»⁵⁶¹, – сообщал генерал от инфантерии Ф.В. Мартсон, временно исполнявший обязанности военного начальника в регионе.

⁵⁵⁹ Новикова И.Н. Указ. соч. С. 56.

⁵⁶⁰ О военнопленных // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 545. Ч. 1. Л. 132 об.

⁵⁶¹ Докладная записка военному министру Д.С. Шуваеву от командующего Туркестанским военным округом // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1464. Л. 25.

Побеги и самовольные отлучки пленных происходили вследствие того, сообщал командующий Туркестанского военного округа в следующем обращении в министерство, что охрана пленных была возложена на малочисленные караульные команды и, только что сформированные, еще не прошедшие строевую подготовку, дружины ополчения. В это же время боеспособные воинские части Туркестанского военного округа были задействованы для охраны персидской и афганской границ. Кроме того, побегам венгров «много помогает сходство их языка с туземными, дающее возможность пленным, изъясняться с узбеками и туркменами»⁵⁶². Перечисляя проблемы, Ф.В. Мартсон предлагал «прибегнуть к устройству тюрем и проволочных оград»⁵⁶³ для военнопленных.

Несмотря на бескрайние просторы Сибири, ее малолюдность, суровый климат, которые были «лучшим способом изоляции», побеги продолжались и здесь. Например, с 24 ноября по 28 декабря 1916 г. бежали 388 военнопленных, из них 78 немцев⁵⁶⁴.

Немецкий исследователь Г. Вюрцер, ссылаясь на официальную статистику указывает на 35 735 человек вернувшихся на родину путем побега пленных до 1 сентября 1917 г., и отмечает, что их численная доля была весьма незначительной⁵⁶⁵. Однако в рамках нашего исследования картина побегов военнопленных, зафиксированная в источниках 1915–1917 гг., подтверждает вывод о системном кризисе военно-полицейского надзора. Побеги военнопленных в 1915–1917 гг. были не столько количественным, сколько качественным показателем этого кризиса. При относительно небольшой доле бежавших от общей массы пленных они носили постоянный характер и концентрировались в наиболее уязвимых приграничных районах – Туркестане, Сибири, Дальнем Востоке, на Мурманской железной дороге.

⁵⁶² О военнопленных // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 545. Ч. 1. Л. 32 об. – 33.

⁵⁶³ Докладная записка военному министру Д.С. Шуваеву от командующего Туркестанским военным округом // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1464. Л. 27.

⁵⁶⁴ Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь. Омск. 1997. С. 167.

⁵⁶⁵ Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im Ersten Weltkrieg. S. 362.

Неэффективность охраны, кадровый дефицит, коррупция, межведомственная разобщенность, использование пленных на работах вблизи границ и правовые ограничения (ст. 9 «Положения о военнопленных», ст. 8 Гаагской конвенции) делали побег практически неизбежными. Попытки ужесточить режим – усиление охраны, вывод из приграничных районов, введение уголовной ответственности – наталкивались на нехватку ресурсов и противоречия между военными и гражданскими властями. В итоге к 1917 г. система надзора утратила способность гарантировать изоляцию и контроль, а побег превратился в устойчивую практику, подрывавшую безопасность государства и свидетельствующую о системном кризисе всей имперской модели управления военнопленными.

Надзор за военнопленными стал одним из сложных испытаний для Временного правительства. В условиях продолжавшейся Первой мировой войны, нараставшего экономического кризиса, он обернулся серьезным бременем для недавно созданного государственного аппарата. После Февральской революции новая власть унаследовала миллионы пленных солдат и офицеров противника, размещенных по всей территории России, между тем «весь комплекс мер, связанных с нахождением военнопленных на территории империи, определялся специальным Положением, которое было утверждено в 1914 г. и с незначительными дополнениями продолжало юридически действовать и в 1917 году»⁵⁶⁶.

Тем не менее, «первое время после революции, по-видимому, принесло пленным значительное расширение свободы передвижения, хотя и в очень разной степени для отдельных лагерей»⁵⁶⁷, – отмечает немецкий историк Г. Вюрцер. Многие русские коменданты, известные своим произволом, строгостью и насилием, после Февральской революции были отстранены от должностей, на их место пришли более гуманные преемники.

Общую тенденцию подтверждают и региональные исследования. Так, И.А. Еремин отметил значительное смягчение режима в Западной Сибири и получение

⁵⁶⁶ Солнцева С.А. Военнопленные в России в 1917 г. (март – октябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 144.

⁵⁶⁷ Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im Ersten Weltkrieg. S. 362.

военнопленными там значительных льгот⁵⁶⁸. На ослабление охраны лагерей и возможности относительно свободного выхода из мест содержания для военнопленных, указывает И.Н. Новикова в уже упоминавшемся исследовании, «что позволяло им посещать митинги и демонстрации, активными участниками которых они постепенно становились»⁵⁶⁹.

После февраля 1917 г. работавшие военнопленные включались в профсоюзное движение, а также под воздействием пропаганды образовали социал-демократические комитеты, заявляя в их рамках о своих правах⁵⁷⁰. «На фоне актуального состояния дел в империи протестная мобилизация военнопленных была лишь делом времени»⁵⁷¹, – справедливо замечает Н.В. Суржикова. При этом она цитирует рапорт заведующего Усть-Сылвицкого (Коноваловского) завода на имя горного начальника Гороблагодатского округа, написанный уже в январе 1917 г. Документ, на наш взгляд, является яркой характеристикой наступившего структурного кризиса надзора: «Военнопленные – это самый больной и трудный вопрос Усть-Сылвицкого завода. При выходе на работу военнопленные теряют связь со своими комендантами и превращаются в беспорядочную толпу – избалованную и своевольную. К этому присоединяется полное недоверие пленных к администрации, укоренившееся благодаря нарушению даваемых обещаний...»⁵⁷²

Решение вопросов надзора за военнопленными требовало от новой власти создания принципиально иных управленческих механизмов, которые сочетали бы теперь государственное регулирование с широким привлечением общественных сил. Именно поэтому 30 марта 1917 г. было принято Постановление Временного правительства об учреждении Центрального Комитета по делам о военнопленных при

⁵⁶⁸ Еремин И.А. Положение военнопленных в Западной Сибири в 1917 г. // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2. С. 71.

⁵⁶⁹ Новикова И.Н. Указ. соч. С. 56–57.

⁵⁷⁰ Габдрафикова Л.Р. «Мы никак не могли понять, почему вдруг сбежали наши хозяева...»: (военнопленные на территории Казанской губернии в 1914–1918 гг.) // Гасырлар авазы. Эхо веков. 2017. № 1/2. С. 23.

⁵⁷¹ Суржикова Н.В. Военнопленные на Урале в 1917 г.: новые условия – новые роли // Восьмые Татищевские чтения: материалы региональной научной конференции (Екатеринбург, 27-28 мая 2010 года). Екатеринбург, 2010. С. 349.

⁵⁷² Там же.

Главном управлении Российского общества Красного Креста⁵⁷³. Этот документ стал фундаментальным актом, определявшим всю систему надзора за пленными на последующие месяцы.

Согласно пункту I постановления, Центральный Комитет создавался с целью объединения, согласования и направления деятельности всех правительственных и общественных учреждений, ведавших делами о военнопленных, гражданских пленнх и заложниках, а равно оказания помощи этим лицам⁵⁷⁴. Пункт II наделял Комитет широкими полномочиями в виде права самостоятельного и окончательного решения всех вопросов общего характера, касавшихся как русских военнопленных за границей, так и неприятельских военнопленных в России, опять же на основе «принципа взаимности»⁵⁷⁵. К этому добавлялось право непосредственных отношений с соответствующими учреждениями неприятельских и нейтральных стран, право заключения с ними всякого рода соглашений, касавшихся военнопленных, право распределения отпускаемых Государственным казначейством средств между учреждениями, «ведающими помощью военнопленным», а также право руководства деятельностью всех учреждений Российского общества Красного Креста и общественных организаций, связанных с делами о военнопленных как в России, так и за границей. Фактически часть внешнеполитических государственных функций передавалась гуманитарной организации, что было вынужденной мерой в условиях неспособности вновь создаваемого государственного аппарата оперативно решать такие масштабные задачи.

В состав Комитета, в соответствии с пунктом IV Постановления, входили по два представителя от Военного министерства и Министерства иностранных дел и по одному представителю от министерств: Внутренних дел, Финансов, Торговли и

⁵⁷³ О Центральном Комитете по делам о военнопленных при Главном Управлении Российского Общества Красного Креста // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел 1. № 71 от 30 марта 1917 г. ст. 405. С. 602–604.

⁵⁷⁴ О Центральном Комитете по делам о военнопленных при Главном Управлении Российского Общества Красного Креста. С. 602.

⁵⁷⁵ Там же.

промышленности, Земледелия, Путей сообщения и Юстиции. От Российского Общества Красного Креста в состав входили председатель Главного управления, начальник канцелярии, заведующий Центральным справочным бюро о военнопленных, заведующий Особым комитетом помощи военнопленным – по должности, а также два члена Главного управления – по избранию.

Широко были представлены и общественные организации, среди которых были: Всероссийский союз городов помощи больным и раненым воинам, Всероссийский земский союз, Московский городской комитет помощи русским военнопленным, Объединенная организация помощи русским военнопленным Городского и Земского союзов, Отдел о военнопленных при Петроградском областном комитете Всероссийского союза городов, Сибирское общество помощи больным и раненым воинам. В соответствие с духом времени в состав Комитета были включены представители от офицеров и от солдат Петроградского гарнизона⁵⁷⁶. В мае 1917 г. приказом по военному ведомству «был образован Центральный эвакуационный комитет в Москве и эвакуационные совещания в городах, где имелись распределительные эвакуопункты, к компетенции которых были отнесены наряду с больными и ранеными русскими солдатами больные и раненные пленные»⁵⁷⁷.

Пункт VI давал Комитету право привлекать к участию в своих трудах на правах совещательных членов «сведущих лиц», а также представителей иных ведомств и учреждений. Пункт VII определял, что председателем Комитета по должности является председатель Главного управления Российского Общества Красного Креста. Делопроизводство возлагалось на Отдел о военнопленных канцелярии Главного управления Российского Общества Красного Креста под общим руководством управляющего делами Центрального Комитета (пункт VIII)⁵⁷⁸.

⁵⁷⁶ О Центральном Комитете по делам о военнопленных при Главном Управлении Российского Общества Красного Креста. С. 603.

⁵⁷⁷ См.: Солнцева С.А. Военнопленные в России в 1917 г. (март – октябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 144.

⁵⁷⁸ О Центральном Комитете по делам о военнопленных при Главном Управлении Российского Общества Красного Креста. С. 603.

Финансирование Комитета, согласно пункту X, складывалось из правительственных ассигнований, частных пожертвований, благотворительных сборов, сумм, поступавших от доходов от изданий. Отчеты о деятельности Комитета рассматривались и утверждались в общем порядке, установленном для учреждений Российского Общества Красного Креста (пункт XI)⁵⁷⁹. Председатель Центрального Комитета по делам о военнопленных при Главном Управлении Российского общества Красного Креста граф П.Н. Игнатьев уведомил 8 апреля 1917 г. участников Комитета о том, что его заседания будут проходить еженедельно по вторникам и пятницам в 8¹/₂ часа вечера.

Политика Временного правительства по надзору за военнопленными представляет собой самостоятельную исследовательскую проблему, выходящую за хронологические и предметные рамки настоящей работы, и потому ее всесторонний анализ не входит в наши задачи. Вместе с тем, для оценки всей сложности и противоречивости этой политики, считаем необходимым привести отдельные факты. Они приводятся не для исчерпывающей интерпретации, а лишь для того, чтобы обозначить масштаб проблемы и показать, что она заслуживает специального изучения.

На фоне внутренней разрухи Россия продолжала сложные дипломатические контакты, связанные со статусом военнопленных. Еще до революции, в 1916 г., между Россией и Германией разгорелся спор о наказаниях за побег. Справка о заключении соглашения с Германией о наказаниях, налагаемых на военнопленных за побег, составленная в начале 1917 г., проливает свет на эту юридическую полемику.

Министерство иностранных дел регулярно получало из разных источников сведения о том, что в Германии русские офицеры за попытки к побегу не только несут дисциплинарные наказания, согласно постановлениям Гаагской конференции, но и подвергаются уголовным преследованиям под предлогом присвоения или порчи казенного и иного имущества, неизбежных при всяком побеге (например,

⁵⁷⁹ О Центральном Комитете по делам о военнопленных при Главном Управлении Российского Общества Красного Креста. С. 603–604.

пленный резал колючую проволоку, ломал решетку, портил форму или забирал казенные вещи).

Между тем 21 сентября 1916 г. посольство Северо-Американских Соединенных Штатов препроводило в Отдел о военнопленных ноту Германского правительства от 1 сентября 1916 г. В ней указывалось на то, что налагаемые в России на пленных офицеров за побеги и покушения на побег наказания не ограничены строго определенными по закону сроками и что продолжительность заключения предоставлена усмотрению соответствующего местного начальства. Содержание ноты было сообщено Военному министерству, которое ответило, что подобного рода случаи бывали лишь до тех пор, пока не было известно, что в Германии строго преследуются пленные офицеры, признанные виновными в совершении побега или же в покушении на побег. В России же наказания, предусмотренные соответствующими военными постановлениями, в общем не простираются свыше нескольких недель. Вместе с тем российское военное ведомство сообщило, что им уже установлен, «в интересах равноправия и руководствуясь принципом взаимности», порядок наложения взысканий на пленных офицеров в духе постановлений, действовавших в Германии и Австрии.

Через Соединенные Штаты, переславших этот ответ в Германию, в декабре 1916 г. была получена еще одна нота Германского правительства, теперь от 30 ноября 1916 г., в которой было заявлено о готовности войти в соглашение по вопросу о наказаниях за попытки к побегу. Вместе с тем в документе содержалась ссылка на факты, приведенные в ноте от 1 сентября 1916 г., с указанием на то, что они противоречат российскому заявлению и являются нарушением международного права. Российскому правительству предлагалось предпринять шаги к отмене предыдущей практики наказаний, чтобы германские власти не стали прибегать к подобным санкциям в отношении тех русских офицеров, которые предпримут попытки к побегу.

В основе этого конфликта лежал фундаментальный принцип Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг., определявших, что побег военнопленного не являлся уго-

ловным преступлением, и за сам факт побега или за его попытку было предусмотрено только дисциплинарное взыскание. Однако Германия нашла лазейку, начав привлекать русских офицеров к уголовной ответственности под предлогом присвоения или порчи казенного имущества.

Эта дипломатическая борьба нашла прямое продолжение в решениях Центрального комитета по делам о военнопленных от 11 сентября 1917 г. В его заседании было решено, что за преступления и проступки военнопленных, совершенные ими во время побега, они подлежат ответственности. Убийство и разбой, совершаемые во время побега, должны быть выделены в особую категорию дел. О предании суду по этому поводу предупреждается российское правительство и представитель покровительствующей державы (нейтральной страны, представлявшей интересы противоборствующей стороны, которой предоставлялась возможность присутствовать на суде)⁵⁸⁰.

В соответствии с гуманистическими принципами, которые провозгласило Временное правительство после Февральской революции, в марте 1917 г. Центральный комитет по делам о военнопленных выступил также за полную отмену для них смертной казни. Хотя позже, в июле, она была восстановлена на фронте для военнослужащих за тяжкие воинские преступления, для военнопленных же в сентябре 1917 г. была подтверждена полная ее отмена.

Это важный шаг, который демонстрировал приверженность России международным нормам. Стоит отметить, что Гаагская конвенция 1907 г. не запрещала смертную казнь для военнопленных напрямую, но устанавливала строгие процедуры: военнопленные и держава-покровительница должны были быть извещены о преступлениях, карающихся смертной казнью. Полная отмена этой меры была значительным шагом вперед. Предоставление представителю покровительствующей державы возможности присутствовать на суде – это важная гарантия справедливого судебного разбирательства, закрепленная в Гаагских конвенциях и служившая важнейшим инструментом защиты от произвола и необоснованных репрессий.

⁵⁸⁰ Справка о заседании Центрального комитета по делам о военнопленных от 11 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 1516. Л. 1 – 1 об.

Фактически это обеспечивало международный контроль за соблюдением прав военнопленных.

Однако на фоне декларативной либерализации, шедшей от Временного правительства как со стороны правительства, так и командования сохранялось настоятельное отношение к военнопленным, как представителям враждебных государств. Показательна в этом отношении «Инструкция для чинов, командированных из состава Комитета бежавших из плена солдат и офицеров и Союза инвалидов для окарауливания военнопленных на разного рода работах внутри страны», утвержденная военным министром А.Ф. Керенским 30 июня 1917 г. С одной стороны, § 6 инструкции предписывал «обращаться человеколюбиво» с пленными, «законными защитниками своего отечества». С другой § 2 требовал установить порядок, «который исключал бы всякую возможность... участия их в каких-либо собраниях и обществах, и вообще стремление военнопленных играть какую-либо роль в политической жизни русских граждан»⁵⁸¹.

Инструкция вводила тотальный контроль за вещами, перепиской и передвижением пленным, запрещала им приближаться к стратегическим объектам и предписывала охранникам следить за «малейшими подозрительными» действиями⁵⁸². При этом охрана поручалась бывшим пленным и инвалидам, которые, как отмечается в исследовательской литературе, «для охраны пленников не очень-то годились»⁵⁸³. Таким образом, инструкция А.Ф. Керенского наглядно демонстрирует противоречивость политики Временного правительства, в которой декларативная гуманность сочеталась с ужесточением полицейского режима, а попытка решить кадровую проблему за счет бывших пленным лишь усиливала общую неразбериху в системе надзора.

⁵⁸¹ Инструкция для чинов, командированных из состава Комитета бежавших из плена солдат и офицеров и Союза Инвалидов для окарауливания военнопленных на разного рода работах внутри страны // ГАРФ. Ф. Р3333. Оп. 4. Д. 86. Л. 6 – 6 об.

⁵⁸² Там же. Л. 7.

⁵⁸³ Суржикова Н.В. Военный плен в русской провинции (1914–1922): дисс. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015. С. 308.

К 1917 г. система военно-полицейского надзора за военнопленными в Российской империи перестала существовать как действенный механизм. Кадровый голод, коррупция, межведомственная разобщенность и неспособность адаптироваться к масштабам тотальной войны привели к тому, что система не смогла обеспечить ни учет, ни изоляцию, ни контроль над многомиллионной массой пленных. Побег, достигавший сотен человек в месяц, стали нормой, а их раскрываемость была крайне низкой. Этот крах стал одним из ярких симптомов общей несостоятельности имперской государственной машины, не выдержавшей вызовов Первой мировой войны.

Период правления Временного правительства стал временем глубоких контрастов в сфере надзора за военнопленными. С одной стороны, власть предпринимала активные попытки выстроить цивилизованную систему, основанную на международном праве, принципах взаимности и гуманизма, делегируя полномочия общественным организациям и Красному Кресту, подтверждая отмену смертной казни и гарантируя процессуальные права пленным. С другой стороны, революционный хаос, развал экономики и падение дисциплины заставлял власть использовать по-прежнему репрессивные меры в отношении военнопленных. Благие намерения центральной власти разбивались о реалии раздробленности и отсутствия единой вертикали. Вскоре страна погрузилась в пучину Гражданской войны, и вопросы содержания военнопленных надолго отошли на второй план, оставив эти документы свидетельством трагического разрыва между правом и реальностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, которые касаются эволюции российского законодательства о военнопленных, становления и последующего кризиса системы надзора за ними, а также места этой проблемы в общем контексте социально-политического и административного развития Российской империи в годы Первой мировой войны. Представленные наблюдения, основанные на анализе нормативных актов, делопроизводственной документации, донесений губернаторов, материалов Департамента полиции, публикаций «Вестника полиции», свидетельств современников и исследовательской литературы, дают возможность выстроить целостную картину организации и реализации надзорной политики государства, в которой оказываются тесно переплетены правовые, экономические и национальные факторы.

Анализ правовой базы надзора выявляет ее внутренние противоречия и пробелы. «Положение» 1914 г., принятое 7 октября 1914 г., стало качественно новым этапом в правовом регулировании. Оно закрепило постоянный характер закона, усилило централизацию руководства через Главное управление Генерального штаба, ввело более детальную регламентацию обязанностей местных начальников, включая четкие нормы о разделении команд, размещении, усилении надзора войсками и их взаимодействия с полицией, расширило полномочия военно-окружных начальств по усилению надзора. Однако именно это «Положение» наиболее существенно отошло от международных обязательств, введя безвозмездный принудительный труд военнопленных, что стало прямым нарушением статей 6 и 7 Гаагской конвенции 1907 г.

Таким образом, уже на уровне нормативного регулирования был заложен конфликт между декларируемыми гуманитарными принципами и практическими интересами военной экономики. Слабость военно-полицейского надзора в 1914 г. была прямым следствием правовой неопределенности, возникшей из-за хронологического разрыва между началом поступления пленных (июль–август 1914 г.) и

принятием «Положения» (7 октября 1914 г.). В этот период местные власти действовали без четких инструкций, опираясь на устаревшие нормы, циркуляры военного времени и собственную импровизацию. Распоряжение С.Д. Сазонова о применении «Положения» 1904 г. не решало проблемы, поскольку оно было создано с учетом иных условий ведения менее масштабной войны. На местах же требовались немедленные решения для размещения десятков и сотен тысяч пленных, что сопровождалось вопросами организации учета, питания, охраны, медицинского обслуживания, предотвращения побегов и конфликтов с населением.

Структура надзора, функции каждого ведомства и характер межведомственного взаимодействия по замыслу «Положения» 1914 г. предусматривали два центра управления. Военное ведомство (ГУГШ, штабы военных округов, местные воинские начальники) осуществляло основное заведование и охрану военнопленных, а Министерство внутренних дел (Департамент полиции, Отдельный корпус жандармов) – политический надзор и расследование побегов. На практике это приводило к регулярному переключению ответственности.

Военные начальники не уделяли достаточных усилий для установления прочного контроля, полиция вынуждена была брать на себя несвойственные ей функции в условиях нараставшего кадрового дефицита. Губернаторы осознавали проблему, но не имели рычагов ее решения, поскольку Военное министерство сохраняло власть над пленными, отказываясь передавать дисциплинарные полномочия гражданским учреждениям. Министерство внутренних дел ссылалось на отсутствие ресурсов и кадров. Главное управление по делам местного хозяйства не желало брать на себя ответственность за надзор, а Департамент полиции не мог обеспечить его из-за нехватки сил. В результате пленные оказывались в ситуации, при которой никто не нес полной и реальной ответственности, что создавало почву для неподчинения, конфликтов, злоупотреблений и побегов.

Систематизация категорий военнопленных по национальному, социальному и «трудовому» критериям показывает, как эта категоризация влияла на режим контроля. Национальный фактор, изначально рассматривавшийся властью как сред-

ство политического давления на Австро-Венгрию, в условиях войны трансформировался в источник дополнительных проблем. Предоставление славянским военнопленным особых условий и льгот не привело к ожидаемому укреплению пророссийских настроений, поскольку реализация этой политики оказалась лишенной четкой практической основы.

Разрозненные циркуляры, некомпетентность местных властей и отсутствие единого координирующего центра способствовали тому, что привилегированная категория пленных нередко оказывалась в более тяжелом положении, чем представители «враждебных» национальностей. Попытка исправить положение через освобождение отдельных категорий пленных под поручительство национальных организаций весной 1916 г. столкнулась с сопротивлением экономических ведомств и затянулась на месяцы, вылившись в компромиссную конструкцию статуса «трудообязанных». Национальный фактор вместо инструмента укрепления имперского влияния превратился в дополнительный источник конфликтов.

Реконструкция основных методов надзора – лагерной изоляции и полицейского контроля вне лагерей – свидетельствует о неспособности системы обеспечить необходимый уровень контроля. Около 400 лагерей, разбросанных на огромной территории империи, испытывали постоянную нехватку кадров, ограниченное финансирование и отсутствие материальных ресурсов. Охрана осуществлялась нестроевыми частями и солдатами, не годными к строевой службе, что создавало возможности для ослабления дисциплины. Воспоминания военнопленных и российские источники сходятся в том, что личная свобода в начале войны была меньше ограничена, особенно для офицеров, размещенных в частных квартирах. Однако злоупотребление этой свободой, включая попытки побега, привело к ужесточению правил, причем офицеры стали охраняться строже нижних чинов. Внутри лагерей реальная власть нередко переходила к структурам самоуправления пленных, что также вело к злоупотреблениям. Катастрофическое положение отдельных лагерей подтверждается примерами в диссертации.

Кризис надзора на частных промышленных предприятиях в 1915–1916 гг. также продемонстрировал разрушение системы управления. Новые правила разрабатывались месяцами, губернаторы, полиция и предприниматели действовали вопреки министерским циркулярам. Создание в соответствии с «Положением» от 24 декабря 1916 г. Особой междуведомственной комиссии при Военном министерстве для централизованного распределения военнопленных не прекратило поток частных ходатайств.

Определение степени влияния общественных представлений о военнопленных на систему надзора показывает, что отношение населения отличалось неоднородностью и колебалось от любопытства и сочувствия до открытого возмущения и враждебности. Власти видели в обоих проявлениях потенциальную угрозу «разлагающего» влияния на тыл. Наиболее конфликтными оказались провинциальные города, где пленные размещались в частных домах или вместе с нижними чинами российской армии, а также госпитали, где они занимали места, предназначенные для раненых российских солдат и офицеров.

Социальная паника, отражавшая реальные проблемы, одновременно служила инструментом давления губернаторов на центр для расширения собственных полномочий и выделения ресурсов, что противодействовало установлению единых норм надзора. Однако, несмотря на страхи и обращения к военному командованию и в Министерство внутренних дел, власти не могли отказаться от труда пленных: томское совещание настаивало на принудительном привлечении их к работам, а тобольский губернатор признавал, что без пленных не удалось бы провести весенний сев.

Оценка эффективности системы, факторов ее ослабления и причин кризиса к февралю 1917 г. приводит к выводу о системном характере кризиса. Кадровая проблема сопровождала надзор с самого начала войны. Полиция, ослабленная мобилизацией, не могла обеспечить минимальный надзор за сотнями тысяч пленных, разбросанных по тысячам населенных пунктов. Наемные сторожа и десятники не имели должного правового статуса, вооружения и реальной власти. Инструкция об

употреблении оружия не решала проблемы отсутствия полицейских полномочий. Надзор на местах был фиктивным, пленные пользовались фактической свободой.

Военное ведомство не могло выделить достаточного числа офицеров, полицейские силы были малочисленны и перегружены, а нормы довольствия и размещения не совпадали с реальными возможностями губерний. Экономические нормы делали использование пленных невыгодным для многих предприятий, а система вычетов из заработка лишала их экономической заинтересованности и порождала отказы от работы и побег.

Уже в 1914 г. проявились серьезные недостатки: отсутствовал четкий план размещения, несовершенным был учет, не хватало кадров для надзора, слабым был контроль вне лагерей. Российская империя оказалась не готова к массовому плену как самостоятельной административной проблеме. Военное ведомство воспринимало пленных как военную добычу и рабочую силу, МВД – как источник опасности, местные власти – как дополнительное бремя без ресурсов и полномочий. Ответственность распределялась между различными центрами при отсутствии единого управления.

К середине 1916 г. система надзора оказалась в тупике, поскольку полиция бездействовала из-за незнания инструкций или нехватки людей, земства не имели карательных функций, военные отказывались помогать. Пленные, чувствуя безнаказанность, саботировали работы, стремились в более благополучные хозяйства, что ставило под угрозу сбор урожая и продовольственное снабжение. К 1917 г. система полицейского надзора вне лагерей фактически рухнула. Массовые побег, отказы от работы, политические демонстрации с участием пленных были следствием не только революционных событий, но и системного кризиса, назревавшего всю войну.

Циркуляры и инструкции, направленные на ужесточение, оказались бессильны. Кризис надзора в 1915–1916 гг. носил системный характер, обусловленный противоречием между экономической необходимостью использования труда военнопленных и неготовностью административного аппарата к их внедрению в тыловую жизнь. Правительство создало разветвленную нормативную базу, разработав

«Положение о военнопленных», правила о казенных и общественных работах, о сельскохозяйственных работах, о работе военнопленных частной промышленности. Эта система должна была обеспечить единообразие надзора, четкое разграничение ответственности между военным и гражданским ведомствами, достаточный уровень контроля над рассредоточенными по стране пленными. Однако на практике она дала сбой. Неэффективность управленческой системы, проявлявшаяся на всех уровнях, наглядно демонстрировала, что поспешное нормативное регулирование, не подкрепленное ни кадровыми ресурсами, ни четким разграничением полномочий, неизбежно порождает хаос на местах, что в конечном счете подрывало и без того напряженный социальный климат в тылу и не могло не сказаться на общем ходе военных усилий России. Опыт России периода Первой мировой войны представляет собой наглядный пример того, как даже развитая нормативная база, не подкрепленная адекватными ресурсными механизмами, не способна обеспечить эффективное управление в условиях экстремального кризиса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ

1. Воззвание Верховного главнокомандующего Российской императорской армией великого князя Николая Николаевича (младшего) Романова к народам Австро-Венгрии // Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Том 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917 гг. – М., 2013. – 1016 с.

2. Высочайше утвержденное временное положение о военнопленных Восточной 1877 года войны // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 2-е. – Т. 52. – Отд. 2. – № 57530.

3. Высочайше утвержденное временное положение о военнопленных Русско-японской войны // ПСЗРИ. Собр. 3-е. – Том 24. – 1904. – Отд. I. – № 24523. – С. 458.

4. Именной Высочайший указ Правительствующему сенату от 28 июля 1914 года «О правилах, коими Россия будет руководствоваться во время войны 1914 года» // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. – Отдел 1. – № 209 от 2 августа 1914 года. – Ст. 2104.

5. Конвенция для улучшения участи раненых и больных в действующих армиях, заключенная в Женеве 6 июля 1906 г. // URL: <https://www.newspapers.historyrussia.org/ru/nodes/399123-konventsiya-dlya-uluchsheniya-uchasti-ranenyh-i-bolnyh-v-deystvuyuschih-armiyah-zaklyuchennaya-v-zheneve-6-iyulya-1906-g#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 28.07.2026).

6. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (Гаага, 18 октября 1907 г.): Приложение: «Положение о законах и обычаях сухопутной войны» // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/2540206/> (дата обращения: 28.07.2026).

7. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (Гаага, 18 октября 1907 г.): преамбула [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/2540206/> (дата обращения: 28.07.2026).

8. О временном положении военнопленных в войну 1914 года и о привлечении оных к исполнению казенных и общественных работ // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 1186. – Л. 15.

9. Об окладах содержания военнопленных врачей неприятельских армий // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. – Отдел 1. – 4 декабря 1915 года. – Ст. 2559.

10. Особый журнал Совета министров от 23 августа 1914 г. «О работах, подлежащих выполнению трудом военнопленных» // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 73. – Д. 10, ч. 60. – Л. 7.

11. Особый журнал Совета Министров от 23 июня 1915 г. // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 1186. – Л. 247.

12. О мерах правительственных властей по отношению к неприятельским подданным, не принадлежащим к составу армии и флота враждебных держав. Заседание Совета министров 1 августа 1914 г. // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 73. – Д. 10. – Ч. 60. – Л. 1.

13. Положение о военнопленных // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. – 1914. Отд. 1-й. – 2-е полугодие. – № 281. – Ст. 2568.

14. Положение о законах и обычаях сухопутной войны (приложение к Гаагской конвенции 1907 г.). – Ст. 6. – Л. 4.

15. Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы: Высочайше утверждены 28 февраля 1915 г. // Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по 1 января 1916 г. – Петроград, 1916. – С. 341–342.

16. The hague conventions of 1899 (II) and 1907 (IV) respecting the laws and customs of war on land. Published by the endowment Washington, d. c. – 1915.

II. АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

17. [Генеральный штаб. Управление генерал-квартирмейстера – штаб Верховного главнокомандующего] // Российский государственный исторический архив (РГВИА). – Ф. 2003. – Оп. 1. – Д. 1464. – Л. 331.

18. [Главное управление Генерального штаба в Департамент полиции от 29 декабря 1915 г.] // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 299.

19. [Губернаторам (циркулярное письмо)] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 376–377.

20. [Губернаторам (циркулярное письмо)] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 403–403 об.

21. [Губернаторам (циркулярное письмо)] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 413–413 об.

22. [Департамент полиции в Главное управление Генерального штаба от 18 июня 1916 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 451.

23. [Докладная записка военному министру Д.С. Шуваеву от командующего Туркестанским военным округом] // РГВИА. – Ф. 2003. – Оп. 1. – Д. 1464. – Л. 25 об.

24. [Докладная записка о военнопленных, посланных правительством на сельскохозяйственные работы] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 431.

25. [Докладная записка о незаконном использовании военнопленных в имении «Бабки», май 1916 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 73. – Д. 10. – Ч. 60. – Л. 233.

26. [Донесение начальника Курского губернского жандармского управления от 15 мая 1915 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 1186. – Л. 74.

27. [Донесение начальника Пермского губернского жандармского управления от 10 марта 1916 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 339–339 об.

28. [Донесение пермского губернатора в Департамент полиции от 21 декабря 1915 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 297–297 об.

29. [Донесения томского и тобольского губернаторов о масштабах размещения военнопленных в сельской местности вдоль железнодорожных магистралей] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 73. – Д. 219. – Л. 23.

30. [Извещение Главного гражданского управления от 21 декабря 1915 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 296.

31. [Инструкция об употреблении оружия десятниками и сторожами, коим поручен надзор за военнопленными, отпущенными на работы. 23 июля 1915 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 206–206 об.

32. [Копия письма военного министра от 19 декабря 1915 года за № 25807 на имя министра внутренних дел] // ГАРФ. – Ф. 102. – 1915. – Оп. 73. – Д. 10, ч. 60. – Л. 2.

33. [Начальник Генерального штаба – товарищу министра земледелия А.А. Риттиху] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 439 об.

34. [Начальнику штаба Верховного главнокомандующего от Главного управления Генерального штаба] // Архив внешней политик Российской империи (АВПРИ). – Ф. 323. – Оп. 617. – Д. 83. – Л. 54-55.

35. [О военнопленных] // РГВИА. – Ф. 2003. – Оп 2. – Д. 544. – Л. 1.

36. [О междуведомственным совещании для обсуждения вопроса о возможности и порядке применения труда военнопленных для работ на различного рода частных предприятиях] // ГАРФ. – Ф. 102. – 1915 г. – Оп. 73. – Д. 10 ч. – 10 (2). – Л. 8.

37. [О недопустимый распушенности и размещении военнопленных в местах расквартирования] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 73. – Д. 216. – Л. 11.

38. [О привлечении военнопленных к исполнению казенных и общественных работ] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 65.

39. [О размещении военнопленных, взятых на полях сражений, по селам, деревням с назначением надзора за военнопленными на полицейских чинов] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 1232. – Л. 31.

40. [О распределении военнопленных на сельскохозяйственные и окопные работы] // РГВИА. – Ф. 2005. – Оп. 1. – Д. 50. – Л. 48.

41. [Об установлении надзора над военнопленными] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 1204. – Л. 387.

42. [Обращение Архангельского губернатора в Департамент полиции от 27 августа 1915 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 249-250.

434. [Опросный лист возвращенного из германского плена с партией инвалидов, командир 474 пехотного полка полковник Михаил Федорович Михайловский] // РГВИА. – Ф. 2003. – Оп. 1. – Д. 1464. – Л. 303 об.

44. [Ответ Главного управления Генерального штаба о невозможности выделения войск для охраны пленных, 1916 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 1.

45. [Ответ ГУГШ от 12 мая 1915 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 1186. – Л. 77.

46. [Отделение Промышленного Труда. Чинам фабричной инспекции. 27 августа 1915 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 254–254 об.

47. [Отношение Департамента полиции в ГУГШ от 18 июня 1916 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 451.

48. [Отчет о работах военнопленных в Вятке] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 73. – Д. 10. – Ч. 60. – Л. 22-32.

49. [Памятная записка по вопросу об отпуске Главному Управлению Землеустройства и Земледелия средств на содержание и расквартирование военнопленных, привлеченных к работам названного ведомства] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – 1914. – Д. 84 а. – Л. 126-126 об.

50. [Переписка Министерства торговли и промышленности с Главным управлением по делам местного хозяйства, июнь 1915 г.] // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 23. – Оп. 28. – Д. 3074. – Л. 18 – 20, 34 – 36, 41 – 42.

51. [Переписка о привилегированном положении военнопленных в Хвалынском уезде, 1916 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 1.
52. [Письмо А.А. Поливанова – Н.Б. Щербатову] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 195.
53. [Письмо вр. исп. дела Наштаверх Д.С. Шуваеву от 15 ноября 1916 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 73. – Д. 10. – Ч. 60. – Л. 266-267.
54. [Письмо Екатеринбургского биржевого комитета екатеринбургскому губернатору] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 230.
55. [Письмо костромского губернатора 27 июня 1915 г. в Главное управление по делам местного хозяйства по поводу новых правил передачи просьб о выдаче военнопленных штабами округа] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – 1914. – Д. 84 а. – Л. 198–198 об.
56. [Письмо костромского губернатора в Главное управление по делам местного хозяйства от 27 июня 1915 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 198–198 об.
57. [Письмо М.А. Беляева от 21 июня 1915 г.] // ГАРФ. – 102. – Оп. 71. – Д. 1186. – Л. 149.
58. [Письмо Министра торговли и промышленности генералу Алексееву, июль-август 1916 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 73. – Д. 10. – Ч. 60. – Л. 233.
59. [Письмо Министра Торговли и Промышленности князю Щербатову от 23 июня 1915 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 162–163.
60. [Письмо Министра Торговли и Промышленности от 3 июня 1915 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 91–92.
61. [Письмо московского губернатора Управляющему Министерством Внутренних Дел от 1 июля 1915 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 200–200 об.
62. [Письмо начальника Главного управления по делам местного хозяйства] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – 1914. – Д. 84 а. – Л. 183–83 об.

63. [Письмо начальника Главного управления по делам местного хозяйства – директору Департамента полиции Е.К. Климовичу] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 426.

64. [Письмо орловского губернатора в Главное управление Генерального штаба] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 191.

65. [Письмо Пермского губернатора в Департамент полиции от 7 июня 1916 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 449–450.

66. [По вопросу о выработке и установлении порядка проведения необходимых мер к возможно полному использованию рабочей силы военнопленных для сельскохозяйственных работ] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 73. – 1915. – Д. 10, ч. 60. – Л. 6.

67. [По вопросу о допущении военнопленных к работам на Коломенском машиностроительном заводе] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 73. – Д. 259. – Л. 1.

68. [Политический обзор Восточно-Сибирского района] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 73. – Д. 219. – Л. 37.

69. [Полицейским, уездным и горным исправникам Пермской губернии] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 232.

70. [Положения, принятые на совещании 12 января 1916 г. под председательством начальника Главного управления по делам местного хозяйства] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 312.

71. [Постановление исполняющего должность Пермского губернатора от 15 августа 1915 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 245–245 об.

72. [Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ от 16 сентября 1914 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 73. – Д. 10, ч. 60. – Л. 12–15.

73. [Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях] // ГАРФ. – Ф. 102. – 1915 г. – Оп. 73. – Д. 10, ч. 10 (2). – Л. 8–9 об.

75. [Разъяснение о создании Особой междуведомственной комиссии, октябрь-ноябрь 1916 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 73. – Д. 10, ч. 60. – Л. 243.

76. [Рапорт в штаб Московского военного округа от 4 марта 1916 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 338.
77. [Рапорт начальника Владимирского губернского жандармского управления от 2 марта 1916 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 336–336 об.
78. [Рапорт начальника Вятского губернского жандармского управления о забастовке на станции Пинюг] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 307.
79. [Рапорт оренбургского губернатора о настроениях среди военнопленных и их нежелании участвовать в сельскохозяйственных работах, мотивированном достаточностью казенного довольствия] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 73. – Д. 219. – Л. 32–32 об.
80. [Резолюция директора Департамента полиции от 25 июня 1915 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 1186. – Л. 153.
81. [Сообщение Вятской городской управы губернатору от 5 августа 1914 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 73. – Д. 10, ч. 60. – Л. 3-8.
82. [Сообщение командующего Северным фронтом от 31 мая 1916 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 73. – Д. 10, ч. 60. – Л. 166.
83. [Сообщение начальника Вятского отделения Пермского жандармского полицейского управления от 16 февраля 1916 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 333.
84. [Сопроводительное письмо Военного министра от 19 апреля 1915 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 1186. – Л. 64–64 об.
85. [Справка датского посольства о положении военнопленных на заводах, 1915 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 73. – Д. 10, ч. 60. – Л. 88-90.
86. [Справка о положении военнопленных в России, составленная представителями датского посольства в Петрограде] // ГАРФ. – Ф. 6281. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 4.
87. [Телеграмма Гурко в Бердичев от 17 ноября 1916 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 73. – Д. 10, ч. 60. – Л. 268.

88. [Телеграмма из Никополя от 12 июля 1916 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 73. – Д. 10, ч. 60. – Л. 167.
89. [Телеграмма МВД от 11 июня 1915 г.] // ГАРФ. 102. Оп. 71. Д. 1186. Л. 141.
90. [Телеграмма Московского городского головы Челнокова от 21 августа 1916 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 73. – Д. 10, ч. 60. – Л. 220.
91. [Телеграмма от заместителя министра иностранных дел директору специальной Дипломатической канцелярии при Ставке верховного главнокомандующего] // АВПРИ. – Ф. 323. – Оп. 617. – Д. 86. – Л. 25.
92. [Телеграмма от заместителя министра иностранных дел директору специальной Дипломатической канцелярии при Ставке верховного главнокомандующего] // АВПРИ. – Ф. 323. – Оп. 617. – Д. 86. – Л. 25.
93. [Телеграмма управляющего Харьковской губернией от 25 июня 1915 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 1186. – Л. 151–152.
94. [Телефонограмма генерала Алексеева генералу Беляеву от 25 мая 1916 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 166.
95. Фонд Д.Н. Вергун // РГИА. – Ф. 909. – Оп.1. – Д. 425.
96. [Ходатайство Акционерного общества о 1000 пленных для заготовки дров от 2 сентября 1916 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 73. – Д. 10, ч. 60. – Л. 237–237 об.
- 97.
98. [Циркуляр главным Начальникам военных округов] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – 1914. – Д. 84 а. – Л. 124.
99. [Циркуляр ГУГШ от 18 июня 1915 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 1186. – Л. 124 об.
100. [Циркуляр Департамента полиции от 15 мая 1915 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 1186. – Л. 71.
101. [Циркуляр Департамента полиции от 31 июля 1915 г. № 3028] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 249.

102. [Циркуляр Министра внутренних дел губернаторам и градоначальникам от 5 июня 1915 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 86–86 об.
103. [Циркуляр министра внутренних дел Маклакова губернаторам от 1 сентября 1914 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 73. – Д. 10, ч. 60. – Л. 5.
104. [Циркуляр штаба корпуса жандармов от 8 августа 1915 г.] // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 71. – Д. 84 а. – Л. 265.
105. [Циркуляры, записки и переписка об отпуске военнопленных в частные промышленные предприятия, страхование военнопленных и по другим вопросам использования военнопленных на разных предприятиях] // РГИА. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 409. – Л. 17 об.
106. [Штаб главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта] // РГВИА. – Ф. 2067.
107. [Штаб отдельного корпуса жандармов] // ГАРФ. – Ф. 110.
108. [Штаб отряда Балтийского флота при кавказской туземной дивизии] // Российский Государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). – Ф. 955. – Оп. 1. – Д. 2.

III. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Дневники и воспоминания

109. *Ванек К.* Приключения храброго солдата Швейка в русском плену. – СПб.: ТОО «Братство», 1993. – 382 с.
110. *Дыбоский Р.* Семь лет в России и Сибири (1915–1921): Приключения и впечатления. – М.: Издатель Степаненко, 2020. – 296 с.
111. *Мюнних Ф.* Бурный путь. Воспоминания. Авторизованный перевод с венгерского. – М., Воениздат, 1968. – 192 с.
112. *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 г. – М.: Высший военный редакционный совет, 1924. – Т. 1. – 240 с.

113. *Элерт К.Г.* Две мировые войны в жизни нашей семьи [Текст] / Карл Элерт, Екатерина Брюкнер [пер. с нем. Т. А. Безуглой]. – Санкт-Петербург : [б. и.], 2015. – 225 с.

2. Газетные и журнальные статьи

114. [Без авт.] Военнопленные славяне // Новое время. – 1915. – 29 ноября.
115. [Без авт.] День военнопленных // Русские ведомости. – 1915. – № 250. – 31 октября.
116. [Без авт.] Доклад о лагере при селе Тоцком // Вестник Красного Креста. – 1916. – № 2.
117. [Без авт.] Новое время. – 1915. – № 13996. – 27 февраля.
118. [Без авт.] Пленные в Сибири. Из-за Уралья (корреспонденция «Нового Времени») // Новое время. – 1915. – № 13996. – 27 февраля.
119. [Без авт.] Пленные в Туркестане // Вечернее время. – 1916. – № 1406. – 1 марта.
120. [Без авт.] Правая печать и субсидии // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. – 1915. – № 15151. – 16 октября.
121. [Без авт.] Труд пленных. Из Екатеринбурга // Русское слово. – 1915. – № 172. – 26 июля.
122. [Без авт.] Уголовная ответственность военнопленных // Новое время. – 1916. – № 1406. – 23 марта;
123. [Без авт.] Удаление военнопленных // Русские ведомости. – 1916. – № 120. – 26 мая.
124. *Альбат Г.П.* К вопросу о снабжении военнопленных хлебом // Известия главного комитета Всероссийского Земского Союза. – 1916. – № 41–42.
125. Военнопленные // Речь. – 1916. – № 157. – 10 июня.
126. В саратовских лазаретах // Вестник полиции. – 1915. – № 11. – С. 354.
127. Военнопленные в Вологде // Вестник полиции. – 1915. – № 4. – С. 118.
128. *Вороновский Вл.М.* К участи военнопленных // Вестник Красного Креста. – 1915. – № 1.

129. *Гросман Г.* Смертный приговор военнопленному // Русские ведомости. – 1915. – № 101. – 5 мая.
130. Занятия военнопленных // Вестник полиции. – 1915. – № 23. – С. 738.
131. Запрещение общения с военнопленными // Вестник полиции. – 1915. – № 17. – С. 547.
132. *Звездич.* Азбука для военнопленных // Русские ведомости. – 1916. – 15 апреля;
133. Изолируйте пленных // Вестник полиции. – 1915. – № 10. – С. 321.
134. Как обращаются с германскими пленными у нас // Вестник полиции. – 1914. – № 52. – 26 декабря.
135. *Кауфман Ю.С.* Отчет по исследованию положения военнопленных в Нижнем Новгороде и Царицыне // Вестник Красного Креста. – 1916. – № 1.
136. Комфорт у пленных // Вестник полиции. – 1915. – № 11. – С. 355.
137. *Лебедев В.* Пленные // Русские ведомости. – 1915. – № 227. – 4 октября.
138. *Мерсисов А.* Международное право о военном плене // Русские ведомости. – 1915. – 1 ноября.
139. Мы и военнопленные // Вестник полиции. – 1914. – № 45. – 7 ноября. С. 778.
140. Обоянские «гражданки» // Вестник полиции. – 1915. – № 33. – С. 1059.
141. Обследование быта военнопленных // Вестник полиции. – 1915. – № 2. – С. 60.
142. Помощь военнопленным // Вестник полиции. – 1915. – № 22. – С. 706.

IV. ЛИТЕРАТУРА

143. *Аверин Д.Н.* Первая мировая война. Военнопленные в Тобольской губернии // Исторические исследования: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). – Казань: Изд-во «Бук», 2016. С. 1–14.
144. *Алексеев Н.Н.* Военный плен и международное право. – М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1915. – 17 с.

145. *Ануфриев А.В.* Австро-венгерские военнопленные в Иркутске в годы Первой мировой войны (по фондам ГАИО) // Иркутску 350 лет – история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Сибиряковские чтения» 12-13 октября 2011 г. – Иркутск: «Оттиск», 2011. – С. 161–179.

146. *Ануфриев А.В., Козлов Д.В.* Военнопленные Первой мировой войны и их место в культурном ландшафте городов Восточной Сибири // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики): материалы X Всероссийского научного симпозиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября 2020 г.) [Электронное издание]. – Москва, Омск: Сибирский филиал Института Наследия, 2020. – С. 151–161.

147. *Базанов С.Н.* Военнопленные-славяне в России в годы Первой мировой войны // Труды Института российской истории. – М., 2013. – Вып. 11. – С. 171–184.

148. *Баталин А.М.* Труд военнопленных на постройке железных дорог. – Пг., 1916. [На правах рукописи].

149. *Белова И.Б.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 432 с.

150. *Блиняев С.Н., А.А. Данилов, М.Ю. Харитонов.* Проблемы материально-бытового содержания военнопленных на территории Казанской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Чувашского университета. – 2025. – № 1. – С. 23–32.

151. *Бондаренко Е.Ю.* Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956 гг.). – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2002. – 222 с.

152. *Бухе Е.А.* Военнопленные: Обзор деятельности Центр. справ. бюро о военнопленных во время Рус.-яп. войны. – Санкт-Петербург: Гл. упр. Рос. о-ва Красного креста, 1907. – XVI. – 152 с.

153. *Васильева В.С.* Военнопленные Первой мировой войны: по архивным материалам ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске». – Текст: электронный // Архивы и историческая наука: механизмы взаимодействия: материалы III

Уральского историко-архивного форума (Екатеринбург, 18–19 октября 2024 г.). – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2024. – С. 20–26.

154. *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. – М.: РИЦ Мос. гос. открытого пед. ун-та (МГОПУ), 1999. – 146 с.

155. *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: Уч. пособие к спецкурсу. – М.: Ред.-изд. центр МГОПУ, 1999. – 133 с.

156. Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия. 3-е изд., доп. – М., 1987. – 1963 с.

157. *Габдрафикова Л.Р.* «Мы никак не могли понять, почему вдруг сбежали наши хозяева...»: (военнопленные на территории Казанской губернии в 1914–1918 гг.) // Гасырлар авазы. Эхо веков. – 2017. – № 1/2. – С. 18–31.

158. *Голодяев К.А.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Ново-Николаевска // Сибирский архив. – 2022. – № 11. – С. 11–28.

159. *Голубев А.А.* Военнопленные австро-венгерского подданства на строительстве Мурманской железной дороги (1915 – 1917 гг.) // The scientific heritage. 2017. – № 9 (9). – С. 57–58.

160. *Голубев А.А.* Мурманская железная дорога. История строительства (1894–1917 гг.). – СПб.: ПГУПС, 2011. – 204 с.

161. *Гордеев О.Ф.* Военнопленные Первой мировой войны в Сибири (август 1914 – февраль 1917 гг.). Историко-правовые аспекты проблемы // Актуальные проблемы теории и истории государства и права. Сб. науч. ст. – Красноярск: КГУ, 2002. – С. 30–37.

162. *Греков Н.В.* Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917 гг.) // Немцы. Россия. Сибирь. – Омск: Омский государственный историко-краеведческий музей, 1997. – С. 154–180.

163. *Дубровская Е.Ю.* Социально-экономическое пространство сооружения Мурманской железной дороги: строители магистрали и население прилегающих

территорий в годы Первой мировой войны // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. – 2020. – № 1 (11). – Вып. 18. – С. 30–41.

164. *Еремин И.А.* Отношение властей и населения Западной Сибири к военнопленным, размещенным на территории региона в годы Первой мировой войны // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2 (51). – С. 88–95.

165. *Жданов Н.* Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 г.г. – М.: Военная типография Всероглавштаба, 1920. – 376 с.

166. *Жданов Н.М.* Военный плен в условиях мировой войны // Сборник статей по военному искусству. – М.: Госиздат, 1921. – С. 80–139.

167. *Жданов Н.М.* Доклад о юридической помощи военнопленным и их семьям. – М.: Московский комитет помощи военнопленным, 1916. – 15 с.

168. *Змеева О.В.* Социальный порядок на Мурманстройке. Часть 1. Этнические группы – акторы социальной системы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2021. – Т. 43. – № 8. – С. 70–78.

169. *Ивашов, Л.Г., Емелин А.С.* Нравственные и правовые проблемы плена в отечественной истории // Военно-исторический журнал. – 1992. – № 1. – С. 44–50.

170. *Иконникова Т.Я.* Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). – Хабаровск: Изд-во ГОУ ВПО «Хабар. гос. пед. ун-т», 2004. – 177 с.

171. Интернационалисты в боях за власть Советов / под ред. М. А. Бирмана [и др.]. – М.: Мысль, 1965. – 398 с.

172. Интернационалисты: трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов / редколл.: А.Я. Манусевич (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1967. – 614 с.

173. *Калякина А.В.* Под охраной русского великодушия. Военнопленные Первой мировой войны в Саратовском Поволжье (1914–1922). – М.: «Кучково поле», 2015. – 304 с.

174. *Клеванский А.Х.* Военнопленные центральных держав в царской и революционной России (1914–1918 гг.) // Интернационалисты в боях за власть Советов. – М., 1965. – С. 24–65.

175. *Коновалов Ф.Я., Вельямидов К.А.* Немецкие и австрийские военнопленные на территории Вологодской губернии в годы Первой мировой войны // 1941–1945: уроки войны – уроки правды, мужества и патриотизма: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, 24–25 февраля 2005 г. – Вологда, 2006. – С. 298–307.

176. *Корнеев В.В.* Концентрационные лагеря в России в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 9. – С. 40–43.

177. *Котляров И.И.* Международное гуманитарное право о понятии «вооруженные силы» // Московский журнал международного права. – 2008. – № 1. – С. 35–57.

178. *Крючков И.В.* Военнопленные Австро-Венгрии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны. – Ставрополь, 2006. – 121 с.

179. *Лисаускайте В.В.* Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. как источник толкования военных преступлений в контексте рассмотрения ч. 1 ст. 356 УК Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2023. – № 4 (107). – С. 213–224.

180. *Нагорная О.С.* Военный плен Первой мировой на Восточном фронте: традиции «прекрасной эпохи» и тенденции «тотальной войны» // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. «История России». – 2011. – № 1. – С. 122–134.

181. *Нахтигаль Р.* Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // Quaestio Rossica. – 2014. – № 1. – С. 142–156.

182. *Нахтигаль Р.* Мурманская железная дорога (1915–1919 годы): военная необходимость и экономические соображения. – СПб., 2011. – 320 с.

183. *Нахтигаль Р.* Осмотр лагерей военнопленных в России сестрами милосердия Центральных держав в 1915–1917 гг. // Опыт мировых войн в истории России. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. – С. 83–94.

184. *Новикова И.Н.* «Россия – страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену...» // Военно-исторический журнал. – 2006. – № 2. – С. 55–58.

185. Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны. 1914 – март 1918. В 2 кн. Кн. 1. 1914–1916. Прага: Vedecko vydavatelske centrum «Sociosfera–CZ», 2014 // <https://docs.historyrussia.org/ru/indexes/values/1890410>.

186. *Познахирев В.В.* Турецкие военнопленные и гражданские пленные в России в 1914–1924 гг. – СПб.: Нестор-история, 2014. – 292 с.

187. *Познахирев В.В.* Особенности обмена списками военнопленных между Россией и Турцией в годы Первой мировой войны // Клио. – 2014. – № 8 (92). – С. 123–125.

188. *Познахирев В.В.* Оттоманские военнопленные в России в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – СПб.: Нестор-история, 2017. – 320 с.

189. Россия в мировой войне в цифрах. (1914–1918 гг.). – М.: Отдел военной статистики ЦСУ СССР, 1925. – 103 с.

190. *Рындин Н.Г.* Военнопленные Германии и Австро-Венгрии на территории Белорусских губерний в период Первой мировой войны // Первая мировая война в исторических судьбах Европы: Сб. материалов Междунар. науч. конф., г. Вилейка, 18 окт. 2014 г. – Минск: Изд. центр БГУ, 2014. – С. 299–303.

191. *Рындин С.Н.* Иностранные военнопленные на территории Беларуси: опыт Первой мировой войны // Веснік БДУ. – 2013. – Сер. 3. – № 2. – С. 101–104.

192. *Рындин С.Н.* Рабочие формирования из военнопленных на территории белорусских губерний в годы Первой мировой войны // Archivarius. Zborník náu-kových pávedamlenňá i artykułá. – Mínsk, 2018. – Выпуск 16. – С. 255–265.

193. *Серебрякова С.Г.* Японцы в русском плену во время Русско-японской войны (1904–1905 гг.) // Петербургский исторический журнал. – 2025. – № 3. – С. 9–18.

194. *Серебрякова С.Г., Османов Е.М.* Вопросы размещения японских плен-ных в России во время Русско-японской войны (1904–1905 гг.) // Японские иссле-дования. – 2023. – № 3. – С. 63–75.

195. *Синиченко В.В., Климов А.Ю.* «Роль Министерства внутренних дел Российской империи в идеологической обработке и организации труда военнопленных в годы Первой мировой войны» // Труды Академии управления МВД России. – 2022. – № 4 (64). – С. 138–146.

196. *Славнитский Н.Р.* Немецкие и австрийские военнопленные в петроградских газетах в 1914 г. // Военная история России XIX–XX вв.: материалы VII международной военно-исторической конференции. – СПб., 2014. – С. 296–309.

197. *Соколенко А.В.* Взаимодействие ведомств и органов Российской империи в охране, предотвращении побегов и поиске сбежавших военнопленных на Дальнем Востоке // Альманах современной науки и образования. – 2016. – № 7 (109). – С. 95–100.

198. *Солнцева С.А.* Военнопленные в России в 1917 г. (март – октябрь) // Вопросы истории. – 2002. – № 1. – С. 143–149.

199. *Степанов А.И.* Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века. В 4 книгах. – М., 2002. – Кн. 1. – 630 с.

200. *Стрельцов Д.В.* Японские военнопленные русско-японской войны в Аракчеевских казармах Новгородской губернии // Ежегодник Япония. – 2022. – Т. 51. – С. 122–136.

201. *Суржикова Н.В.* Военнопленные на Урале в 1917 г.: новые условия – новые роли / Восьмые Татищевские чтения: материалы региональной научной конференции (Екатеринбург, 27-28 мая 2010 года). – Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2010. – С. 348–352.

202. *Суржикова Н.В.* Российский плен 1914–1917 гг. как пространство политико-идеологических манипуляций. Теории центра и практики периферии // Cahiers du monde Russe. – 2012. – Т. 53. – № 1. – С. 1–44.

203. *Суржикова Н.В.* Российский плен 1914–1917 гг.: проблема институциональной атрибуции // Идеи и идеалы. – 2014. – № 3 (21). – Т. 6. – Часть 2. – С. 5–12.

204. *Суржикова Н.В.* Бежать нельзя остаться: побег военнопленных Первой мировой войны в России 1914–1917 годов // Новая и Новейшая история. – 2025. – № 6. – С. 102–112.

205. *Талапин А.Н.* Военнопленные Первой мировой войны в городе Томске глазами гласных городской думы (1914–1917) // Четвертые Ядринские чтения. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Революции и Гражданской войны в России. Омск, 30–31 октября 2017 года. – Омск, 2017. – С. 203–209.

206. *Тарелко В.М.* Американское присутствие в деле помощи русским военнопленным в Османской Империи в годы Первой мировой войны // Информация – Коммуникация – Общество (ИКО–2026): Труды XXIII Всероссийской научной конференции с международным участием / Санкт-Петербург, 22 – 23 января 2026 г. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2026. – С. 374–378.

207. *Тихонов А.В.* Использование труда военнопленных Четверного союза в экономике регионов в годы Первой мировой войны на примере Калужской и Тульской губернии // Вестник Брянского государственного университета. – 2016. – № 1. – С. 123–126.

208. *Ульянов И.И.* Октябрьская революция и военнопленные // Пролетарская революция. – 1929. – № 7. – С. 95–110.

209. *Федорова Т.В.* Проблема социально-бытовых условий содержания австро-венгерских военнопленных на территории Восточной Сибири во время Первой мировой войны // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История. Политология. – 2014. – № 4-2 (84). – С. 232–236.

210. *Храмцов А.Б.* Журнал «Вестник полиции» как исторический источник (1907–1917 гг.) // Вестник Нижневартковского государственного университета. – 2014. – № 2 (26). – С. 43–48.

211. *Шаццлло В.К.* Япония и японцы глазами русских военнопленных, 1904–1906 гг. // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. [редкол.: И.В. Нарский и др.]. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. – С. 349–357.

212. *Шипек А.* Военнопленные и их использование в мировой и гражданской войне // Война и революция Книга вторая. – М.: Изд-во «Военный вестник», 1928. – С. 64–72.

213. *Шнейдер И.* Революционное движение среди военнопленных в России в 1915–1919 гг. // *Борьба классов.* – 1935. – № 3. – С. 54–61.

214. *Miodowski A.* Escapes from Russian Captivity by Prisoners of War Taken on the Eastern Front (August 1914 – February 1917) // *The Journal of Slavic Military Studies.* 2021. – Volume 34. – Issue 2. – Pp. 303–321.

215. *Wurzer Georg.* Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Rußland im Ersten Weltkrieg. – Göttingen: V&R unipress, 2005, – 626 s.

VI. ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

216. *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1997.

217. *Гергулева А.И.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: дисс. ... канд. ист. наук. – Красноярск, 2006.

218. *Еремин И.А.* Западносибирский тыл России в годы Первой мировой войны: июль 1914 – март 1918 гг.: дисс. ... докт. ист. наук. – Барнаул, 2006.

219. *Идрисова Э.С.* Иностранные военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1922 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2008.

220. *Изаксон Р.А.* Деятельность российских властей по преодолению кризиса с трудовыми ресурсами в годы Первой мировой войны (на примере Восточной Сибири и Дальнего Востока): дисс. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2018.

221. *Ниманов Б.И.* Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 годах в Поволжье: дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2009.

222. *Остроухов А.И.* Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2011.

223. *Суржикова Н.В.* Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.): дисс. ... докт. ист. наук. – Екатеринбург, 2015.

224. *Талапин А.Н.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири: Июль 1914 – май 1918 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. – Омск, 2005.

225. *Щеров И.П.* Организация и деятельность коллегии по делам пленных и беженцев в Смоленском крае (1914–1921 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1998.

226. *Wurzer Georg.* Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Rußland im Ersten Weltkrieg. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie in der Geschichtswissenschaftlichen Fakultät der Eberhard-Karls-Universität zu Tübingen vorgelegt von aus Ehingen/Donau, 2000. – S. 101.